

№ 3

2020

НАСЛЕДИЕ ВЕКОВ

HERITAGE
OF CENTURIES

ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ЮЖНОГО ФИЛИАЛА
ИНСТИТУТА НАСЛЕДИЯ

СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА НОМЕРА:
«В ГРАНИТЕ И БРОНЗЕ»:
МОНУМЕНТАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ
СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ

ISSN 2412-9798

16+

№ 3
(23)

16+

●
2020

НАСЛЕДИЕ ВЕКОВ

HERITAGE
OF CENTURIES

ЭЛЕКТРОННЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ ЮЖНОГО ФИЛИАЛА
ИНСТИТУТА НАСЛЕДИЯ

УЧРЕДИТЕЛЬ

АНО Центр духовного развития и патриотического воспитания «Родные традиции»

ИЗДАТЕЛЬ:

Южный филиал
ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева»

Выходит 4 раза в год

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации:
ЭЛ № ФС 77 - 76198
от 19 июля 2019 г.

ISSN 2412-9798

Адрес редакции:

350063, г. Краснодар,
ул. Красная, д. 28, оф. 28
Тел. +7 (861) 268-22-98
E-mail:
heritage.krasnodar@gmail.com

Мнение авторов может
не совпадать с точкой зрения
редакции

Номер сверстан: 30.09.2020
Размещен в сети Интернет: 30.09.2020

Главный редактор:

ГОРЛОВА

Ирина Ивановна,
доктор философских наук,
профессор, директор Южного
филиала Института Наследия

Заместитель главного редактора:

КОВАЛЕНКО

Тимофей Викторович,
кандидат философских наук,
заместитель директора Южного
филиала
Института Наследия

Выпускающий редактор:

КРЮКОВ

Анатолий Владимирович,
кандидат исторических наук,
ученый секретарь Южного
филиала Института Наследия

Распоряжением Минобрнауки России от 12 февраля 2019 г. № 21-р электронный журнал «Наследие веков» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

БОНДАРЬ Виталий Вячеславович	кандидат исторических наук, начальник отдела изучения культурного наследия и экспертной деятельности Южного филиала Института Наследия
БЫЧКОВА Ольга Ивановна	кандидат экономических наук, доцент, начальник отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Института Наследия
ГУЦАЛОВ Александр Анатольевич	ответственный секретарь редакции, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник отдела изучения культурного наследия и экспертной деятельности Южного филиала Института Наследия
ЕРЕМЕЕВА Анна Натановна	доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Института Наследия
КОСТИНА Наталья Анатольевна	кандидат педагогических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Института Наследия
НАУМЕНКО Владимир Емельянович	кандидат исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела комплексных проблем изучения культуры Южного филиала Института Наследия, заслуженный деятель науки Республики Ингушетия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

АБДУЛЛАЕВА Рена Габиб кызы	доктор искусствоведения, профессор, заведующая отделом культурологии Института архитектуры и искусства Национальной академии наук Азербайджана, Баку, Азербайджанская Республика
АКАЕВ Вахит Хумидович	доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник отдела гуманитарных исследований Комплексного научно-исследовательского института имени Х. И. Ибрагимова РАН, действительный член Академии наук Чеченской Республики, Грозный, Российская Федерация
АРАКЕЛОВА Александра Олеговна	доктор искусствоведения, ректор Российской государственной академии интеллектуальной собственности, заслуженный работник культуры Российской Федерации, Москва, Российская Федерация
ВЛАДИМИРСКИ Ирена	PhD в области истории, профессор, заведующая кафедрой истории общественной мысли Академического колледжа Ахва, Ахва, Государство Израиль
ГАПУРОВ Шахрудин Айдиевич	доктор исторических наук, профессор, Президент Академии наук Чеченской Республики, заведующий кафедрой новой и новейшей истории Чеченского государственного университета, заслуженный деятель науки Чеченской Республики, Грозный, Российская Федерация
ДЕМИН Вадим Петрович	действительный член Российской академии образования, доктор искусствоведения, профессор, академик-секретарь отделения образования и культуры Российской академии образования, заслуженный деятель искусств Российской Федерации, Москва, Российская Федерация
ДЖИВЕНСКА Малгожата Цецилия	Ph. D. в области географии, доцент Нижнесилезской высшей школы социальных служб «Ассесор», Вроцлав, Республика Польша
КУДРЯВЦЕВ Александр Абакарович	доктор исторических наук, профессор, кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского федерального университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Ставрополь, Российская Федерация
КУМАР Капил	профессор истории, декан исторического факультета Высшей школы социальных наук Индийского национального открытого университета имени Индиры Ганди, директор Центра по исследованию борьбы за свободу, Советник индийского конгресса туризма и гостеприимства, Нью-Дели, Республика Индия
КУПЦОВА Ирина Валентиновна	доктор исторических наук, профессор кафедры регионального и муниципального управления Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация
МАКГАЛА Кристиан Джон	Ph. D. в области истории, профессор кафедры истории гуманитарного факультета исторического факультета Университета Ботсваны, Габороне, Республика Ботсвана
МАТВЕЕВ Олег Владимирович	доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Кубанского государственного университета, главный научный сотрудник Научно-исследовательского центра традиционной культуры Кубанского казачьего хора, Краснодар, Российская Федерация
НЕРЕТИН Олег Петрович	доктор экономических наук, директор Федерального института промышленной собственности, лауреат премии Правительства Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

НИСТОТСКАЯ Марина Сергеевна	Ph. D. в области политологии, старший преподаватель кафедры политологии; научный сотрудник Института качества государственного управления Гётеборгского университета, Гётеборг, Королевство Швеция
ОРЛОВА Надежда Хаджимерзановна	доктор философских наук, научный сотрудник Института философии Университета Зелена Гура, Зелена Гура, Республика Польша
ПАТИНЬО Хуан Карлос	доктор экономических наук, профессор факультета политических и социальных наук Автономного Университета штата Мехико, Толука, Мексиканские Соединенные Штаты
ПЕТРОВ Владимир Михайлович	доктор философских наук, профессор, Вице-Президент Международной ассоциации эмпирической эстетики, Москва, Российская Федерация
ПРАБХАКАРА Джантхьяло Рао	профессор лингвистики, директор Центра изучения иностранных языков Высшей школы гуманитарных наук Центрального университета Хайдарабада, Хайдарабад, Республика Индия
РАТУШНЯК Валерий Николаевич	доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Кубанского государственного университета, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Краснодар, Российская Федерация
РАХАЕВ Анатолий Измаилович	доктор искусствоведения, профессор, ректор Северо-Кавказского государственного института искусств, заслуженный деятель искусств Российской Федерации, кавалер Ордена Дружбы, Нальчик, Российская Федерация
РЫБАК Кирилл Евгеньевич	доктор культурологии, ведущий научный сотрудник отдела государственной культурной политики Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева, Москва, Российская Федерация
САЛАМЗАДЕ Эртегин	доктор искусствоведения, профессор, директор Института архитектуры и искусства Национальной академии наук Азербайджана, член-корреспондент Национальной академии наук Азербайджана, Баку, Азербайджанская Республика
ХАНГЕЛЬДИЕВА Ирина Георгиевна	доктор философских наук, профессор кафедры истории и философии образования факультета педагогического образования Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация
ЧЕЛЬШЕВ Евгений Петрович	действительный член Российской академии наук, доктор филологических наук, профессор, председатель Научного совета РАН по изучению и охране культурного и природного наследия, заслуженный деятель науки Российской Федерации, кавалер ордена «За заслуги перед Отечеством» III и IV степени, Москва, Российская Федерация
ЩЕРБАКОВА Анна Иосифовна	доктор культурологии, доктор педагогических наук, ректор Московского государственного института музыки имени А. Г. Шнитке, Москва, Российская Федерация

**VOL.3
(23)
●
2020**

HERITAGE НАСЛЕДИЕ OF CENTURIES ВЕКОВ

THE ONLINE SCIENTIFIC JOURNAL OF THE SOUTHERN BRANCH
OF THE INSTITUTE OF HERITAGE

FOUNDER:

Autonomous Not-for-Profit
Organization Center for Intellectual
Development and Patriotic Education
“Native traditions”

PUBLISHER:

Southern Branch of the Russian
Research Institute for Cultural
and Natural Heritage

Published four times a year

Mass Media Registration Certificate:
ЭЛ № ФС 77 - 76198
on July 19, 2019

ISSN 2412-9798

Editorial Office:

Address:

Office 5, 28 Krasnaya Street,
Krasnodar, Russia, 350063.

Telephone:

+7 (861) 268-22-98

E-mail:

heritage.krasnodar@gmail.com

The views expressed in the Journal
are those of the authors, and do not
necessarily coincide with those of the
Editors, the Editorial Board
or the Publications Council.

Imposed on 30 September 2020
Published online on 30 September 2020

Editor-in-Chief:

Irina I. **GORLOVA**

Dr. Sci. (Theory and History of
Culture), Prof., Director, Southern
Branch, Russian Research
Institute for Cultural and Natural
Heritage

**Deputy
Editor-in-Chief:**

Timofey V. **KOVALENKO**

Cand. Sci. (Theory and History
of Culture), Deputy Director,
Southern Branch, Russian
Research Institute for Cultural and
Natural Heritage

Managing Editor:

Anatoly V. **KRYUKOV**

Cand. Sci. (National History),
Academic Secretary, Southern
Branch, Russian Research
Institute for Cultural and Natural
Heritage

**By Order of the Ministry of Science and Education
of the Russian Federation No. 21-r of 12 February 2019,
the electronic scientific journal *Heritage of Centuries* was
included into the List of Reviewed Scientific Journals in
which main scientific results of dissertations for obtain-
ing candidate (Cand. Sci.) and doctoral (Dr. Sci.) degrees
should be published.**

EDITORIAL BOARD

Vitaliy V.

BONDAR

Cand. Sci. (National History), Head, Department for the Study of Cultural Heritage and Expert Activities, Southern Branch, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage

Olga I.

BYCHKOVA

Cand. Sci. (Economics and Economic Management), Assoc. Prof., Head, Department for Complex Problems of Cultural Research, Southern Branch, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage

Aleksandr A.

GUTSALOV

Executive Editor, Cand. Sci. (History of Philosophy), Leading Researcher, Department for the Study of Cultural Heritage and Expert Activities, Southern Branch, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage

Anna N.

EREMEEVA

Dr. Sci. (National History), Prof., Chief Researcher, Department for Complex Problems of Cultural Research, Southern Branch, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage

Natalya A.

KOSTINA

Cand. Sci. (Library Science, Bibliography and Bibliology), Assoc. Prof., Leading Researcher, Department for Complex Problems of Cultural Research, Southern Branch, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage

Vladimir E.

NAUMENKO

Cand. Sci. (National History), Prof., Leading Researcher, Department for Complex Problems of Cultural Research, Southern Branch, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, Honoured Worker of Science of the Republic of Ingushetia

PUBLICATIONS COUNCIL

Rena Habib gizi
ABDULLAYEVA

Dr. Sci. (Theory and History of Arts), Prof., Head, Department of Culturology, Institute of Architecture and Art, Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Republic of Azerbaijan

Vakhit Kh.
AKAEV

Dr. Sci. (History of Philosophy), Prof., Chief Researcher, Department of Humanities, Complex Research Institute, Russian Academy of Sciences; Academician, Academy of Sciences of the Chechen Republic, Grozny, Russian Federation

Aleksandra O.
ARAKELOVA

Dr. Sci. (Musical Art), Rector, Russian State Academy of Intellectual Property, Honoured Worker of Culture of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Evgeniy P.
CHELYSHEV

Academician, Russian Academy of Sciences, Dr. Sci. (Philology), Prof., Chairman, Scientific Council for the Study and Protection of Cultural and Natural Heritage, Honoured Worker of Science of the Russian Federation, Cavalier of the Order "For Merit to the Fatherland" 3rd and 4th Classes, Moscow, Russian Federation

Shakhrudin A.
GAPUROV

Dr. Sci. (National History), Prof., President, Academy of Sciences of the Chechen Republic; Head, Department of Modern and Contemporary History, Chechen State University, Honoured Worker of Science of the Chechen Republic, Grozny, Russian Federation

Cecylia Malgorzata
DZIEWIECKA

PhD in Geography, Assoc. Prof., Lower Silesian Higher School of Public Services 'ASESOR', Wroclaw, Republic of Poland

Vadim P.
DEMIN

Academician, Russian Academy of Education; Dr. Sci. (Theatrical Art), Prof.; Academic Secretary, Department of Education and Culture, Russian Academy of Education, Honoured Art Worker of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Irina G.
KHANGELDIEVA

Dr. Sci. (Aesthetics), Prof., Department of History and Philosophy of Education, Faculty of Educational Studies, Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Aleksandr A.
KUDRYAVTSEV

Dr. Sci. (National History), Prof., Department of Foreign History, Political Science and International Relations, North Caucasus Federal University, Honoured Worker of Science of the Russian Federation, Stavropol, Russian Federation

Kapil
KUMAR

Professor of History, Dean, Faculty of History, School of Social Sciences, Indira Gandhi National Open University (IGNOU); Director, Indira Gandhi Centre for Freedom Struggle Studies; Advisor, Indian Tourism and Hospitality Congress, New Dehli, Republic of India

Irina V.
KUPTSOVA

Dr. Sci. (National History), Prof., Department of Regional and Municipal Management, Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Christian John
MAKGALA

MPhil & PhD in History, Associate Professor in History, Faculty of Humanities, History Department, University of Botswana, Gaborone, Republic of Botswana

Oleg V.
MATVEEV

Dr. Sci. (National History), Prof., Department of History of Russia, Kuban State University; Chief Researcher, Research Centre for Traditional Culture, The Kuban Cossack Choir, Krasnodar, Russian Federation

Oleg P.	NERETIN	Dr. Sci. (Economics and Economic Management), Director, Federal Institute of Industrial Property, Laureate of the Prize of the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
Marina S.	NISTOTSKAYA	PhD in Political Science, Senior Lecturer, Department of Political Science; Research Fellow, Quality of Government Institute, University of Gothenburg, Gothenburg, Kingdom of Sweden
Nadezhda Kh.	ORLOVA	Dr. Sci. (Religious Studies, Philosophical Anthropology, and Philosophy of Culture), Researcher, Institute of Philosophy, University of Zielona Góra, Zielona Góra, Republic of Poland
Juan Carlos	PATIÑO	Dr. of Economics, Prof., Faculty of Political and Social Sciences, Autonomous University of Mexico State, Toluca, United Mexican States
Vladimir M.	PETROV	Dr. Sci. (Theory and History of Culture), Prof., Vice-President, International Association of Empirical Aesthetics, Moscow, Russian Federation
Jandhyala	PRABHAKARA RAO	Dr., Professor of Linguistics, Coordinator, Centre for Study of Foreign Languages, School of Humanities, University of Hyderabad, Hyderabad, Republic of India
Valeriy N.	RATUSHNYAK	Dr. Sci. (National History), Prof., Department of History of Russia, Kuban State University, Honoured Worker of Science of the Russian Federation, Krasnodar, Russian Federation
Anatoliy I.	RAKHAEV	Dr. Sci. (Musical Art), Prof., Rector, North Caucasus State Institute of Arts, Honored Worker of Arts of the Russian Federation, Cavalier of the Order of Friendship, Nalchik, Russian Federation
Kirill E.	RYBAK	Dr. Sci. (Museology, Conservation and Restoration of Historical and Cultural Objects), Leading Researcher, Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, Moscow, Russian Federation
Ertegin	SALAMZADE	Dr. Sci. (Theory and History of Arts), Prof., Director, Institute of Architecture and Arts, Azerbaijan National Academy of Sciences; Corresponding Member, Azerbaijan National Academy of Sciences, Baku, Republic of Azerbaijan
Anna I.	SHCHERBAKOVA	Dr. Sci. (Theory and History of Culture; Theory and Methods of Professional Education), Rector, Moscow State Institute of Music, Moscow, Russian Federation
Irena	VLADIMIRSKY	Prof., PhD in History, Head, History Department, Achva Academic College, Achva, State of Israel

СОДЕРЖАНИЕ

**СПЕЦИАЛЬНАЯ ТЕМА НОМЕРА:
«В ГРАНИТЕ И БРОНЗЕ»:
МОНУМЕНТАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ»
(РЕДАКТОР А. П. ЕРЕМЕЕВА)**

«В ГРАНИТЕ И БРОНЗЕ»: МОНУМЕНТАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ	13
<i>К. П. Карагода</i> Образы советской монументальной скульптуры в мелкой пластике: трансформация функций и эволюция смыслов	13
<i>О. М. Морозова</i> Ранний опыт мемориализации Гражданской войны на Юге России: первый памятник героям-таманцам	29
<i>И. О. Дементьев</i> Советские гражданские памятники в культурном ландшафте Калининграда	40
<i>Ю. В. Костяшов</i> Советские воинские монументы в Калининграде и эволюция исторической памяти (середина XX – начало XXI века)	62
<i>А. В. Гончаров, А. В. Крюков</i> Воинские монументы как объекты культурного наследия: особенности государственной охраны (на примере Краснодарского края)	73
НА ПЕРЕКРЕСТКАХ КУЛЬТУР	83
<i>О. В. Гордиенко, Л. А. Щербакова</i> Свист и свистулька в русской и европейской религиозной культуре: опыт сравнительного анализа	83

<i>Н. С. Канатъева</i> Эмигранты-субботники из Астраханской губернии в исторической памяти современного Израиля и России: восприятие и интерпретация.....	96
АНТРОПОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ.....	105
<i>Э. В. Саламзаде, Р. Г. Абдуллаева</i> Национальная культура в условиях глобализации: проблемы идентичности и диверсификации	105
<i>С. Р. С. Р. Мохтари, Б. М. Т. Мохтари</i> Культурная трансформация развода в доисламском и исламском Иране	112
MUSEION: ВЫСТАВКИ, ФОНДЫ, КОЛЛЕКЦИИ	127
<i>С. Г. Батырева</i> Монголия в искусстве Калмыкии 1980-1990 годов XX века: по материалам выставок	127
<i>Е. Г. Саркисова</i> Музейное пространство в реальном и виртуальном коммуникативных полях: грани восприятия	141

CONTENTS

THE THEME OF THE ISSUE:
**“IN GRANITE AND BRONZE”:
THE MONUMENTAL HERITAGE OF THE SOVIET ERA**
(EDITED BY ANNA N. EREMEEVA)

“IN GRANITE AND BRONZE”: THE MONUMENTAL HERITAGE OF THE SOVIET ERA	13
<i>Konstantin P. Karagoda</i> Images of Soviet Monumental Sculpture in Miniature Plastic Arts: Transformation of Functions and Evolution of Meanings	13
<i>Olga M. Morozova</i> The Early Experience of the Memorialization of the Civil War in the South of Russia: The First Monument to the Taman Army Heroes	29
<i>Ilya O. Dementev</i> Soviet-Era Civic Monuments in the Cultural Landscape of Kaliningrad	40
<i>Yury V. Kostyashov</i> Soviet War Memorials in Kaliningrad and the Evolution of Historical Memory (Mid-20th – Early 21st Centuries)	62
<i>Aleksey V. Goncharov, Anatoly V. Kryukov</i> Military Monuments as Objects of Cultural Heritage: Features of State Protection (On the Example of Krasnodar Krai)	73
AT THE CROSSROADS OF CULTURES	83
<i>Oxana V. Gordienko, Lyudmila A. Shcherbakova</i> Whistling and Whistles in Russian and European Religious Culture: A Comparative Analysis	83

<i>Natalya S. Kanatyeva</i> The Subbotnik Emigrants From Astrakhan Province in the Historical Memory of Modern Israel and Russia: Perception and Interpretation	96
ANTHROPOLOGY OF CULTURE	105
<i>Artegin A. Salamzade, Rena H. Abdullayeva</i> National Culture in the Conditions of Globalization: Problems of Identity and Diversification	105
<i>Seyedeh Rezvaneh Seyed Reza Mokhtari, Behrooz Mohammad Taghi Mokhtari</i> The Cultural Transformation of Divorce in Pre-Islamic and Islamic Iran	112
MUSEION: EXHIBITIONS, FUNDS, COLLECTIONS	127
<i>Svetlana G. Batyreva</i> Mongolia in the Art of Kalmykia of the 1980s and 1990s: Based on the Materials of Art Exhibitions	127
<i>Elena G. Sarkisova</i> Museum Space in Real and Virtual Communicative Fields: Facets of Perception	141

СПЕЦИАЛЬНАЯ РУБРИКА: «В ГРАНИТЕ И БРОНЗЕ»: МОНУМЕНТАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ СОВЕТСКОЙ ЭПОХИ

SPECIAL SECTION: “IN GRANITE AND BRONZE”: THE MONUMENTAL HERITAGE OF THE SOVIET ERA

В центре внимания данного номера – монументальное наследие советской эпохи и его восприятие в современном обществе.

История советской монументальной политики нашла отражение в исторических, культурологических, политологических, искусствоведческих трудах. В работах советских авторов речь шла в основном о монументальной пропаганде как составной части культурной и идеологической политики. Активно транслировался ленинский план монументальной пропаганды. Большое внимание уделялось иконографии власти, прежде всего монументальной Лениниане.

Рост числа памятников в послевоенный период, в том числе в честь победы СССР в Великой Отечественной войне, стимулировало появление работ, осмысливавших эволюцию стиля, идеологические аспекты монументальной пропаганды, зрительное восприятие монументальной скульптуры.

Современные исследования рассматривают советское монументальное наследие в контексте исторической политики и политики памяти, используя теоретический инструментарий «memory studies». Изучаются монументальные инициативы, коммеморативные ритуалы как способы воздействия на историческую память населения. Внимание ученых привлекает история создания отдельных монументов и комплексов, их роль и место в пространстве города. Значительное количество работ посвящено современному состоянию монументального наследия, увековечивающего память о Гражданской и Великой Отечественной войнах, государственных деятелях советского периода.

Монументальная политика в России и на постсоветском пространстве рассматривается с точки зрения борьбы политиков за главные памятники (их сохранение/сношение/перенесение) с целью обеспечения собственной легитимности и влияния, превращения памятников из символов СССР в символы новых независимых государств, «присвоения общего прошлого» посредством установки новых памятников, роли памятников как символического капитала в трансформации национальной идентичности.

Заявленная тема является предметом не только академического интереса; она широко востребована в обществе. Об этом свидетельствуют бурные «монументальные» дебаты в медийном пространстве, тесно соприкасающиеся с обсуждением проблем патриотического воспитания, современной культурной политики.

Материалы специальной рубрики данного выпуска журнала посвящены различным аспектам советского монументального наследия. Образцы мелкой пластики 1950–1980 гг. рассмотрены с целью определения степени и характера влияния политической пропаганды и агитации на серийное производство скульптуры малых форм в СССР. Поднимаются проблемы правового статуса и особенностей государственной охраны объектов культурного наследия, созданных для увековечения событий военной истории, а также принадлежащих к произведениям монументального искусства. Ранний опыт мемориализации Гражданской войны представлен на примере истории появления первого памятника героям-таманцам (в станице Славянской). В двух статьях анализируется региональная специфика монументального ландшафта Калининграда в контексте политики памяти в бывшем немецком городе, символическое содержание гражданских и военных памятников самой западной российской области. Данные тексты будут безусловно востребованы читателями, в том числе учеными и практиками в области охраны культурного наследия.

Редактор специальной рубрики А. Н. Еремеева

КАРАГОДА Константин Павлович
кандидат искусствоведения,
преподаватель Краснодарского педагогического колледжа,
Краснодар, Российская Федерация
Konstantin P. KARAGODA
Cand. Sci. (Art Criticism), Lecturer,
Krasnodar Pedagogical College,
Krasnodar, Russian Federation,
karagoda.k.p@mail.ru

УДК [725.94:7.027.1-022.52]:7.011-043.86
ГРНТИ 18.31.21
ВАК 24.00.01

DOI: 10.36343/SB.2020.23.3.001

**Образы советской
монументальной скульптуры
в мелкой пластике:
трансформация функций
и эволюция смыслов**

**Images of Soviet Monumental
Sculpture in Miniature Plastic Arts:
Transformation of Functions
and Evolution of Meanings**

Статья посвящена изучению советской мелкой пластики 1950–1980 гг. с целью определения степени и характера влияния политической пропаганды и агитации на серийное производство скульптуры малых форм в СССР. Материалами исследования явились произведения мелкой пластики и монументальной скульптуры, научные изыскания российских культурологов и искусствоведов. Раскрыты особенности идеологической направленности советского искусства, прослежена связь соцреализма с классической традицией. Описана традиция бытования скульптур в интерьерах общественных мест и в квартирах советских граждан. Проведена атрибуция мелкой пластики, созданной на заводе «Монументскульптура» и на других предприятиях. Отмечено, что сегодня советская малая пластика и выраженные в ней образы десакрализировались, став частью интерьеров кафе и сувенирных лавок, выполняя рекламные функции. Памятники вождей революции также перестали нести в себе актуальность, превратившись в исторические артефакты.

Ключевые слова: силумин, фарфор, пластика, массовое производство, тиражное производство, портрет, копия, социалистический реализм, идеология.

Советское наследие повсюду окружает наших современников. Особенно актуальна в последние годы проблема его сохранения. Семидесятилетняя история советского строя

до сих пор вызывает дискуссии, участники которых выражают все многообразие мнений — от мифологизации прошлого до его полного отрицания с требованием десоветизации.

В музейной практике памятникам советской культуры и искусства посвящены масштабные проекты, например, прошедшие в Третьяковской галерее выставки «Оттепель» (2017) и «НЕНАВСЕГДА. 1968–1985» (2020), или отрывшаяся в 2015 г. в ЦВЗ «Манеж» выставка «Романтический реализм», показавшая публике более 80 работ советской монументальной живописи. Реставрация фонтанов Московского ВДНХ, воссоздание именно первоначальных «сталинских» проектов павильонов, на наш взгляд, также подтверждают возрождение интереса к советскому прошлому.

Искусство СССР неоднократно становилось объектом пристального внимания исследователей. Среди наиболее значимых работ, посвященных этой теме, следует отметить монографию «Культура Два» В. З. Паперного [5], выдержавшую несколько переизданий. Нельзя также не вспомнить статьи и выступления А. Эткинды и его книгу «Кривое горе» (2015) [11] о культурной памяти жертв политических репрессий, изобилующую примерами из текстов, кино и произведений искусства советского времени. Оригинальную трактовку темы можно найти в книге «Gesamtkunstwerk Сталин» (1987) [2] философа и теоретика искусства Б. Гройса, считающего советский проект эстетическим феноменом, тотальным произведением искусства (автором которого был сам Сталин), а также реализованной утопией, заданной на интеллектуально-эстетическом уровне авангардными течениями. Любопытны статьи культуролога О. Сапанжи, в которых исследуется советский быт и, особенно, образы балета в советском фарфоре [8] [9]. Стоит заметить, что автор этих работ является одним из организаторов создания частного музея «XX лет после Войны. Музей повседневной культуры Ленинграда 1945–1965 гг.».

Для изучения мелкой пластики и декоративно-прикладного искусства периода СССР выпущены справочники и каталоги фарфора, каслинского литья. Хорошим примером в данном случае является издание «Советский фарфор 1920–1930-х гг. в частных собраниях Санкт-Петербурга» (2005), подготовленное Э. Самецкой [7].

Между тем нет ни одного издания, посвященного силуминовой скульптуре в СССР.

Неприятие советского прошлого многое уничтожило, а многое предало забвению, поэтому силуминовая скульптура, а также атрибуция множества советских памятников еще ждут своих исследователей. М. Маклюэн в свое время писал, что большая часть людей смотрит на мир «через зеркало заднего вида», и эти слова применительно к нашей теме означают, что советское прошлое для нынешних поколений ещё остается частью личного опыта, и процессы осмысления этого прошлого, его должная теоретическая рефлексия, сохранение артефактов только набирают обороты.

Таким образом, цель исследования определена исходя из степени изученности проблемы и заключается в определении интенсивности и характера влияния политической пропаганды и агитации на серийное производство скульптуры малых форм в СССР, а также в выявлении смыслового содержания этой скульптуры на современном этапе как определенного итога эволюции, которую претерпело данное содержание.

В настоящей работе применена методология исследования произведений искусства, представленная в работах В. З. Паперного. Кроме того, в ней присутствуют элементы культурологического подхода и герменевтического метода в сочетании с описательными и сравнительными методами, используемыми для анализа произведений мелкой пластики, являвшейся частью быта советских граждан и изучаемой на предмет идеологического содержания.

Материалами исследования явились произведения мелкой пластики и монументальной скульптуры, а также научные изыскания российских культурологов и искусствоведов.

В последнее время и память, и памятники (не только советские) подвергаются пересмотру во всем мире. В Украине происходит десоветизация, в Чешской Республике недавно снесён памятник маршалу И. С. Коневу, в США уничтожаются памятники конфедератам и Христофору Колумбу, в Великобритании, в Бристолле, в реку сброшен памятник Эдварду Колстону, в Российской Федерации, в Твери, демонтированы памятные доски жертвам сталинских репрессий и т.д. Александр Эткинд в своем интервью так определяет функции

памятников: «Памятники — могущественные символы эпохи; мы это понимаем, когда с ними, привычными и незаметными, что-то происходит, когда они приходят в движение, как сейчас. Они радикально отличны от текстов: памятники сингулярны, они не размножаются, как тексты (поэтому уничтожение памятника является куда большей потерей, чем уничтожение экземпляра книги). Но, как и у любого текста, у памятника есть политическое содержание; положить рядом две книги с противоположными идеями (например, «Капитал» и «Майн Кампф») легко, а вот памятники их авторам не могут стоять рядом» [6].

В СССР скульптура украшала парки и площади городов, общественные здания, выставочные залы и музеи, международные выставки. Но существовала ли скульптура в интерьерах квартир?

В дореволюционной России привилегированные классы могли позволить себе украшать собственные дома скульптурой, которую они заказывали, порой, очень именитым мастерам (от Антонио Кановы до Огюста Родена). Советский быт с самого его становления в 1917 г. не предполагал такой роскоши, потому что шла гражданская война, происходили уплотнения в коммунальные квартиры, осуществлялась национализация художественных ценностей. Но у людей всегда была потребность в эстетизации своего быта. Об этом мы можем судить по фотографиям и кинохроникам того времени, по художественным фильмам. Многие квартиры наших современников ещё сохранили предметы обстановки советского периода. О. С. Сапанжа пишет: «В 1950-х гг. можно обнаружить все признаки, свидетельствующие о сложении типичного советского интерьера, где значительную роль играли частные подробности — настольные лампы и часы, настенные коврики, вышитые салфетки, скатерти и подзоры и, не в последнюю очередь, пластика малых форм — фарфоровые, керамические произведения или литые изделия из металла» [10].

Традиция украшать интерьер портретами выдающихся людей имеет некоторую дидактическую задачу — служить примером для подражания, а также очерчивать круг идей,

приверженцем которых являлся хозяин интерьера. В СССР бюсты и скульптуры создавали своеобразный «советский пантеон». Все заводы и мастерские были государственными, и выбор «кандидатов на увековечение» негласно становился политической повесткой дня. В 1918 г. В. И. Ленин выдвинул план монументальной пропаганды, согласно которому начали создаваться памятники революционерам и выдающимся с точки зрения коммунистической идеологии личностям. Памятники Марксу, Энгельсу, Ленину, Сталину, Кирову, другим руководителям партии и правительства, а также писателям, композиторам и пр. стали появляться во всех городах СССР, а их небольшие фарфоровые или гипсовые аналоги, созданные теми же скульпторами, — в общественных местах и домах советских граждан. Изделия мелкой пластики часто дарили на юбилеи и государственные праздники, а также использовали в качестве призов на различных соревнованиях (поэтому на них сохранилось много дарственных надписей). Скульптурные портреты вписывались в интерьер советских учреждений, приемных их руководителей (до сих пор во многих кабинетах сотрудников ФСБ можно увидеть бюсты Ф. Э. Дзержинского). Материал для создания скульптуры малых форм использовался разный — это могли быть бронза, силумин, чугун, мрамор, фарфор, стекло, гипс, воск, пластик и т.д.

Станковое (промышленное) воспроизведение монументальных памятников в мелкой пластике носило характер копирования и осуществлялось большими тиражами (порой даже сами монументы воспроизводились промышленно-тиражным способом для малых населённых пунктов). Образцы таких копий можно увидеть, например, в алюминиевых накладках на фотоальбомы, открытках. В советское время мелкая пластика ценилась не только с мемориальной или идеологической точек зрения. Иногда она просто служила украшением интерьера. Причем это могли быть как продукты кустарного производства, так и предметы уникальные, авторские, несущие в себе подлинный талант скульптора. Сегодня (в зависимости от эстетической ценности) их можно увидеть и в исторических, и в художественных музеях.

Опираясь на теорию А. Грамши, можно заключить, что «вещи (материальная культура) создают окружающую среду, в которой живёт средний человек. Они несут „сообщения“, оказывающие мощное воздействие на обыденное сознание. Если же вещи проектируются с учетом этой их функции как „знаков“ („информационных систем из символов“), то в силу огромных масштабов и разнообразия их потока они могут стать решающей силой в формировании обыденного сознания»... [3]

Пожалуй, чаще всего в советское время скульпторы обращались к образу В. И. Ленина. Иконография Ильича обширна, его изображения можно было увидеть и в монументах на площадях, и в малых формах. Показателен в этом смысле «Бюст В. И. Ленина» скульптора Г. Г. Геворкяна 1980 г. из силумина

Рис. 1. «Бюст В. И. Ленина» (1980 г.) Г. Г. Геворкян, силумин, «Монументскульптура», частное собрание.

Со временем портрет «вождя мирового пролетариата» из-за избыточной массовости производства стал пустой абстракцией, «иконой» власти, в которой нельзя найти отсылку к авторитету или попытку легитимации. Но в середине XX в. ситуация была иной. В полной мере, например, воплотился в скульптуре миф о Ленине и детях. Достаточно вспомнить работу Григория Николаевича Постникова «В. И. Ленин утешает плачущего мальчика», выполненную в силумине на заводе «Монументскульптура» (Ленинградский ордена Трудового Красного Знамени экспериментальный завод художественного литья «Монументскульптура»

(рис. 1). Со временем портрет «вождя мирового пролетариата» из-за избыточной массовости производства стал пустой абстракцией, «иконой» власти, в которой нельзя найти отсылку к авторитету или попытку легитимации. Но в середине XX в. ситуация была иной.

В полной мере, например, воплотился в скульптуре миф о Ленине

Рис. 2. «В. И. Ленин утешает плачущего мальчика» (ок. 1960 г.), Г. Н. Постников, силумин, «Монументскульптура», Историко-культурный музейный комплекс в Разливе.

им. М. Г. Манизера)¹ (рис. 2), или гипсовый монумент, стоящий у Камчатского государственного университета им. Витуса Беринга (рис. 3). Быть может, этот плачущий мальчик — Коля Емельянов, сын хозяина шалаша в Разливе, где скрывались Ленин с Зиновьевым. Сам Емельянов в годы сталинских репрессий прошел через лагеря, а двое его сыновей были расстреляны, в том числе упомянутый Коля.

Рис. 3. «В. И. Ленин утешает плачущего мальчика» (ок. 1960 г.), Г. Н. Постников, гипс бронзированный, г. Петропавловск-Камчатский.

¹ Стоит заметить, что этот ленинградский завод отливал памятники и тиражную малую пластику. В 1938–1941 гг. изготовленные заводом «Монументскульптура» гипсовые изделия, в том числе фигуры и бюсты И. В. Сталина, В. И. Ленина, С. М. Кирова, М. И. Калинина, были установлены по всему СССР.

Рис. 4. «Настольная-медаль В.И Ленин»
Н. А. Соколов, 1960-1970-гг., Ленинградский
монетный двор, частное собрание.

Г.Н. Постников также автор монументов, посвященных покорению космоса, таких как памятник «Слава покорителям космоса» (1962, Монино), скульптурная композиция «В космос» (1963, Таганрог).

Продолжая тему изображения Ленина в пластике (и завершая ее), упомянем настольную медаль «В.И. Ленин» (1960–1970), созданную на Ленинградском монетном заводе. Автор модели — Николай Александрович Соколов (рис. 4), скульптор-медальер, заслуженный деятель искусств РСФСР, заслуженный художник РСФСР, лауреат пяти Сталинских премий.

Если говорить о ведущих скульпторах времен СССР, нельзя не отметить отдельно Евгения Викторовича Вучетича (1908–1974), создавшего в 1957 г. знаменитую скульптуру «Перекуем мечи на орала», установленную позже у здания ООН в Нью-Йорке. Позировал для создания центрального образа — молотобойца — советский борец вольного стиля, олимпийский чемпион Борис Михайлович Гуревич, ныне проживающий в США. В 1960 г. на заводе «Монументскульптура» были массово отлиты статуэтки из силумина — копии этого монумента (рис. 5). В 1970–1980-х гг. на Каслинском чугунолитейном заводе также тиражировался этот образ. Каслинский завод вообще славился созданием малой пластики из чугуна, покрытой черной лако-

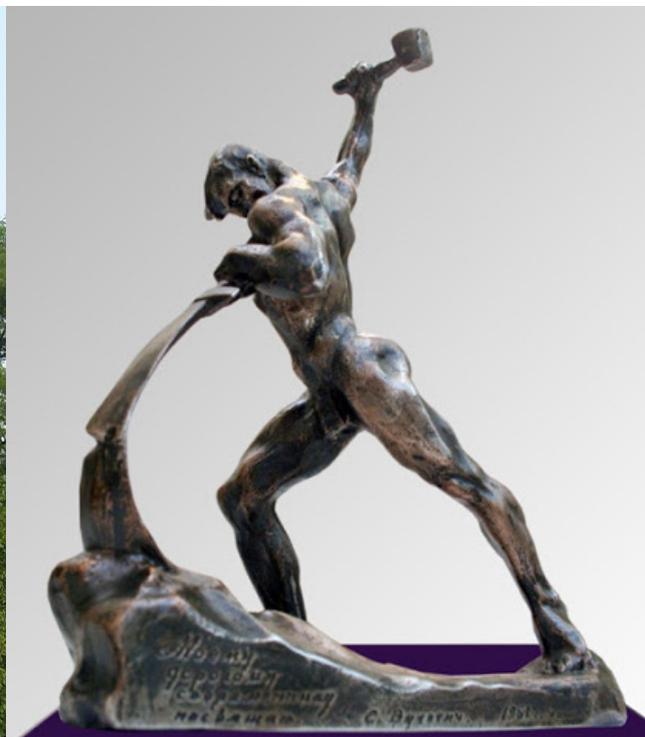

Рис. 5. Слева - «Перекуем мечи на орала» (1957), Е. В. Вучетич, здание ООН в Нью-Йорке.
Справа - Малая пластика «Перекуем мечи на орала» (1961.), силумин, «Монументскульптура»,
частное собрание.

Рис. 6. Слева – Памятник воинам 10-й дивизии войск НКВД и милиционерам Сталинграда — защитникам города в 1942—1943 гг. в Волгограде (1947) скульпторы М. К. Аникушин, Г. В. Косов, В. Г. Стамов. Справа – Мелкая пластика «Памятник Чекистам», силумин (1950-1960 гг.) «Монументскульптура», частное собрание.

вой краской. Она до сих пор не имеет аналогов в мире.

Копии для украшения советских интерьеров удостоился и «Памятник Чекистам» (памятник воинам 10-й дивизии войск НКВД и милиционерам Сталинграда — защитникам города в 1942–1943 гг.) в Волгограде (1947). Он стал плодом коллективного творчества скульпторов М. К. Аникушина, Г. В. Косова, В. Г. Стамова и был отлит на Ленинградском заводе «Монументскульптура» (рис. 6).

Василий Гаврилович Стамов (1914–1993) — ученик прославленного скульптора Александра Терентьевича Матвеева — с 1937 по 1947 гг. учился в Академии художеств, был членом Союза художников СССР, членом-корреспондентом Академии художеств РСФСР, являлся мастером станковой, монументальной, декоративной, деревянной скульптуры и пластики малых форм. Известны его станковые скульптуры «После работы» (1957), «Юность» (1958), «Девочка» (1960), «Утро» (1960), «Рабочее утро» (1975), «Песня» (1979),

«Спортивный мотив» (1981), «Тревога» (1984), «Работница» (1986), мемориал в Павловске «Скорбящая» (1986) и др.

Портретная фарфоровая пластика, созданная скульптором Ильей Львовичем Слонимом (1906–1973) на фарфоро-фаянсовых заводах Конаково и ЛФЗ (Ленинградского фарфорового завода), раскрывает образы Д. Д. Шостаковича, С. В. Образцова, П. М. Норцова в роли Евгения Онегина, А. А. Яблочковой, М. Плисецкой, П. В. Массальского в роли Хлестакова. Они повторяют монументальные образы и, думается, не потеряли бы свою репрезентативность в бронзе.

Авторами монументов и одновременно мелкой тиражной пластики были супруги Матвей Генрихович Манизер и Елена Александровна Янсон-Манизер. У последней особенно много тиражных работ на тему спорта и балета в фарфоре, гипсе, силумине, чугуне, бронзе и цинке, созданных на Ленинградском фарфоровом заводе им. Ломоносова, Каслинском чугунолитейном заводе, Ленинградском

Рис. 7. Слева – Скульптура «Метательница диска», Е. А. Янсон-Манизер (1926,1935), Государственный музей городской скульптуры, Санкт-Петербург;
Справа – Мелкая пластика «Метательница диска», Е. А. Янсон-Манизер, силумин, «Монументскульптура», частное собрание.

Рис. 7.1. «Метательница диска», Е. А. Янсон-Манизер 1935, гипс бронзированный, Русский музей. Санкт-Петербург.

заводе «Монументскульптура» (рис. 7, рис. 7.1). Эта мелкая пластика служила призами в спортивных состязаниях. Матвей Генрихович и его первая жена Лина Блезе-Манизер являются авторами первого бронзового памятника, созданного в Советском Союзе — «Памятника В. Володарскому» (1925, находится в Санкт-Петербурге). Алексей Терентьевич Матвеев, создатель так назы-

ваемой матвеевской школы, из которой вышли многие знаменитые советские скульпторы, обращался к созданию монументов и мелкой пластики. Его скульптурная группа «Октябрь» (1927, находится у концертного зала «Октябрьский» в Санкт-Петербурге) (рис. 8). Три мужские фигуры — рабочего, крестьянина и красноармейца — изображены обнаженными, лишь будёновка на голове солдата и молот в руке рабочего дают нам понять, что эта композиция изображает историческое событие. Матвеев продолжает традицию изображения героической наготы, свойственной классицизму.

Диалог с классическим началом проявляется и в композиции Веры Игнатьевны Мухиной «Рабочий и колхозница». Она взята из знаменитой античной скульптурной группы «Тираноборцы Гармодий и Аристокитон». В первоначальном проекте Мухиной фигуры рабочего и колхозницы были обнаженными.

Рис. 8. «Октябрь» (1927), А. Т. Матвеев, установлен у концертного зала «Октябрьский» в Санкт-Петербурге.

Возвращаясь к А. Матвееву, можно сказать, что его мелкая пластика, а именно «Купальщица», стала украшением многих советских квартир. Как сказал искусствовед Алексей Григорьевич Бойко в своей открытой лекции «Тонированная гипсовая статуэтка матвеевской „Купальщицы“ необычайно популярный элемент ленинградского интеллигентного быта» [1]. Помимо гипсовых были созданы фарфоровые купальщицы (на Ленинградском фарфоровом заводе), получившие золотую медаль на Международной выставке в Париже в 1925 году. Эти статуэтки выпускались с 1920 по 1960 г., были перевыпущены в 1995 г. Выпускаются они и сегодня. К этой же серии относятся работы «Огородница», «Купальщица (с тазом)», «Надевающая чулок», «Заноза (надевающая туфлю)» (рис. 9). Классическая античность проявляется и в этих обнаженных образах; с одной стороны, это Венеры, с другой — женщины, занятые бытом (отсюда чулки и тазы), ведь не зря в античном искусстве

была и храмовая скульптура, и танагрские терракотовые статуэтки.

Автор памятника «Советским воинам, павшим за освобождение Австрии», на площади Шварценбергплац в Вене (1945) — Микаэл Авакович Итизарьян — с 1950 по 1955 г. работал на Дмитровском фарфоровом заводе скульптором по созданию образцов для массового производства. Известны его массовые фигурки «Балерина Кошка» и «Балерина Аист» по мотивам детского балета «Аистенок» [9, с. 114].

Античное наследие было созвучно соцреализму Сталинской эпохи. Сталинский ампиризм сочетался с помпезностью римской архитектуры, тирания римских императоров — с диктатурой Сталина. В парках

культуры и отдыха (например, в Центральном парке культуры и отдыха им. М. Горького в Москве) выставлялись гипсовые копии античных скульптур, таких как «Дискобол» скульптора Мирона (рис. 10). Неподалеку в этом же парке был выставлен и советский «Дискометатель» М. Г. Манизера (1927) (рис. 11). Метате-

Рис. 9. «Купальщицы» (1923) А. Т. Матвеев, фарфор, Ленинградский фарфоровый завод, Гос. Эрмитаж. Санкт-Петербург.

лем диска был комсомолец Гриша из киноленты «Строгий юноша» (1935, режиссёр А. Роом, сценарист Ю. Олеша). Кстати, кадры с изображением дискбола есть и в документальном фильме «Олимпия» режиссёра Лени Рифеншталь (рис. 12, рис. 12.1). Тяготение соцреализма к классическим образцам заметно и в интерьерах станций метро советского периода. В. Щукин в одной из своих статей писал: «Вожди изображались на трибунах в позе римских императоров или напоминали античных богов и героев: так выглядел, к примеру, Сталин, встречавший пассажиров метро среди дорийских колонн в наземном павильоне „Курской-кольцевой“. <...> Два одинаковых наземных павильона станции „Динамо“ точь-в-точь напоминают римские святилища, воплощавшие, по замыслу архитектора Д. Н. Чечулина, античный культ физической силы и красоты. „Римская“ эйдология этой станции содержит в себе напоминание о гражданской доблести и гордости за свое могучее государство» [10].

В. Паперный приводит в своем исследовании высказывания советских деятелей об античном наследии: «На первом месте хочется поставить эллинское искусство, искусство пятидесятилетнего взлета Фидия, Иктина и Калликрата» (Гинсбург, 1939). Алексею Толстому более близким кажется Рим: «Классическая архитектура (Рим) ближе всех нам потому, что многие элементы в ней совпадают с нашими требованиями. Её открытость, её назначение — для масс, импульс грандиозности — не грозящей, не подавляющей, — но как выражение всемирности, все это не может не быть использовано нашим строительством». Позднее на первом съезде советских архитекторов о необходимости принять эстафету Рима скажет А. Щусев: «Обществен-

Рис. 10. «Дискбол», Мирон - гипсовая копия античного оригинала, Центральный парк культуры и отдыха им. Максима Горького в Москве.

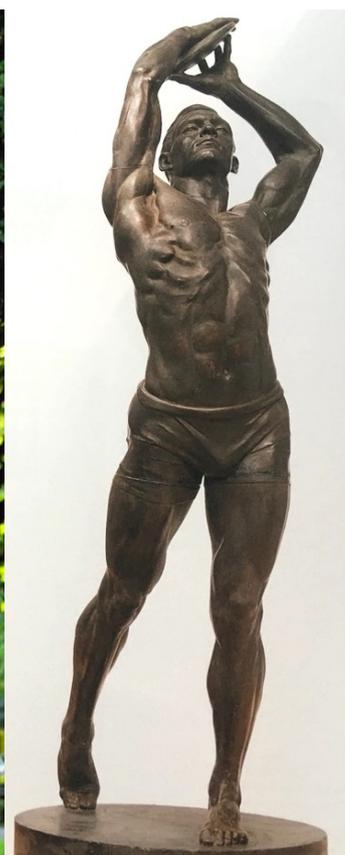

Рис. 11. Слева – «Дискометатель» (1927), М.Г. Манизер, Центральный парк культуры и отдыха им. Максима Горького в Москве. Справа – «Дискометатель» М.Г. Манизер, 1926, гипс бронзированный, Русский музей. Санкт-Петербург.

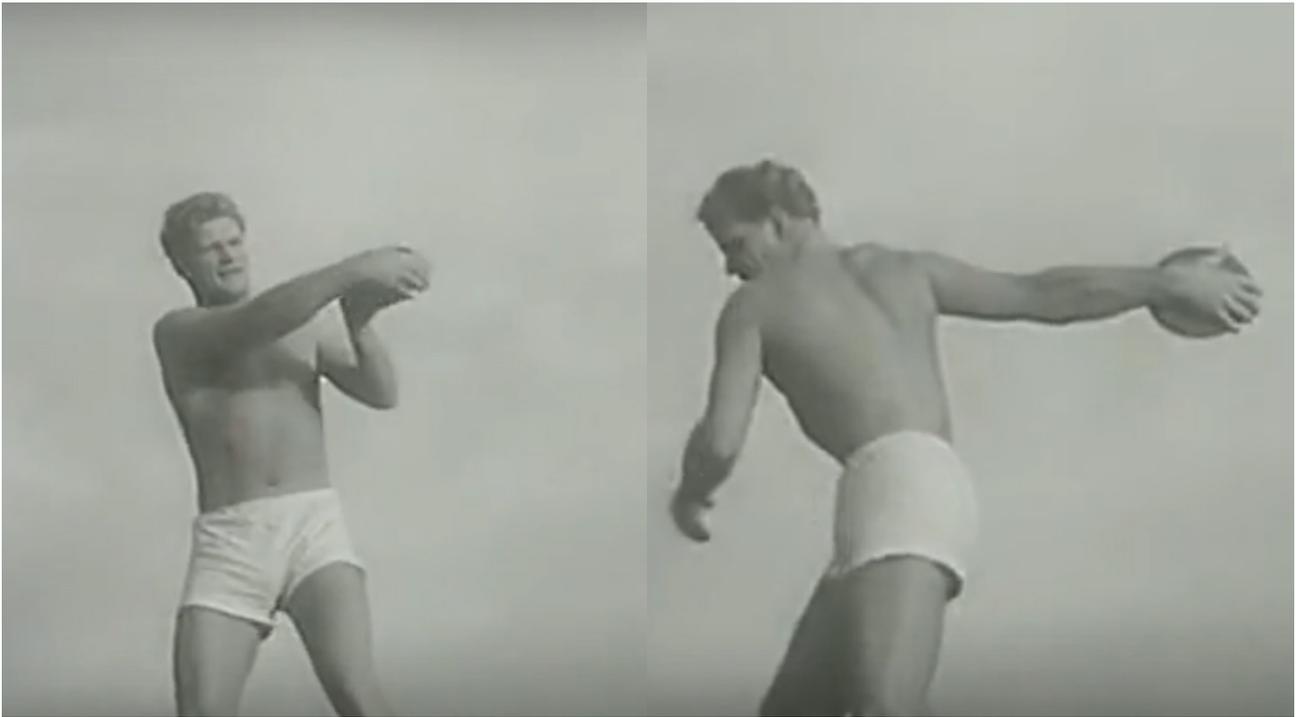

Рис. 12. «Строгий юноша» (1935), Режиссер А. Роом, сценарий Ю. Олеша.

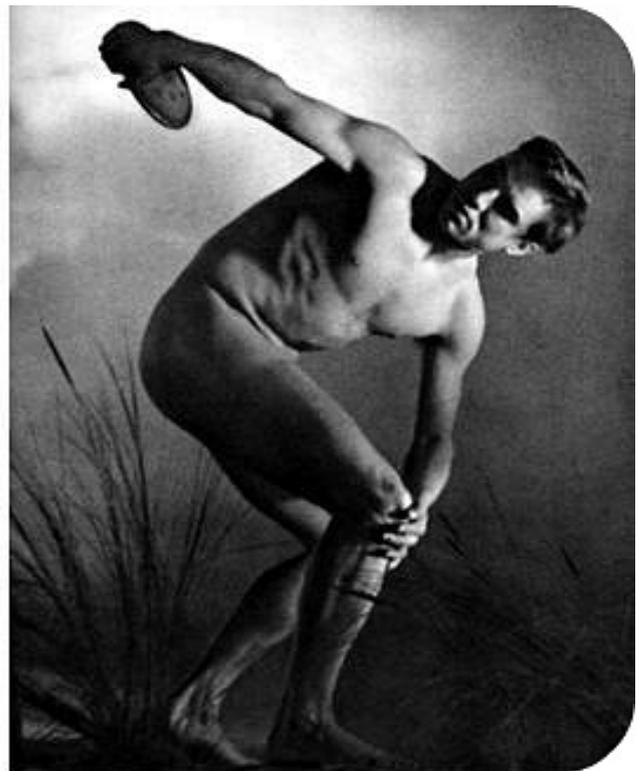

Рис. 12.1 «Олимпия» 1938, режиссер Лени Рифеншталь.

ные и утилитарные сооружения Древнего Рима по своему масштабу и художественному качеству — единственное явление этого рода во всей истории мировой архитектуры. А этой

области непосредственными преемниками Рима являемся только мы, только в социалистическом обществе и при социалистической технике — возможно строительство в ещё

больших масштабах и ещё большего художественного совершенства» [5, с. 48]. Примерно так же будут говорить и об итальянском Ренессансе.

Советские идеологи считали, что коммунистический строй — это итог пути всего человечества, поэтому искусство СССР должно вобрать в себя все достижения искусства прошлого. В их понимании до этого творчество служило классу эксплуататоров, теперь же его достижениями будут пользоваться освобождёвшиеся от угнетения классы нового коммунистического общества.

Подводя итоги, стоит сказать, что над многими образцами мелкой пластики работали скульпторы-монументалисты. Любая скульптура, вне зависимости от того, где она находилась — на городской площади или в жилом интерьере, — была частью государственной пропаганды. В дальнейшем, уже после оттепели, в эпоху Брежнева, эта скульптура, созданная в традициях соцреализма и берущая за основу античные каноны, приобретёт черты позднего модернизма, памятники будут отличаться брутализмом и мегаломанией.

Перед памятниками Ленину, Сталину и другим героям СССР люди принимали клятвы и свято чтить память о них. Копии этих монументов стояли на почетных местах в их домах — как награды за какие-либо общественные или личные достижения. Но время меняет идеологию, и предметы, которые вчера еще были сакральными, превращаются в осколки истории. В современной России невозможно представить, что кто-то будет создавать копии монументов. И вряд ли в наше время возможно появление феномена мелкой пластики, бытовавшего в СССР.

Мелкая тиражная скульптура останется для многих воспоминанием о детстве, станет предметом коллекционирования и объектом изучения культурологов и искусствоведов. Малая пластика, несущая идеологию социалистического строя, продолжает бытовать, но в несколько иных условиях, можно сказать, профанных. Например, в некоторых кафе и ресторанах, интерьеры которых отсылают посетителей к разным эпохам, можно увидеть бюст Ленина на барной стойке. В эпоху социализма это было немислимо. То есть все при-

Рис. 13. Бюст В.И. Ленина на барной стойке в ресторане «Кроа» Лонгйир, Норвегия.

знаки развенчания образа, его демифологизации, и даже десакрализации, налицо (рис. 13).

В связи с этим вспоминается рассказ Франца Кафки «В исправительной колонии», где путешественник становится свидетелем экзекуций над заключенными посредством страшного аппарата пыток, разработанного давно умершим комендантом тюрьмы, которого священник запретил хоронить на кладбище, из-за чего могилу ему вырыли прямо в полу кофейни. Идеи и система наказания старого коменданта были запрещены. Но, отодвинув стол, под которым находилась могильная плита, путешественник прочитал на ней предсказание о том, что старый комендант воскреснет и его сторонники опять захватят власть («...когда путешественник прочёл это и поднялся, он увидел, что вокруг него стоят люди и усмеваются так, словно они прочли надпись вместе с ним и, найдя ее смешной, призывают его присоединиться к их мнению»). Кафка пронизательно предсказал этапы развенчания и десакрализации идеологий.

Романтик Перси Биши Шелли осознал всю тщетность величия земной власти, выразив это в своем знаменитом сонете 1817 года. Приведу его полностью в переводе К. Д. Бальмонта:

*Я встретил путника; он шёл
из стран далёких
И мне сказал: вдали,
где вечность сторожит
Пустыни тишину, среди песков глубоких
Обломок статуи распавшейся лежит.
Из полустертых черт сквозит
надменный пламень,
Желанье заставлять весь
мир себе служить;
Ваятель опытный вложил
в бездушный камень
Те страсти, что могли
столетья пережить.
И сохранил слова обломок изваянья:
«Я — Озимандия, я — мощный царь царей!
Взгляните на мои великие деянья,
Владыки всех времён, всех стран
и всех морей!»
Кругом нет ничего... Глубокое молчанье...
Пустыня мёртвая... И небеса над ней...*

Образы власти несут в себе силу, но эта сакральная сила часто подвергается святотатственному осмеянию, изменчивость и недолговечность символов власти можно было увидеть на примере национал-социализма в Германии и фашизма в Италии. Альберто Моравиа в своем романе «Конформист» (1951) описывает низвержение бюста Муссолини: «...он увидел, что приближались несколько мальчишек, тянувших за собой на веревке большой

бюст диктатора». Прохожий, стоявший рядом с главным героем, замечает, что бюст выглядел бронзовым, а на самом деле глиняный, что отсылает к крылатому выражению «Колосс на глиняных ногах» из Библии — о толковании сна Навуходоносора пророком Даниилом. Далее главный герой и его жена Джулия размышляют о былом значении бюста Муссолини: «Подобных бюстов было сотни в министерствах и общественных учреждениях: грубо стилизованный, с выдвинутой челюстью, круглыми ввалившимися глазами, с раздутым голым черепом. Марчелло невольно подумал, что этот бронзовый рот, изображавший рот живой и вчера еще столь надменный, валялся теперь в пыли под издевательские крики и свист той самой толпы, которая недавно так горячо ему рукоплескала. И снова Джулия будто угадала его мысли, прошептав: „Подумай, совсем недавно достаточно было такого бюста в прихожей, чтобы люди понижали голос“» [4, с.305–306]. Так как последствия культа личности Сталина в виде сноса и уничтожения его образов осуществлялись не стихийно, а были организованы самой властью, они прошли почти незаметно, не оставив такого отклика, какой мы находим в романе Моравиа.

В сувенирных лавках Санкт-Петербурга среди матрешек и подарочных кружек довольно часто встречаются копии бюстов Ленина, Дзержинского, Сталина из пластмассы (рис. 14). И это свидетельство того, что капитализм присвоил образы революции и те идеи, за которые боролись люди. Эти образы и идеи стали коммерчески выгодными и лишены какого-либо содержания, помимо ироничного. Ясно и то, что, приобретая в качестве сувенира бюст Ленина, сделанный в XXI в., покупатель не верит в идеи коммунизма. «Не торгуйте Лениным,— писал журнал „ЛЕФ“ сразу после смерти вождя,— не печатайте его портретов на плакатах, на клеенках, тарелках, на кружевах, на портсигарах...» Но, к сожалению, современное общество устроено иначе. В этом обществе все, что может быть монетизировано (как, например, имя всем известного

Рис. 14. Современная сувенирная продукция Санкт-Петербурга.

Рис. 15. Парк «Грутас», Друскиникай, Литва.

человека), — тут же монетизируется. На полке магазина сувениров могут стоять рядом бюсты Николая II и В. И. Ленина — и это говорит о стирании истории, о постиронии, переходящей в гротеск. Памятники вождей революции, снятые с площадей Москвы, лишившиеся пьедесталов, стали осколками прошлого в парке «Музеон», в Риге памятники переехали в парк «Грутас» (рис. 15). Памятники, служащие оружием политической пропаганды, продолжают появляться и сегодня — в странах, тяготеющих к авторитаризму. Но стоит понимать, что они более недолговечны, чем какие-либо

другие, — падение режима с последующей сменой власти непременно приведет к их низвержению с пьедесталов. Нынешнее общество, с его информатизацией и плюрализмом мнений, все сложнее подвергать агрессивной пропаганде. Вполне вероятно, что монументы, не вызывающие дискуссий об их уместности, будут создаваться в демократических странах. Этические, экономические и экологические затраты могут существенно ограничивать процесс их создания, что, возможно, вынудит общество в будущем совершенно отказаться от подобной традиции.

В настоящей статье впервые проанализировано влияние советской государственной идеологии на процесс производства тиражной пластики малых форм, создававшейся в качестве уменьшенных аналогов произведений монументального искусства. Наиболее важным аспектом исследования, во многом определившим личный вклад его автора в изучение рассматриваемой проблемы, представляется тезис о десакрализации в постсоветский период значения советской малой пластики, несшей идеологическую смысловую нагрузку.

Konstantin P. KARAGODA

Cand. Sci. (Art Criticism), Lecturer,
Krasnodar Pedagogical College,
Krasnodar, Russian Federation,
karagoda.k.p@mail.ru

***Images of Soviet Monumental Sculpture in Miniature Plastic Arts:
Transformation of Functions and Evolution of Meanings***

Abstract. The article is devoted to a study of the Soviet miniature plastic arts of the 1950s–1980s. It aims to determine the degree and nature of the influence of political propaganda and agitation on the serial production of small sculptures in the USSR. The author applied a methodology for the study of works of art elaborated by V.Z. Paperny and elements of the cultural approach and the hermeneutic method in combination with descriptive and comparative methods. The materials for the research were works of miniature plastic arts and monumental sculpture, research of Russian cultural scientists and art historians. The author reveals the features of the ideological orientation of Soviet art emphasizing the connection between Socialist Realism and the classical tradition. He describes the tradition of decorating interiors of public places, as well as of Soviet citizens' apartments, with sculptures and

shows that the tradition of decorating the interior with portraits of prominent people had a didactic task as it formed the idea of a role model. The author attributes small sculptures produced at the Monumentskulptura plant and at other Soviet enterprises, presents biographical data of the sculptors who authored both the monuments and the small sculptures. He notes the role of busts and sculptures with an ideological semantic load in the creation of the national "Soviet pantheon". The author points out that monuments and small sculptures, due to their enormous scale and diversity, can be considered a decisive force in the formation of Soviet people's everyday consciousness. The choice of the object of perpetuation was one of the important issues on the political agenda. The criticism of Stalin's personality cult caused the demolition and destruction of his monuments; this did not occur spontaneously, the authorities themselves organized it. These overthrows of the image of the authorities took place almost imperceptibly, leaving no significant response in art. The author concludes that today the objects of Soviet miniature plastic arts and the images they expressed have been desacralized, becoming parts of the interiors of cafes and souvenir shops, performing advertising functions. Monuments of the leaders of the revolution also ceased to be relevant, turning into historical artifacts. Based on the analysis of studies on Soviet culture and their comparison with fiction, the author draws a conclusion about the shared fate of the symbols of power in history.

Keywords: silumin, porcelain, plastic, mass production, circulation production, portrait, replica, Socialist Realism, ideology.

Использованная литература:

1. Бойко А. Советское скульптурное наследие. Цикл «Десять лекций о скульптуре». [Электронный ресурс] // Мастерская Аникушина. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=YAAx43v3HAK> (дата обращения: 02.05.2020).
2. Гройс Б. Gesamtkunstwerk Сталин. М.: Ad Marginem, 2013.
3. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. [Электронный ресурс] // Lib.Ru: Библиотека Максима Мошкова. URL: <http://lib.ru/POLITOLOG/karamurza.txt>. (дата обращения: 02.05.2020).
4. Моравиа А. Конформист. СПб.: Лимбус Пресс, 2004.
5. Паперный В. З. Культура Два. М.: Новое литературное обозрение, 2016.
6. Простаков С. «Россия – удобный образ страшного будущего». Александр Эткинд о сносе монументов, левой идее и духе 2020 г. [Электронный ресурс] // МБХ Медиа. URL: <https://mbk-news.appspot.com/sences/rossiya-udobnyj-obraz/?fbclid=IwAR0a2jgTdCfrmlO4a7qwa9RM-q89RCLMAoIQzqDfS6n4Wbs-5r6avN58eMw> (дата обращения: 02.07.2020).
7. Самецкая Э. Советский фарфор 1920–1930-х гг. в частных собраниях Санкт-Петербурга. М.: Collectors book, 2005.
8. Сапанжа О. С. Пластика малых форм как часть пространства советской повседневности // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2019. № 1. С. 65–77.
9. Сапанжа О. С., Баландина Н. А. Детский балет «Аистенок» (1937) в фарфоровой пластике малых форм. // Вестник Академии Русского балета им. А. Я. Вагановой. №2 (61). 2019. С. 114–127.

References:

1. Boyko, A. (2020) *Sovetskoe skulpturnoe nasledie. Tsikl "Desyat' lektsiy o skulpture"* [Soviet Sculptural Heritage. The Cycle "Ten Lectures on Sculpture"]. A Video. [Online] Available from: <https://www.youtube.com/watch?v=YAAx43v3HAK>. (Accessed: 02.05.2020).
2. Groys, B. (2013) *Gesamtkunstwerk Stalin*. Moscow: Ad Marginem. (In Russian).
3. Kara-Murza, S.G. (2003) *Manipulyatsiya soznaniem* [Mind Manipulation]. [Online] Available from: <http://lib.ru/POLITOLOG/karamurza.txt>. (Accessed: 02.05.2020).
4. Moravia, A. (2004) *Konformist* [The Conformist]. Translated from Italian by G. Dozmarova. Saint Petersburg: Limbus Press.
5. Papernyy, V. (2016) *Kul'tura Dva* [Culture Two]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
6. Prostakov, S. (2020) *"Rossiya – udobnyy obraz strasnogo budushchego". Aleksandr Etkind o snose monumentov, levoy idee i dukhe 2020 goda* ["Russia: A Convenient Image of a Terrible Future." Alexander Etkind on the Demolition of Monuments, the Leftist Idea, and Spirit of 2020]. [Online] Available from: <https://mbk-news.appspot.com/sences/rossiya-udobnyj-obraz/?fbclid=IwAR0a2jgTdCfrmlO4a7qwa9RM-q89RCLMAoIQzqDfS6n4Wbs-5r6avN58eMw>. (Accessed: 02.07.2020).
7. Sametskaya, E. (2005) *Sovetskiy farfor 1920–1930-kh godov v chastnykh sobraniyakh Sankt-Peterburga* [Soviet Porcelain of the 1920s–1930s in Private Collections in Saint Petersburg]. Moscow: Collectors book.
8. Sapanzha, O.S. (2019) Images of Small Plastic as Part of the Space of Soviet Everyday Life. *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 1. pp. 65-77. (In Russian). DOI: 10.21638/11701/spbu19.2019.105
9. Sapanzha, O.S. & Balandina, N.A. (2019) "Stork" Ballet for Children (1937) in Porcelain Small Forms. *Vestnik*

10. Шуккин В. Г. Тоталитарная эйдология или подземный сон наяву. // Вопросы философии. 2004. № 8. С. 90–100.

11. Эткинд А. Кривое горе: память о непогребенных. М.: Новое литературное обозрение, 2016.

Akademii Russkogo baleta im. A.Ya. Vaganovoy – Bulletin of Vaganova Ballet Academy. 2 (61). pp. 114–127. (In Russian).

10. Shchukin, V.G. (2004) Totalitarian Eidology or Underground Daydream. *Voprosy filosofii – Problems of Philosophy*. 8. pp. 90–100. (In Russian).

11. Etkind, A. (2016) *Krivoie gore: pamyat' o nepogrebennykh* [Warped Mourning: Stories of the Undead in the Land of the Unburied]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Карагода, К. П. Образы советской монументальной скульптуры в мелкой пластике: трансформация функций и эволюция смыслов / К. П. Карагода // Наследие веков. – 2020. – № 3 – С. 13–28. DOI: 10.36343/SB.2020.23.3.001

Full bibliographic reference to the article:

Karagoda, K.P. (2020) Images of Soviet Monumental Sculpture in Miniature Plastic Arts: Transformation of Functions and Evolution of Meanings. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 2. pp. 13–28. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2020.23.3.001

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ
АНО «РОДНЫЕ ТРАДИЦИИ»

Две новые книги, посвященные популяризации русского языка в библиотеках, вышли в августе-сентябре текущего года под эгидой Автономной некоммерческой организации «Родные традиции», являющейся учредителем журнала «Наследие веков». Издание было осуществлено в электронном формате и явилось частью работ по проекту № 20–1–000499 «Сохранение и популяризация русского языка и литературы средствами библиотечной системы Юга России», реализуемого на средства гранта ООГО «Российский фонд культуры», предоставленного в рамках федерального проекта «Творческие люди» национального проекта «Культура».

В авторский коллектив вошли эксперты АНО «Родные традиции» — педагоги, филологи, историки, философы, культурологи.

Первое издание, научно-методические материалы для участников научно-практических семинаров «Сохранение и популяризация русского языка и литературы средствами библиотечной системы Юга России», адресуются работникам муниципальных публичных библиотек и подразделениям ведущих региональных библиотек, курирующим деятельность ЦБС, а также связанным с библиотечным сообществом представителям педагогической и культурно-просветительной сферы, а также всем, кто испытывает необходимость в методической помощи, связанной с популяризацией русского языка как средства сохранения гражданского мира и ресурса гармонизации межэтнических отношений в макрорегионе.

Во второй книге, монографии «Популяризация русского языка в библиотеках: инновационные практики», затронуты вопросы государственной политики в области продвижения русского языка и литературы, охарактеризована динамика развития ЦБС Российской Федерации и Южнороссийского региона, описаны инновационные подходы, методы и формы в библиотечном обслуживании читателей и сделан обзор соответствующих библиотечных проектов, реализующихся в полиэтничных регионах. Издание также содержит сценарии конкретных мероприятий и послужит подспорьем для библиотечных работников при организации ими различных форм взаимодействия с читателями.

МОРОЗОВА Ольга Михайловна

доктор исторических наук, доцент,
профессор кафедры «Связи с общественностью»
Донского государственного технического университета,
Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Olga M. MOROZOVA

Dr. Sci. (National History), Assoc. Prof.,
Don State Technical University,
Rostov-on-Don, Russian Federation,
olgafrost@gmail.com

ORCID: 0000-0001-8232-8189

УДК 93/94(470-13)“1918/1920”725.945.1
ГРНТИ 03.23.55
ВАК 07.00.02

DOI: 10.36343/SB.2020.23.3.002

Ранний опыт мемориализации Гражданской войны на Юге России: первый памятник героям-таманцам

The Early Experience of the Memorialization of the Civil War in the South of Russia: the First Monument to the Taman Army Heroes

Цель статьи – выявление обстоятельств сооружения памятника участникам похода Таманской Красной армии в станице Славянской и раскрытие символического значения, придававшегося монументу современниками его создания. Материалами исследования послужили документы личного архива начальника штаба Таманской армии Г. Н. Батурина, сохранившегося в Центре документации новейшей истории Ростовской области. Проведена работа по атрибуции фотоматериалов. Установлены обстоятельства проведения конкурса проектов памятника, проанализированы события, связанные с его возведением, выявлены подробности торжественных мероприятий, сопровождавших его открытие, определены персоналии, внесшие значительный личный вклад в сооружение монумента. Уделено внимание характеристике личности архитектора и художника А. А. Юнгера – создателя проекта памятника. Сделан вывод, что присущий памятнику милитарный дух отражает самоощущение таманцев, утвердившихся по результатам Гражданской войны в роли профессиональных военных.

Ключевые слова: Памятник Таманской Красной армии, станица Славянская, Г. Н. Батурин, Е. И. Ковтюх, А. А. Юнгер, Центр документации новейшей истории Ростовской области.

В 1923 г. в кубанской станице Славянской (в настоящее время — город Славянск-на-Кубани) был открыт один из первых в стране памятников, связанных с событиями

Гражданской войны. Советский стандарт мемориализации свершившейся революции еще не был выработан, поэтому монумент отличается выраженная индивидуальность.

Изучение подобных памятников, имеющих уникальные характеристики, а также обстоятельств их создания чрезвычайно важно не только для реконструкции исторических событий переломного периода отечественной истории, но и в аспекте исследования особенностей мемориализации недавнего прошлого, сложившейся в результате инициативы рядовых участников событий с целью использования подобного опыта в современной общественной практике.

Судьба мемориальных объектов региона, в том числе и памятника героям-таманцам, подвергалась частичному изучению в работах историков и краеведов. Данные государственного учета объектов культурного наследия Краснодарского края, вписанные в контекст драматических событий Гражданской войны на Кубани и Черноморье, представлены в статье А. В. Гончарова [2]. Е. Ф. Кринко собрал обширный перечень мемориальных объектов на территории Южного и Северокавказского федеральных округов, по возможности установив обстоятельства их возведения и последующую судьбу [12, с. 154–172]. В этой статье упоминается и славянский мемориал. Отдельные обстоятельства его сооружения приведены в книге А. И. Соловьева [5]. При этом остается слабо изученной та ветеранская среда, которая выступила инициатором создания монумента, ее социальные надежды и подспудные мотивы, которые объединили бывших однополчан в общем порыве. Осуществленная реконструкция духовного мира этих людей оказалась созвучна символике самого монумента.

Цель исследования заключается в выявлении обстоятельств сооружения памятника участникам похода Таманской Красной армии в станице Славянской, который представляет собой частный случай из социальной жизни первых лет советской власти и свидетельствует о мироощущении многочисленного слоя ветеранов Гражданской войны, игравшего ведущую роль в жизни общества. Кроме того, была предпринята попытка оценить смысловое значение эстетики и символики монумента, основанное на результатах многолетнего исследования ветеранской среды, на знании ее ценностных ориентиров и базовых пред-

ставлений, приобретенных в первой половине 1920-х гг.

Методология исследования предполагает синтез системно-исторического и историко-генетического методов, а также использование принципов диахронного анализа.

Исследование основано на документальных материалах, сохранившихся в Центре документации новейшей истории Ростовской области и отражающих обстоятельства возникновения идеи проекта и ее реализации. Это несколько дел, в которые собраны бумаги бывшего начальника штаба Таманской армии Григория Николаевича Батурина (1880–1925), (Фото 1) переданные в краевой партийный архив, по-видимому, его вдовой Александрой Федоровной. Среди них оказались фотографии, сделанные в день открытия памятника, а также вышедшая единственным номером к этому торжественному моменту газета «Красный таманец» [7] [8] [9] [10].

Фото 1. Григорий Николаевич Батурин (1880–1925). Лагань, 1919 г.

Документальные материалы, использованные в процессе работы над исследованием, отличаются определенной спецификой. Содержащаяся в них информация часто имела фрагментарный характер, поэтому автору пришлось привлечь накопленные в ходе архивного поиска сведения и научный справочный материал, а также провести атрибуцию фотодокументов.

Эта находка (равно как и настоящее исследование) будет способствовать расширению научных представлений о процессе формирования советской мемориальной традиции, которая является предметом особого внимания ряда исследователей, по крупицам собирающих фактический материал о больших и малых памятниках, разбросанных по городам и станицам нашего региона.

Таманская армия, память о которой призван увековечить мемориал, была сформирована 27 августа 1918 г. в результате соглашения командиров разрозненных отрядов, которое было достигнуто на собрании в Геленджике. В нее были собраны красные отряды, отступавшие после падения советской власти в Екатеринодаре из западных отделов Кубанского войска. К ним присоединились ушедшие с территории Украины под давлением австро-германских войск вооруженные группы и части. Общая численность бойцов под ружьем составляла около 25 тыс. Командующим армией был избран бывший матрос торгового парохода «Патагония», а теперь командир 4-го Днепровского полка Иван Иванович Матвеев, начальником штаба — бывший штабс-капитан Г. Н. Батурина. Эта армия, за которой шло несколько десятков тысяч беженцев, совершила переход по Черноморскому побережью, выдержав ряд успешных боев — за обладание Михайловским перевалом, под станицей Белореченской и др., соединившись с Северокавказской Красной армией под Армавиром 17 сентября. В октябре 1918 г. Таманская армия была реорганизована в дивизию и вошла в состав регулярной 11-й Красной армии. Уже в Астрахани Таманская дивизия распалась на Особую кавалерийскую дивизию и пехотную бригаду. Позднее Особая кавдивизия была переименована в 7-ю кавдивизию. В 1919 г. была образована 48-я Таманская ди-

визия, затем ее слили с 50-й стрелковой дивизией в 50-ю Таманскую дивизию. Она входила в 10-ю, потом 9-ю армию. Позже ее влили в 34-ю стрелковую дивизию, и наименование Таманской было утеряно [4, с. 4].

Пережитые испытания спаяли таманцев. Среди них были как уроженцы западных кубанских станиц, так и выходцы из Украины и других частей страны. После демобилизации из Красной армии они, как и остальные ветераны, группировались и плачевались. После высадки на Тамани десанта С. Г. Улагая вернувшиеся уже домой бойцы по призыву бывшего командующего армией Епифана Иовича Ковтюха и Г. Н. Батурина взялись за винтовки. В дальнейшем, заняв ряд руководящих постов в станицах Темрюкского, Тимашёвского и Славянского отделов, командиры-таманцы приняли участие в советском строительстве.

История памятника началась в декабре 1922 г. В самом конце работы съезда Советов Славянского отдела, когда наступил момент для традиционной съездовской «вермишели», товарищ Зимин, сам бывший таманец, внес предложение о постройке памятника бойцам Таманской армии в связи с приближающимся пятилетием знаменитого похода. Никто не возражал, и предложение было тут же зафиксировано в протоколе. Впоследствии Зимин признавался, что памятник ему виделся довольно скромным сооружением, выполненным каким-нибудь местным умельцем из кирпича и цемента и увенчанным пятиконечной красной звездой и приличествующим случаю лозунгом [10, л. 6а].

Собравшийся на следующий день Славянский отделеский исполком был воодушевлен перспективой сооружения мемориала и решил, что памятник должен представлять собой «художественное произведение с ярко выраженной идеей Победы рабочекрестьянской власти». Им была утверждена смета на 15 000 золотых рублей. Через печать был объявлен конкурс проектов с учреждением двух премий: первая — 150 золотых рублей, вторая — 100 золотых рублей. Однако проектов на конкурс поступило мало, и они не отличались особо выдающимися качествами. Поэтому подведение итогов, первоначально назначенное на 1 февраля, откладывалось

дважды и состоялось лишь в середине апреля. Конкурсная комиссия состояла из представителей Кубанского областного партийного комитета, областного исполкома, исполкома Славянского отдела и трех профессиональных художников. Всего к конкурсу было допущено двенадцать проектов, семь из них сразу оказались отвергнутыми из-за несоблюдения требований, таким образом, обсуждению подверглись только пять. Но и они не удовлетворили комиссию — по ее мнению, ни в одном из них идея мемориала не была отражена с достаточной полнотой и художественностью [10, л. 6а].

Тем не менее, понимая невозможность отказаться от озвученных перед общественностью планов, комиссия остановила своё внимание на проекте краснодарского архитектора Александра Александровича Юнгера под девизом «Памятник армии — история армии». Ему и была присуждена вторая премия (первую решили не присуждать). Возможно, сомнения комиссии были вызваны не художественной слабостью предложенного монумента, а личностью самого Юнгера. Оказавшись в 1918 г. в Екатеринодаре, он сотрудничал с журналами белого Юга, в которых публиковал антибольшевистские и антисамостийные карикатуры [3, с. 165, 211] [11].

Проект был решен в классическом стиле (Рис. 1). Ампирическую стелу окружал подиум, на котором должно было разместиться восемь пушек. Четыре пологие лестницы, ведущие к подножию стелы, напоминали нижний марш лестницы Камероновой галереи в Царском Селе. В проекции сверху они образовывали крест, что конкурсная комиссия предпочла не заметить. Визуально стела казалась оторванной от своего постамента, так как между ними находилась раздавленная под ее тяжестью рептилия, символизирующая, по-видимому, «гидру контрреволюции». Девиз проекта «Памятник армии — история армии» поддерживался барельефами, которые должны были изображать различные эпизоды из истории похода Таманской армии.

1 мая на берегу речки Притоки состоялась торжественная закладка памятника, хотя техническая документация ещё не была готова. Сооружение монумента затягивалась из-за творческих поисков автора проекта. А. А. Юн-

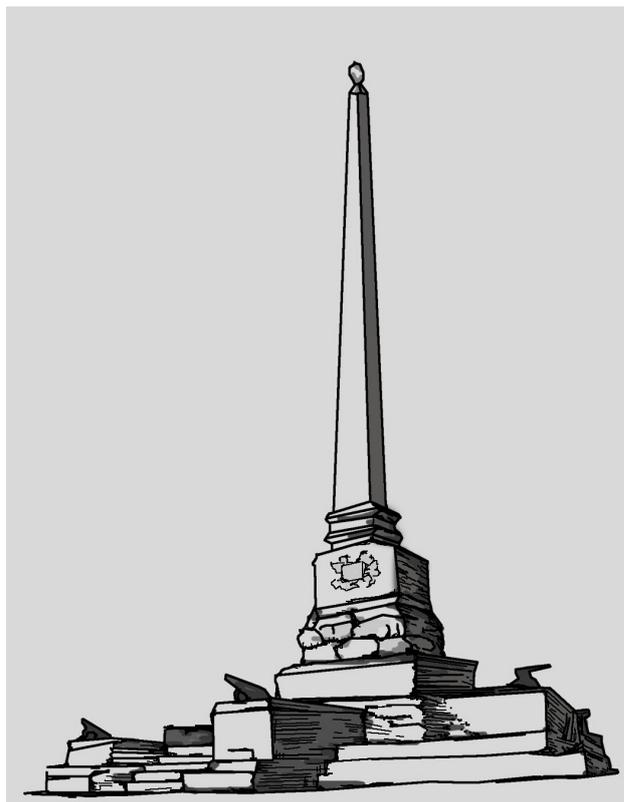

Рис. 1. Рисунок из газеты «Красный таманец» (23 декабря 1923 г.)

гер желал, чтобы барельефы были отлиты из чугуна, а на это требовалось 3 тыс. пудов металла. Не имея денег для его закупки, Славянский отдельский партийный комитет возбудил перед вышестоящими органами ходатайство о бесплатном отпуске чугунного лома из запасов, имеющихся на государственных складах. Вопрос так и не был решен положительно, и А. А. Юнгер согласился на использование в изготовлении барельефов бетона, обработанного под натуральный камень. Но и вариант с бетоном не удалось реализовать. Время было упущено, и изготовить барельефы ко дню открытия памятника, 7 ноября, оказалось невозможно [10, л. 6а].

Судя по всему, таманцы и автор проекта во время работы над мемориалом испытывали сильную взаимную неприязнь, вызванную как организационными конфликтами, так и противоречиями идейного характера. Таманцев не мог не расстраивать тот факт, что участие в святом для них деле принимает человек с сомнительным «белогвардейским» прошлым. В статье, посвященной истории соору-

жения памятника, председатель Славянского отдельского исполкома Никифор Васильевич Проскурнин отпустил в его адрес немало злых замечаний. Как он утверждал, на барельефах злоключения не закончились. Закладка фундамента началась лишь в конце июля. Из-за упущения А. А. Юнгера работы потребовали дополнительных средств, выходящих за пределы ассигнований по смете.

Нельзя сказать, что А. А. Юнгер был новичком в проектировании и реализации архитектурно-инженерных сооружений. Еще во время учебы в мастерской архитектора Л. Н. Бенуа в Санкт-Петербурге он, будучи человеком, ограниченным в средствах, параллельно занимался выполнением архитектурных проектов. Строительную практику А. А. Юнгер получил под руководством В. А. Покровского, помогая ему при возведении казарм в Царском Селе. Опыт участия в конкурсах он приобрёл, работая над проектами совместно с гражданским инженером А. П. Аплаксиным. Накануне 1917 г. А. А. Юнгер работал в отде-

ле зернохранилищ Государственного банка, где занимался проектированием элеваторов. Вместе с отделом был эвакуирован в Екатеринодар в 1918 г. В годы Гражданской войны в городах Юга России скопилось много бежавших из центра страны квалифицированных преподавателей, практиков и ученых, а также студентов и просто желающих получить образование, хотя бы для того, чтобы избежать призыва в армию. Поэтому в Ростове и Краснодаре возникло невиданное доселе в провинции число профессиональных учебных заведений. Сам А. А. Юнгер преподавал в Кубанском политехническом институте [11].

Но, тем не менее, инженер-архитектор А. А. Юнгер допустил превышение сметы. Инициативной группе нужно было вновь решать задачу добывания денег. На помощь пришли Темрюкский городской исполком (и, в частности, заместитель его председателя — бывший помощник начальника штаба Таманской армии Алексей Иванович Хвалюн), а также некоторые волостные исполкомы. Это было как нель-

Фото 2. Митинг по случаю открытия памятника. Общий вид (Станица Славянская, 23 декабря 1923 г.)

зя кстати, потому что в начале сентября выяснилось, что для окончания работ не хватает еще 1500 пудов цемента, который спешно пришлось закупать в Новороссийске. После этого работа пошла без перебоев, но дату открытия памятника пришлось приурочить не к шестой годовщине Октябрьской революции, а ко дню съезда Советов Славянского отдела.

Среди руководителей строительства памятника были инженер Рубинов и исполнитель работ — техник Власов. Центральную стелу должен был венчать советский герб, над которым работал художник С. К. Крамской. Он также выполнял обязанности фотографа и фиксировал все этапы строительства. К сожалению, судьба этих снимков осталась неизвестной. А вот три фотографии митинга по случаю открытия памятника сохранились среди бумаг Батурина.

Проект памятника предполагал установку восьми пушек на постаментах вокруг основной части мемориала. Они были призваны напоминать о тех корабельных орудиях с пото-

пленной Черноморской эскадры, которые бойцы тащили на себе через горы. Г. Н. Батурина выехал в Ростов и обратился к командованию Северокавказского военного округа, которое бесплатно передало ему корабельные пушки времен Русско-японской войны. Г. Н. Батурина, пользуясь своими широкими связями в крае, смог организовать их перевозку в Славянскую [7, л. 12].

В рамках подготовки к открытию памятника была проделана большая работа по увековечиванию памяти о Таманской армии. Г. Н. Батурина, бывший тогда начальником 9-й Донской стрелковой дивизии, написал воспоминания, в которых представил наиболее яркие эпизоды Таманского похода. В основном это были портреты участников похода — совершенно неканонические, а потому поразительные...

Шёл 1923 год. В это время советский писатель А. С. Серафимович работал над романом «Железный поток», в котором развивается та же идея, что и в очерках Г. Н. Батурина:

Фото 3. Митинг по случаю открытия памятника. Вид с юга
(Станица Славянская, 23 декабря 1923 г.)

Фото 4. Митинг по случаю открытия памятника. Общее фото участников на фоне монумента (Станица Славянская, 23 декабря 1923 г.)

как революция меняет взгляд людей на мир. Эти очерки были изданы тиражом 3000 экземпляров в виде небольшой брошюры, которую таманцы получили при открытии памятника в качестве подарка [1]. Брошюра была проиллюстрирована художником Григорием Козорезовым. Всего он сделал карандашом и тушью 54 рисунка, которые планировал опубликовать в отдельно изданном альбоме. Намерение автора упиралось в отсутствие денег, которых ему требовалось 300 червонцев. Сведения об издании обнаружены не были, по-видимому, оно не состоялось.

Местный учитель Полиен Николаевич Яковлев (1883–1942) [6, с. 20–23], впоследствии советский детский писатель, сочинил выразительные стихи, опубликованные в газете «Красный таманец»:

*Кровь таманцев Коммунизма
Цементировала части —
Крепок он, как эта призма
Под гербом советской власти.
Их память почтим не в надгробном
рыданье,
Довольно нам жалких тоскующих слез,*

*Над памятью братьев склонимся
в молчанье,
В молчанье страшнее грохочущих гроз
[10, л. 6а, 7].*

Хотя к моменту открытия памятника (Фото 2, 3, 4) барельефы отлить не удалось, желание украсить ими монумент сохранилось. Предполагалось, что они будут все-таки изготовлены и установлены, чтобы усилить художественное выражение идеи мемориала. На митинге звучали соответствующие речи и давались обещания. Однако исполниться этим планам было не суждено.

Вечером 18 декабря 1923 г. в зале театра им. А. В. Луначарского состоялось торжественное заседание, посвященное предстоящему открытию памятника героям-таманцам. Вступительную речь произнес Н. В. Проскурнин. Он подчеркнул, что беспримерные подвиги таманцев заслуживают не только бетонного памятника, но и вечной светлой памяти в сердцах потомков. Ее должны символизировать ежегодные собрания, посвященные подвигам тех, чьими останками устлан путь от устья Кубани до устья Волги. Следующим выступил

Фото 5. Бойцы и командиры Таманской армии. Сидят: П. С. Решетняк, неизв., Е. И. Ковтюх, М. В. Смирнов, И. Красилов. Стоят: неизв., Г. Н. Батурин, А. И. Хвалюн, Я. Е. Гладких (Станица Славянская, 23 декабря 1923 г.)

Батурин, в своей речи он описал то, как из разрозненных отступающих отрядов постепенно создавалась армия. Газета «Красный таманец» приводит яркую цитату из его выступления: «И для человека, выдавшего, как от взрывов разлетаются в разные стороны части тела товарища, с которым только что говорил, не под силу было смотреть, сердце разрывалось, когда на сотни верст в песках калмыцкой степи через каждые две-три сажени перемешанные с песком и снегом торчали головы, ноги, руки окоченевших трупов...» [10, л. 6а].

Праздничное открытие памятника стало поводом для встречи ветеранов-таманцев. На коллективной фотографии (Фото 5), сделанной 23 декабря 1923 г., запечатлены:

Григорий Николаевич Батурин, 27 августа — 1 декабря 1918 г. — начальник штаба Таманской армии;

Елифан Иович Ковтюх, летом 1918 г. — командир Полтавского, Славянского, Советского пехотных полков; с 27 августа — коман-

дующий 1-й колонной; с 12 октября 1918 г. — командующий Таманской армией, а в 1923 г. — командир 22-й стрелковой дивизии РККА;

Марк Васильевич Смирнов, командующий армией с 22 октября 1918 г., в 1923 г. — командир отрядов железнодорожной охраны;

Алексей Иванович Хвалюн, начальник штаба 3-й Таманской стрелковой дивизии в декабре 1918 — феврале 1919 г.;

Яков Емельянович Гладких, адъютант первого командующего Таманской армией И. И. Матвеева, в 1923 г. — дежурный адъютант в управлении командующего Московским военным округом Н. И. Муралова;

Прохор Савич Решетняк, командир бригады, в 1923 г. — помощник военного комиссара Славянского отдела;

и другие таманцы [9, л. 23].

Жизнь таманцев была неразрывно связана с армией в годы Гражданской войны и после ее окончания. Ранее входившие в нее части неоднократно расформировывались и перефор-

мировывались, но красноармейцы стремились держаться своих товарищей и старых командиров. На гражданской службе они всегда работали крупными группами в рамках одного учреждения. Назначенный руководителем бывший командир набирал в свой аппарат однополчан, чувствуя ответственность за их судьбу и благополучие и видя в них надежную, проверенную опору. Возведенный обелиск был не только памятником погибшим товарищам, но и серьезной заявкой на особое место живых таманцев в пантеоне героев революции.

С точки зрения политико-символического наполнения монумент ничем не заявляет о советской идеологии (кроме, пожалуй, герба на его вершине). Он наполнен древними восточными знаками. Пирамида и венчающий ее обелиск известны как эмблематические воплощения мощи солнечных лучей и бессмертия, как «вызов вечности». Восемь пушек и восемь планировавшихся барельефов переключаются с типичным для храмовой архитектуры использованием этого числа как символа возрождения для вечной жизни (восьмигранная форма представлялась промежуточной между символикой квадрата — земного бытия — и небесного круга). Раздавленная тяжестью обелиска змея связана с ветхозаветной традицией, изображающей ее как врага человечества, как зло, искушение и обман. Тут есть и отголоски западноевропейской христианской иконографии Девы Марии, наступающей ногой на змею (уже как символ первородного греха). Массивность конструкции может быть идентифицирована как напоминание о трудностях похода Таманской армии. Примечательно, что не нашлось места серпу и молоту,

официальной символике пролетарской революции. Главный материальный элемент — корабельные пушки — придает всему монументу милитарный дух, что очень точно отражает биографии таманцев и их притязания в новой жизни. В 1923 г. многие из них, дети батраков, продолжали служить в РККА на командных должностях, рассматривая свой новый статус как наглядное выражение революционных завоеваний. По сравнению с замечательным романом А. С. Серафимовича этот памятник более правдив. Если будущий классик соцреализма стремился показать превращение внепартийной стихии в принявшую большевизм, что он искренне хотел увидеть в истории Таманской армии, то возведенный стараниями ветеранов-таманцев монумент символизировал ту победу, к которой они действительно рвались, — победу над тяготившим их ярмом сословного деления.

Таким образом, на основе документов из личного архива Г. Н. Батурина, большинство из которых впервые введены в научный оборот, удалось реконструировать события, связанные с установкой одного из ранних советских памятников, посвященных только что окончившейся Гражданской войне, а также подвергнуть научному анализу его символику и ее значение в аспекте мемориализации этих событий на Юге России. Однако этих документов оказалось недостаточно для выяснения судеб всех людей, принимавших участие в проектировании и возведении мемориала, определении его значения в формировании советской эстетики и символики монументальных сооружений, связанных с революционным началом советской эпохи.

Olga M. MOROZOVA

Dr. Sci. (National History), Assoc. Prof.,
Don State Technical University,
Rostov-on-Don, Russian Federation,
olgafrost@gmail.com
ORCID: 0000-0001-8232-8189

***The Early Experience of the Memorialization of the Civil War
in the South of Russia: The First Monument to the Taman Army Heroes***

Abstract. The article aims to identify the circumstances of the construction of a monument to the participants of the Taman Red Army campaign in the village Slavyanskaya and to reveal the symbolic

value that the then contemporaries attributed to the monument at the time of its creation. The materials of the study were the documents of the personal archive of G.N. Baturin, the Chief of the Staff of the Taman Army, preserved in the Center for Documentation of Contemporary History of Rostov Oblast. The documents were fragmentary, so the author reconstructed information about the related events and the historical figures involved in them; she also attributed photographic materials. The research methodology involved the use of systematic historical and historical genetic methods, as well as the principles of diachronic analysis. The author prefaces the study with a fact-based excursion into the history of the Taman Red Army and a brief account of the postwar fate of its men. She establishes the circumstances of the emergence of the idea to construct the monument and to hold a competition of projects before its construction, describes the winning project and its creator, the architect and artist Alexander Junger. She notes the distinctive nature of the monument: the Soviet standard of revolutionary memorials were not formed at that time. The author thoroughly analyzes the events related to the laying and construction of the monument, the contradictions and problems (both financial economic and personal) that accompanied the construction, shows how they were solved. She reveals the details of the ceremonial events accompanying the unveiling of the monument, identifies persons who made a significant personal contribution to the construction of the monument, and characterizes the monument's symbolism, which is dominated by ancient oriental signs. The monument does not contain traditional Soviet symbols except for the coat of arms on the top of the stele. The massiveness of the monument can be interpreted as a reminder of the difficulties of the campaign of the Taman Army. The author concludes that the military spirit inherent in the monument reflects the self-consciousness of the Taman men, who established themselves as professional soldiers as a result of the Civil War. The erected obelisk was not only a monument to the fallen comrades, but also a claim of the living Taman people for a special place in the pantheon of heroes of the revolution. The snake crushed by the weight of the obelisk means not only the "hydra of the counterrevolution", but also the outdated social class organization of Russian society.

Keywords: Monument to the Taman Red Army, Slavyanskaya, G. N. Baturin, E. I. Kovtyukh, A. A. Yunger, Center for Documentation of Contemporary History of Rostov Oblast.

Использованная литература:

1. Батурин Г. Н. Красная Таманская армия. Краткий популярный военно-исторический очерк 1918–1920 гг. Славянская: Тип. Славянского отдельского исполкома, 1923.
2. Гончаров А. В. «Победителям и побежденным»: эпоха гражданского противостояния на Кубани и Черноморье в объектах культурного наследия. [Электронный ресурс] // Наследие веков. 2018. №2. С. 41–47. URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2018/06/2018_2_Goncharov.pdf (дата обращения: 05.08.2020).
3. Еремеева А. Н. «Под рокот гражданских бурь» (Художественная жизнь Юга России в 1917–1920 гг.). СПб: Нестор, 1998.
4. Известия ЦИК СССР и ВЦИК РСФСР. 1924. 16 марта. №63 (2098).
5. Соловьев А. И. Азовское море и Приазовье. История, география, экономика, экология, культура. Таганрог: Таганрогский радиотехнический институт. 1993.
6. Фуфалько Б. Д. Полиен Николаевич Яковлев // Копыл. 2016. № 2. С. 20–23.
7. Центр документации новейшей истории Ростовской области. Ф. Р-910. Оп. 3. Д. 650.

References:

1. Baturin, G.N. (1923) *Krasnaya Tamanskaya armiya. Kratkiy populyarnyy voenno-istoricheskiy ocherk 1918–1920 gg.* [The Red Taman Army. A Short Popular Military History Essay of 1918–1920]. Slavyanskaya: Tip. Slavyanskogo otchel'skogo ispolkoma.
2. Goncharov, A.V. (2018) "To Winners and Losers": The Epoch of Civil Confrontation in Kuban and in the Black Sea Region in the Objects of Cultural Heritage. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 2. pp. 41–47. [Online] Available from: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2018/06/2018_2_Goncharov.pdf. (Accessed: 05.08.2020). (In Russian).
3. Eremeeva, A.N. (1998) "Pod rokot grazhdanskikh bur'" (*Khudozhestvennaya zhizn' Yuga Rossii v 1917–1920 godakh*) ["In the Roar of Civil Storms" (Artistic Life of the South of Russia in 1917–1920)]. Saint Petersburg: Nestor.
4. *Izvestiya TsIK SSSR i VTsIK RSFSR*. (1924) 16 March. 63 (2098).
5. Solov'ev, A.I. (1993) *Azovskoe more i Priazov'e. Istoriya, geografiya, ekonomika, ekologiya, kul'tura* [The Sea of Azov and the Azov Region. History, Geography, Economy, Ecology, Culture]. Taganrog: Taganrogskiy radiotekhnicheskiy institut.

8. Центр документации новейшей истории Ростовской области. Ф. Р-910. Оп. 3. Д. 651.
9. Центр документации новейшей истории Ростовской области. Ф. Р-910. Оп. 3. Д. 652.
10. Центр документации новейшей истории Ростовской области. Ф. Р-910. Оп. 3. Д. 653.
11. Юнгер Александр Александрович (1883–1948): биография. [Электронный ресурс] // Трамвай искусств. URL: <https://tramvaiiskusstv.ru/grafika/spisok-khudozhnikov/item/3538-yunger-aleksandr-aleksandrovich-1883-1948.html> (дата обращения: 10.07.2020).
12. Krinko E. F. The Memorialization of the Events and Participants of the Revolution and the Civil War in the South of Russia // *Russkaya starina*. 2017. №8(2). С. 154–172.
6. Fufal'ko, B.D. (2016) Polien Nikolaevich Yakovlev. *Kopyl*. 2. pp. 20–23. (In Russian).
7. Center for Documentation of Contemporary History of Rostov Oblast. Fund R-910. List 3. File 650.
8. Center for Documentation of Contemporary History of Rostov Oblast. Fund R-910. List 3. File 651.
9. Center for Documentation of Contemporary History of Rostov Oblast. Fund R-910. List 3. File 652.
10. Center for Documentation of Contemporary History of Rostov Oblast. Fund R-910. List 3. File 653.
11. Tramvay iskusstv. (n.d.) *Yunger Aleksandr Aleksandrovich (1883–1948): biografiya* [Alexander Alexandrovich Junger (1883–1948): Biography]. [Online] Available from: <https://tramvaiiskusstv.ru/grafika/spisok-khudozhnikov/item/3538-yunger-aleksandr-aleksandrovich-1883-1948.html>. (Accessed: 10.07.2020).
12. Krinko, E.F. (2017) The memorialization of the events and participants of the Revolution and the Civil War in the South of Russia. *Russkaya starina*. 8 (2). pp. 154–172. (In Russian). DOI: 10.13187/rs.2017.2.154

Полная библиографическая ссылка на статью:

Морозова, О. М. Ранний опыт мемориализации Гражданской войны на Юге России: первый памятник героям-таманцам / О. М. Морозова // *Наследие веков*. – 2020. – № 3 – С. 29–39. DOI: 10.36343/SB.2020.23.3.002

Full bibliographic reference to the article:

Morozova, O.M. (2020) The Early Experience of the Memorialization of the Civil War in the South of Russia: the First Monument to the Taman Army Heroes. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 2. pp. 29–39. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2020.23.3.002

ДЕМЕНТЬЕВ Илья Олегович

кандидат исторических наук, доцент
института гуманитарных наук Балтийского федерального
университета имени И. Канта,
Калининград, Российская Федерация

Ilya O. DEMENTEV

Cand. Sci. (General History), Assoc. Prof.,
Institute for the Humanities,
Immanuel Kant Baltic Federal University,
Kaliningrad, Russian Federation,

idementev@kantiana.ru

ORCID: 0000-0001-5530-1108

УДК 725.94"1945/1991":911.53(470/26-25)
ГРНТИ 18.31.21
ВАК 24.00.01

DOI: 10.36343/SB.2020.23.3.003

**Советские гражданские
памятники в культурном
ландшафте Калининграда¹**

**Soviet-Era Civic Monuments
in the Cultural Landscape
of Kaliningrad²**

В исследовании проанализированы обстоятельства появления монументальных гражданских памятников в советском Калининграде (1946—1991 гг.), определена их роль в культурном ландшафте города. Основными источниками послужили архивные документы и публикации в периодической печати. После краткого обзора послевоенной судьбы памятников Кёнигсберга автор описывает обстоятельства появления (и в ряде случаев исчезновения) памятников советским политическим деятелям (И.В. Сталину, 1953—1962; В.И. Ленину, 1958; М.И. Калинину, 1959), других памятных знаков. Особое внимание уделено коммеморации немецких деятелей, в особенности Э. Тельмана (бюст сооружен в 1956 г., новый бюст установлен в 1977 г.) и Ф. Шиллера, чей памятник 1910 г. стал важным объектом городского ландшафта после Второй мировой войны. Автор приходит к выводу, что история монументальной гражданской скульптуры советского Калининграда наглядно демонстрирует своеобразие советской политики памяти в бывшем немецком городе.

Ключевые слова: политика памяти, монументальная пропаганда, культурное наследие, гражданские памятники, Калининград, советский период.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Калининградской области в рамках научного проекта № 19-49-390003 «Историко-культурное наследие как туристско-рекреационный ресурс Калининградской области».

² The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research and the Government of Kaliningrad Oblast, Project No. 19-49-390003.

С точки зрения мемориальной культуры Калининград (до июля 1946 г.— Кёнигсберг) был специфическим советским городом. Гражданская монументальная скульптура как значимый элемент этой культуры представляет собой важный объект для исследования, помогающий определить и своеобразие самого западного российского региона, и противоречивость советской политики памяти. Между тем в историографии практически нет специальных работ, посвященных монументальной скульптуре Калининграда, в том числе и по той причине, что в первую очередь внимание исследователей привлекали военные памятники — от мемориала 1200 гвардейцам, погибшим при штурме Кёнигсберга (открыт уже в сентябре 1945 г.), до многочисленных братских могил. Небольшая статья С. А. Фостовой характеризует монументальную пропаганду в самом западном российском областном центре [44], краткие сведения о памятниках политикам и деятелям культуры в советском Калининграде приведены в справочных изданиях [28] и в монографиях российских и зарубежных историков [31] [49] [51].

В настоящей статье будут проанализированы обстоятельства появления монументальных гражданских памятников в советском Калининграде и определена их роль в культурном ландшафте города. Это исследование, осуществленное в рамках *memory studies* (исследований коллективной памяти), стремится обогатить знание об основаниях советской политики памяти, конкретных механизмах ее реализации и ее региональной специфике. Интерес современных авторов к проблематике политики памяти не ослабевает, что подтверждает новейшая коллективная монография [40]. Такие характерные для этого исследовательского направления понятия, как коммеморация, мемориальный ландшафт, «места памяти», политика памяти, прочно вошли в тезаурус современных историков. С учетом указанной традиции этот категориальный аппарат используется и в настоящей статье. Исследование также опирается на стандартные методы исторической науки — нарративный (установление и изложение фактов), историко-генетический

(исследование политически и идеологически обусловленных изменений в развитии гражданской монументальной скульптуры), компаративный (сравнение состояния и тенденций развития городской скульптуры в Кёнигсберге и Калининграде). Выбор методов обусловлен как постановкой исследовательских задач, так и состоянием источников.

Источниковую базу исследования прежде всего составляют документы Государственного архива Калининградской области [7] [8] [9] [10] [11] [12] [13] [14] [15] [16] [17] [18], зачастую позволяющие реконструировать установки властей и оценить участие (квази)общественных организаций в реализации политики памяти. Корпус этих источников включает как нормативные акты, так и делопроизводственную документацию исполкомов городского и областного Советов депутатов трудящихся, а также обкома ВКП(б) — КПСС (некоторые из документов опубликованы [36]). Большое значение имеют материалы, отложившиеся в фонде Калининградского областного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (отчеты, охранные обязательства и т.д.). Кроме того, некоторые сведения о коммеморативных практиках содержат публикации местной периодической печати, хотя в силу жестких цензурных ограничений эти сведения всегда страдают неполнотой. В некоторых случаях уместно также использование произведений художественной литературы и мемуаров государственных деятелей местного масштаба.

Предыстория: немецкое наследство. Существенное отличие Калининграда от других крупных советских городов заключалось в том, что новая власть утвердилась в пространстве, где практически отсутствовали «места памяти» русской национальной культуры. Советские переселенцы, прибывавшие в бывшую германскую провинцию Восточная Пруссия во второй половине 1940-х гг., сталкивались с чуждым им культурным ландшафтом, непременным элементом которого выступали памятники немецким деятелям. Прежде всего это были политические фигуры, в той или иной степени воплощавшие традиции германской государственности, и негативное

отношение к ним в целом отвечало идеологически обусловленному подходу советского руководства.

В Кёнигсберге были установлены памятники бранденбургскому курфюрсту Фридриху III (1657–1713; 1698¹), прусскому королю Фридриху Вильгельму III (1770–1840; 1851), его жене — прусской королеве Луизе (1776–1810; 1874), прусскому герцогу Альбрехту (1490–1568; 1891), германскому кайзеру Вильгельму I (1797–1888; 1894), канцлеру Отто фон Бисмарку (1815–1898; 1901) [28, с. 159–176] [52]. Судьба этих объектов культурного наследия в большинстве случаев неизвестна: одни пропали в конце войны, другие — в ходе послевоенного восстановления города. Точно так же были утрачены многие бюсты, барельефы, иные памятники, увековечивавшие память различных ключевых для германской истории персонажей.

Обращает на себя внимание тот факт, что среди политических деятелей, удостоившихся увековечения, доминировали представители либо династии Гогенцоллернов (преимущественно мужчины, исключением стала королева Луиза, игравшая особую роль в культурной памяти жителей Восточной Пруссии), либо правого политического спектра — скажем, в разных зданиях города за 1915–1936 гг. было установлено 4 бронзовых и 2 мраморных бюста военачальника (и рейхспрезидента в 1925–1934 гг.) Пауля фон Гинденбурга [28, с. 163–164]. Нацисты, придя к власти, начали осуществлять систематическое перекодирование мемориального пространства: уничтожая памятники, они как бы вычеркивали из восточнопрусской истории целые политические и этноконфессиональные традиции, которые и без того не имели по-настоящему монументального выражения. В 1933 г. были демонтированы бронзовый бюст рейхспрезидента и одного из лидеров СДПГ Фридриха Эберта (1871–1925; 1929), установленный перед одноименной школой; мраморные бюсты либеральных политиков еврейского происхождения — уроженцев Кёнигсберга Иоганна Якоби (1805–1877; 1872) и Эдуарда фон Симсона (1810–1899; 1900) [52, с. 28, 165–166].

¹ Здесь и далее в круглых скобках указываются сначала годы жизни деятеля, а потом год установки памятника.

Таким образом, для нацистов типичным стало насилие в отношении городского мемориального ландшафта, в котором они обнаруживали «чужих своих». Дальнейшие разрушения памятников в некотором смысле воспроизводили практику предшественников, хотя идеологически коммунистическое руководство всячески дистанцировалось от них.

Использование немецких памятников после войны в большинстве случаев носило сугубо утилитарный характер. Функции при этом были разнообразными. Иногда бронзовые памятники сдавались на металлолом, а их постаменты приспособлялись для нужд советских «преемников». Так, пьедестал скульптуры Бисмарка достался бюсту А. В. Суворова, а пьедестал пропавшего памятника И. Канту — бюсту Э. Тельмана [19, с. 240]. С другой стороны, монументальная скульптура помогала кинематографическому воплощению образов немецких городов. Например, в фильме Г. В. Александрова «Встреча на Эльбе» (1949) пробитая голова памятника Бисмарку демонстрировалась крупным планом в течение нескольких секунд (3:37–3:40) как часть «сюрреалистического ряда» (Б. Хоппе) [51, с. 124]. В первые послевоенные годы использование зданий и других элементов ландшафта Кёнигсберга в процессе съемок парадоксальным образом продлило жизнь некоторым объектам, хотя в целом активность кинематографистов носила, скорее, разрушительный характер.

Некоторые памятники стали настолько узнаваемой частью городского ландшафта, что упоминания о них проходили даже бдительную советскую цензуру и проникали в печать. Например, памятники Вильгельму и Бисмарку располагались около Кёнигсбергского замка и нередко воспринимались в паре, причем если по поводу Вильгельма могли быть сомнения в идентификации персоны, то в отношении Бисмарка, кажется, никто не заблуждался. Н. Н. Иноземцев, участник штурма Кёнигсберга, в дневниковой записи за 18–20 апреля 1945 г. принял Вильгельма за некоего Фридриха, но канцлера опознал безошибочно: «Бронзовый Бисмарк взирает одиноким глазом (часть головы отбита снарядом) на советскую регулировщицу, на прохо-

дящие мимо машины, конные патрули, как бы спрашивая: „Почему здесь русские? Кто это допустил?“» [25, с. 222].

Похожие чувства эти памятники вызвали у крупных московских историков-медиевистов В. М. Лавровского (1891–1971) и М. А. Барга (1915–1991), приехавших в Калининград в 1948 г. (они планировали работать в курортном Зеленоградске над книгой по истории Английской буржуазной революции). В областной многотиражке историки делились впечатлениями: «Вот они — эти творцы политики „крови и железа“ — предтечи фашистской Германии — Вильгельм I и Бисмарк. Нелепая, напыщенная, позеленевшая от времени статуя Вильгельма с обнаженным мечом. И „железный канцлер“ с обезображенной русским снарядами щекой. Какой глубокой насмешкой звучат слова надписи: „Мы, немцы, боимся только бога, но больше никого на свете“. Вот они — строители рухнувшей Германской империи — среди развалин города, у стен разбитого „королевского замка“» [32].

Памятники-соседи упоминались и в художественной литературе: например, в романе Федора Ветина «Город — будет!» (1953), где герой прибывает в послевоенный Прибалтийск (Калининград). Одно из первых впечатлений — старинная крепость: «Перед массивными стенами — два памятника. У „железного канцлера“ — Бисмарка осколком разворочена щека, у Вильгельма перебита рука, вытянутая на восток» [3, с. 7]. Эта пара запечатлелась и в воспоминаниях первых переселенцев. Даже спустя годы, когда монументы уже исчезли, их характерные образы сохранялись в коллективной памяти. Например, в повести Петра Воробьева «Околморье мое» (1971) в описании разрушенного войной города, куда прибывают советские переселенцы, доминировали такие образы: «Битый кирпич на мостовой, продырявленные, погнутые фонарные столбы... выщербленная облицовка речных берегов, бронзовый Бисмарк с пробитой щекой — все это действовало угнетающе и в то же время будило любопытство» [4, с. 12].

К сожалению, наши источники пока далеко не каждый раз позволяют проследить судьбу довоенных памятников, но, вероятно,

инициатива по их разрушению не всегда принадлежала властям. Характерна судьба бронзовой конной статуи Фридриха Вильгельма III: 15 июля 1950 г. группа сборщиков металлолома, заручившись согласием председателя Ленинградского райисполкома И. М. Краснова, сбросила статую с постамента. Третьего августа 1950 г. горисполком принял решение «Об охране разобранного бронзового памятника, стоявшего на Университетской площади Ленинградского района», в котором осудил самовольные действия Краснова и нарушение существующего порядка охраны памятников. Заведующему городским коммунальным отделом было поручено обеспечить сохранность остатков статуи [46], однако, по всей видимости, решение это исполнено не было. Пьедестал памятника — немой свидетель ушедшего в небытие культурного ландшафта — стоял пустым в центре сквера около бывшего университетского здания до конца 1960-х гг., пока не был демонтирован [28, с. 173].

Вероятно, политика властей на местном уровне по отношению к наследию была противоречивой. В отсутствие внятных инструкций должностные лица вели себя непоследовательно, а настроения советских граждан, очевидно, редко благоприятствовали выживанию монументальной скульптуры. Вкупе эти обстоятельства привели большинство немецких памятников к печальному финалу.

Кочующие вожди. В то же время с первых лет присутствия советских людей в Калининградской области все острее ощущалась необходимость в замещении символических для города фигур на новые, хорошо знакомые переселенцам. История памятников советским вождям в Калининграде отражает перипетии советской официальной политики — от позднего культа личности к десталинизации, которая подготовила в конечном счете крах идеологии социализма в период перестройки. В течение 1950-х гг. на карте Калининграда появилось три памятника конкретным советским руководителям¹.

¹ По решению горисполкома от 15 декабря 1949 г. в 1950 г. в сквере на ул. Дмитрия Донского, напротив облисполкома и обликома ВКП(б), была установлена «групповая скульптура Ленина и Сталина», которую в начале 1960-х гг. перевезли в Светлогорск [36, с. 7].

Мотивы возведения памятника **И. В. Сталину** (1879–1953) охарактеризовал немецкий историк П. Бродерзен: этот акт, с одной стороны, должен был подчеркнуть статус области среди советских регионов, с другой — личную «связь» между вождем и новым советским краем («план Сталина») [49, S. 192]. С конца 1940-х гг. был подготовлен ряд проектов, среди которых фигурировал один очень амбициозный — архитектора Михайловского: центральная аллея парка около церкви памяти королевы Луизы вела к обширной поляне, где должна была возвышаться гигантская фигура Сталина, вокруг которой «ковры живых цветов» воспроизводили бы портреты соратников вождя [31, с. 35–36].

Весной 1951 г. руководители обкома и облисполкома обратились к председателю Госснаба СССР Л. М. Кагановичу с просьбой выделить 5,5 т бронзы «для отливки фигуры товарища Сталина» или разрешить использовать бронзу «от скульптурных фигур, подлежащих переплавке» в Калининграде [36, с. 11]. Полным ходом шло благоустройство площади Победы, скульптуру вождя предполагалось установить к 7 ноября 1951 г. Дело, однако, затянулось. Облисполком лишь 21 ноября 1951 г. принял решение о сооружении памятника Сталину [36, с. 12]; в ноябре 1952 г. скульптуру отлили на Ленинградском заводе «Монумент-скульптура». Тем временем Сталин умер, а памятника все не было. Новое обращение руководителей обкома и облисполкома было адресовано председателю Совета министров СССР Г. М. Маленкову: 23 марта 1953 г. они просили разрешить установку скульптуры на 8-метровом постаменте из серого гранита на площади Победы к 1 мая [36, с. 12].

По всей видимости, согласие было получено достаточно быстро — памятник Сталину (скульптор Е. В. Вучетич) наконец появился на площади Победы 29 апреля 1953 г. (рис. 1). В репортаже на первой полосе областной газеты «Калининградская правда» подчеркивалось: «С именем Сталина связано и образование нашей Калининградской области. Именем Сталина калининградцы назвали программу хозяйственного и культурного строительства своего края. На каждом шагу мы ощущали отеческую заботу Иосифа Виссарионо-

Рис. 1. Памятник Сталину на площади Победы в Калининграде.

Источник: <https://forum-kenig.ru/>

вича. Благодаря его постоянному вниманию на опустошенной огнем исконно славянской земле расцвела радостная, счастливая жизнь» [37] (П. Бродерзен дает ошибочную ссылку [49, S. 318]).

Торжественный митинг открыл председатель облисполкома З. Ф. Слайковский, предоставивший слово первому секретарю обкома КПСС В. Е. Чернышеву [37]. После ритуальных слов партийного руководителя о грядущей победе коммунизма и сопутствовавших им бурных аплодисментов выступили токарь механического завода В. Е. Тимофеев, председатель колхоза В. М. Быданов, завкафедрой пединститута Г. А. Ткачева: *сценарии власти* предполагали представительство всех основных классов советского общества. Секретарь горкома КПСС С. А. Бровкин в заключительной речи подчеркнул: «Все, что мы сделали здесь, на этой исконно славянской

земле, возрожденной из руин и пепла,— все это сделано по плану товарища Сталина» [37]. В конце митинга его участники приняли приветственное письмо в адрес ЦК КПСС и Совета министров СССР.

Все, что происходило с памятником далее, осталось за рамками публикаций в периодической печати того времени. Прежде всего его художественная ценность вызвала сомнения на самом вершине пирамиды власти: в записке отдела науки и культуры ЦК КПСС, подготовленной для Н. С. Хрущева 26 мая 1953 г., критике подвергались скульпторы, которые занимались тиражированием одних и тех же памятников, получая при этом полноценную оплату. Среди типичных примеров этой «порочной практики» указывался памятник Сталину в Калининграде — уменьшенная копия аналогичного монумента на Волго-Донском канале [2, с. 98].

Однако в конечном счете судьба памятника была predetermined не эстетическими, а политическими факторами. После XX съезда КПСС перенос монумента был неизбежен. Решение принималось партийными органами с опорой на «мнение общественности» [49, S. 192–193]. Сначала, в ноябре 1958 г., его переместили с площади Победы на несколько десятков метров к юго-востоку — в сквер в начале ул. Житомирской (сейчас Ленинский проспект)¹. Работа шла ночью силами бригады монтажников. В процессе транспортировки статую уронили и раскололи, так что пришлось в спешном порядке восстанавливать ее [19, с. 262–263]. Постамент освобождали для памятника другому вождю — В. И. Ленину. Как позднее писал мемуарист, «митинга по этому поводу не организовывалось. Вроде бы он всегда там стоял» [19, с. 263]. Через несколько лет, в 1962 г. [49, S. 193], статуя Сталина была снята и с этого места, после чего ее отдали «городским трамвайщикам, испытывавшим острейший дефицит в бронзовых втулках колесных пар» [19, с. 263].

¹ Перемещение памятника Сталину и установка на его месте памятника Ленину были оформлены решением бюро обкома КПСС от 16 августа 1958 г. В постановлении отмечено, что оно принято в соответствии с пожеланиями «общественных организаций и трудящихся гор. Калининграда» [36, с. 14]. На основе этого постановления было вынесено решение горисполкома от 10 октября 1958 г. [36, с. 16].

Больше десятилетия в центре города возвышался пустой постамент, что горожане находили или забавным, или возмутительным. Немецкий историк Б. Хоппе цитирует письмо участника штурма Кёнигсберга, который жаловался на то, что памятники Великой Отечественной войны находятся далеко от центра, тогда как в хорошем месте стоит постамент без всякой скульптуры (письмо 1967 г. [51, S. 122]). Официальная политика памяти воспроизвела в отношении советского памятника те же подходы, которые чуть раньше были признаны приемлемыми в отношении объектов немецкого наследия и которые, как это ни парадоксально, демонстрировали континуитет с нацистской *Erinnerungspolitik*. Лишь в 1974 г. вакантное после исчезновения Сталина место занял монумент «Мать-Россия» (см. ниже)².

На месте статуи Сталина на площади Победы 4 ноября 1958 г. был торжественно открыт памятник **В. И. Ленину** (1870–1924; скульптор В. Б. Топуридзе). Изначально он предназначался для пос. Отрадного под курортным Светлогорском, и П. Бродерзен иронизирует над тем, что копия памятника Сталину на Волго-Донском канале была заменена памятником из поселка на Балтийском море [49, S. 193].

Митинг начался в 17 часов, первым выступил председатель горисполкома Н. Ф. Коровкин. После возложения цветов к постаменту речь держал секретарь обкома КПСС Н. С. Коновалов, затем говорили токарь вагоностроительного завода Н. В. Коваценок, врач городской больницы А. И. Расщупкина, офицер В. Д. Сабанев, секретарь горкома КПСС М. Т. Кудикин. В речах соединялись отсылки к революционному прошлому советского народа и к светлому будущему (в преддверии 41-й годовщины революции и XXI съезда партии) [41, с. 203–205]. Газетный репортаж завершился торжественно: «До позднего ве-

² Хотя 23 января 1962 г. было принято распоряжение облисполкома об исключении памятника Сталину из списка памятников, подлежащих государственной охране [36, с. 15], в 2012 г. внезапно выяснилось, что в перечне объектов культурного наследия на месте монумента «Мать-Россия» по-прежнему числится памятник Сталину. Прокуратура потребовала устранить недопонимание, однако региональные власти выразили обеспокоенность тем обстоятельством, что документы о демонтаже монумента не сохранились [34].

чера не расходились калининградцы с площади Победы».

Памятник В. И. Ленину пережил советский строй и стоял на главной площади города до декабря 2004 г., когда в ходе ее реконструкции (и освящения Кафедрального собора Христа Спасителя, который выступал фоном для монумента) был отправлен на реставрацию. Обновленный монумент торжественно открыли в конце Ленинского проспекта, перед зданием Дома искусств, 22 апреля 2007 г. (рис. 2).

Рис. 2. Памятник Ленину в Калининграде, 2020 г.
Фото А. А. Матвеева

Последним в этом ряду ключевых образов советской истории стал памятник **М. И. Калинину** (1875–1946; скульптор Б. В. Едунов, архитектор А. В. Гуляев). Изначально, похоже, понимание памятника Калинину было метафорическим. В ходе разработки генерального плана реконструкции Калининграда еще в 1949 г. предполагалось, что в центре города будет возведен Дворец Советов (или на месте Кёнигсбергского замка, или в районе современной площади Победы). Архитектор М. Р. Наумов излагал замысел так: «Огромное здание Дворца Советов мыслится как памятник великому деятелю коммунистической партии и советского государства — Михаилу Ивановичу Калинину. Дворец должен быть увенчан высокой, видной издали башней-маяком, которая подчеркнет характер Калининграда — город-порт» [26].

Тем не менее вскоре на повестку дня был поставлен вопрос о возведении традиционного памятника человеку, чьим именем назван город. Начиная с 1949 г. областные власти, ссылаясь на указы трудящихся, запрашивали финансирование у Москвы. По всей видимости, они даже попытались форсировать события: 7 апреля 1951 г., в пятую годовщину основания области, на площади перед Южным вокзалом состоялся митинг. Его открыл председатель горисполкома В. Е. Павлов, который передал слово первому секретарю обкома ВКП(б) В. В. Щербакову. Последний рассказал «о тех разительных переменах,

что произошли в Калининградской области за пять лет ее существования, о славных делах калининградцев, которые при повседневной помощи партии, правительства и лично товарища Сталина возродили к жизни этот край» [23]. На митинге выступали представители разных слоев советского общества: директор вагоностроительного завода, рабочий целлюлозно-бумажного комбината, учительница, инженер... На месте будущего монумента появился гранитный обелиск с надписью: «Здесь будет сооружен памятник одному из активнейших строителей и виднейших руководителей большевистской партии и советского государства — Михаилу Ивановичу КАЛИНИНУ» [23].

Только к 1952 г. просьбы возымели действие: Совет министров РСФСР поручил Госплану профинансировать проект [31, с. 36]. Однако реализация этой инициативы затянулась еще на несколько лет — партийные руководители неоднократно выражали свое возмущение задержкой. Свет в конце туннеля забрезжил 19 октября 1956 г., когда проект монумента был утвержден облисполкомом. Республиканский бюджет выделил полмиллиона рублей, и памятник должен был появиться в третьем квартале 1957 г. [49, S. 194–195]. Тем не менее пришлось ждать еще два года, в течение которых областная газета даже публиковала письма возмущенных чи-

тателей, а партийные руководители продолжали взывать к вышестоящим инстанциям.

Наконец долгожданное событие произошло — через год после открытия памятника Ленину, 5 декабря 1959 г. Митинг вновь открыл Н. Ф. Коровкин, передавший слово первому секретарю обкома Ф. В. Маркову, затем выступали представители рабочих, студентка пединститута; к подножию памятника были возложены венки [41, с. 211–213; 19, с. 250–252]. Скульптор Б. В. Едунов прокомментировал замысел оформления пьедестала — пятнадцатигранника из полированного украинского красного гранита, на котором были высечены 15 флагов союзных республик (рис. 3). Так символически была подчеркнута связь молодой области со всей страной.

В репортажах об открытии памятников Ленину и Калинин упомянулось, что митинги прошли вопреки непогоде (в ноябре 1958 г. шел дождь, декабрьский день 1959 г. был морозным). Теоретически эти церемонии можно было бы организовать в апреле (день рождения Ленина) или в июле (день смерти Калинина), но, вероятно, пафос преодоления трудностей должен был придать убедительность всей идеологической программе.

Американский историк Д. К. Бриджес вписывает возведение большой тройки памятников советским лидерам в контекст оттепели. Политика при Н. С. Хрущеве была направлена на стимулирование гражданской ответственности и гордости за свою страну (как эти задачи понимало партийное руководство). Местные власти столкнулись с необходимостью пробуждать советский патриотизм, создавать новую региональную символику, в том числе путем увековечения памяти о знаковых для страны и города деятелях. При этом сохранение немногочисленных существующих

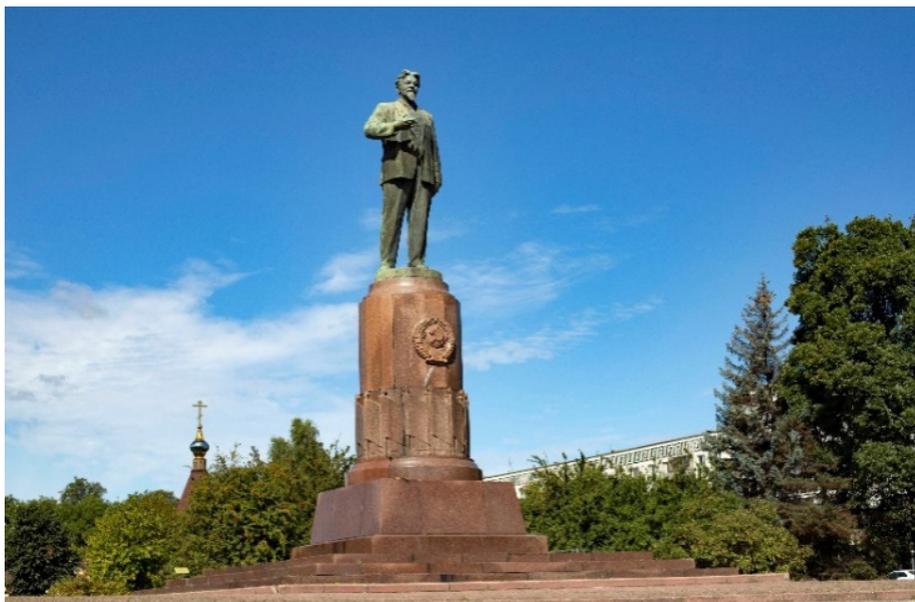

Рис. 3. Памятник Калинин в Калининграде, 2020 г.
Фото А. А. Матвеева

памятников (см. об этом ниже) было дополнительным бонусом, не требовавшим значительных затрат в период, когда все усилия были направлены на развитие жилищного строительства [48, р. 254–255]. П. Бродерзен также предлагает учитывать контекст десталинизации: Калинин, по замыслу руководителей, должен был стать альтернативной фигурой для самоидентификации калининградцев [49, S. 195].

Помимо практики демонтажа памятников континуитет между двумя режимами символически подчеркивался и еще одним обстоятельством, которое, впрочем, едва ли осознавалось тогдашними руководителями. Среди калининградцев ходили слухи о том, что статуя И. В. Сталина была отлита из бронзы демонтированных немецких памятников [19, с. 245]. Первые переселенцы также слышали о том, будто исчезнувшие памятники Бисмарку и Вильгельму «на Ленина переплавили» [5, с. 166]. Косвенно версию о переплавке подтверждают стихи молодого калининградского поэта Юрия Андрущенко, опубликованные в 1951 г.: «Здесь мрачная крепость / Кирпичным плечом / Небо, казалось, / Держала. / Здесь миру грозил / Обнаженным мечом / Надменный король / С пьедестала. / Но сброшены нами / На сплав короли. / Советский мы строим здесь город, / Советские / В море

идут корабли / И мирные песни — над морем» [1]. Даже если на самом деле прямого использования материала не было, аналогия между сброшенными с пьедесталов «надменным королем» и «отцом народов» должна была запрашиваться сама собой.

Причудливой оказалась судьба поста-мента из-под статуи Сталина: 5 ноября 1974 г. на нем был установлен монумент **«Мать-Россия»** (скульптор Б. В. Едунов) — пятиметровое изваяние женщины в русском национальном костюме (рис. 4). В газетном репортаже, разумеется, факт более чем десятилетней пустоты в центре города замалчивался. Сообщалось лишь, что «двадцать восемь лет назад на этой опаленной войной земле была образована наша самая западная область Российской Федерации. И Россия, как добрая, заботливая мать, помогла встать ей на ноги, построить прекрасный город — Калининград» [6]. На митинге при открытии монумента выступили первый секретарь горкома КПСС Д. В. Романин, рабочий машиностроительного завода М. Г. Купцов, писатель А. П. Соболев, контр-адмирал Н. И. Шабликов, зам. секретаря комсомольской организации технического института Л. И. Морозова [6].

Вокруг этого памятника также разгорелись административные страсти. Инициатива

по его установке принадлежала горисполкому, который, очевидно, был обеспокоен многолетним присутствием фигуры умолчания — мраморного постамента без скульптуры — в самом центре города. Порядок предусматривал получение разрешения на сооружение монументов от Совета министров РСФСР, в данном же случае такое разрешение не запрашивалось. В связи с этим Министерство культуры РСФСР в феврале 1975 г. потребовало от облисполкома разъяснения причин нарушения установленного порядка; в ответном письме областные власти сообщали, что проект известного скульптора был одобрен художественным советом Калининградской областной организации Союза художников РСФСР, при этом подчеркивался тот факт, что постамент, на котором установили «Мать-Россию», пустовал (ошибочно указывалось, что с 1956 г.) [10, л. 41–43]. Любопытно, что памятник представлял собой единственный женский образ в монументальной галерее советского Калининграда, причем образ обобщенный. Это обстоятельство также позволяет говорить о континуитете между до- и послевоенными коммеморативными практиками, носившими подчеркнuto патриархатный характер.

В 1976 г. был разработан план монументальной пропаганды для областного центра. Его одобрила архитектурно-художественная секция градостроительного совета, затем управление культуры облисполкома. В план на 1977–1980 гг. был включен ряд гражданских памятников — В. И. Ленину (на Центральной площади), пионерам океанического лова (на набережной Преголи), Э. Тельману (в сквере на ул. Тельмана). Как секция, так и управление культуры признали нецелесообразным

Рис. 4. Монумент «Мать-Россия» в Калининграде, 2020 г.
Фото А. А. Матвеева

возведение памятников К. Либкнехту (на просп. Мира), Кирхгору (!) (на Центральном острове; имелся в виду кёнигсбергский физик Г. Р. Кирхгоф (1824–1887)), Н. А. Некрасову (на ул. Некрасова), Л. Н. Толстому (на углу просп. Калинина и ул. Дзержинского), Ф. Энгельсу (на ул. Энгельса), М. Горькому (на ул. Горького), А. П. Гайдари (на ул. Гайдара) [10, л. 136–137]. Мотивировки этого решения не приводилось.

В период позднего застоя наблюдалась осторожная смена «мемориальной риторики» — от чистой идеологичности и доминирования военных мемориалов к коммеморации трудовых подвигов калининградцев: в 1978 г. появился памятный знак рыбакам — пионерам океанического лова (скульптор И. М. Гершбург), в 1980 г. — памятник, посвященный землякам-космонавтам — А. А. Леонову, В. И. Пацаеву и Ю. В. Романенко (скульптор Б. В. Едунов) (рис. 5). Советские лидеры, пережившие Сталина, уже никогда не удостоивались чести быть увековеченными в городском пространстве. Единственным представителем идеологизированной скульптуры начала 1980-х гг. стал бюст Павлика Морозова на одноименной улице (1981, скульптор М. С. Постнова).

Особенностью советской монументальной скульптуры гражданского характера было бесспорное доминирование образов политических деятелей советского време-

ни при отсутствии памятников российским правителям дореволюционной эпохи (такие памятники появились в постсоветский период — от Александра Невского до Петра I¹). Перестройка и последовавший за ней крах социализма сорвали ряд новых проектов. Так, по воспоминаниям председателя горисполкома В. В. Денисова, после сооружения Дома Советов на Центральной площади предполагалось водрузить скульптурную группу — представителей сельского и городского пролетариата, беседующих с В. И. Лениным [19, с. 269]. 5 августа 1977 г. по просьбе Калининградского обкома КПСС и облисполкома ЦК КПСС Совет министров СССР принял постановление о сооружении памятника В. И. Ленину в Калининграде, на вновь создаваемой центральной площади города [36, с. 19]. Авторами были назначены московские специалисты — скульптор Н. А. Лавинский и архитектор М. Ф. Марковский, однако они приступили к работе лишь в 1979 г., и то только на словах [11, л. 23–24]. Несмотря на обеспокоенность городских и областных властей, проект так и не был реализован, а после 1991 г. эти планы и вовсе сошли на нет.

Мягкая «германизация» по-советски.

Между тем наряду с монументами в честь партийных руководителей в городском пространстве сохранялись и появлялись памятники немцам. Так, в начале 1960-х гг. Калининград получил памятник основоположнику марксизма. Бюст **Карла Маркса** (1818–1883, скульптор Б. В. Едунов) был установлен 24 апреля 1961 г. на одноименной улице (рис. 6). Митинг по этому поводу открыл первый секретарь Центрального райкома КПСС Т. С. Заика, затем выступили гости — большевик с 1919 г. С. З. Господарев, секретарь райкома ВЛКСМ Ю. Н. Кувакин, рабочий В. Л. Швеци и завкафедрой пединститута

Рис. 5. Памятный знак землякам-космонавтам в Калининграде, 2020 г. Фото А. А. Матвеева

¹ Правда, областной отдел культуры включил установку мемориальной доски на месте пребывания Петра I в Кёнигсберге в план на 1951 г. [31, с. 37].

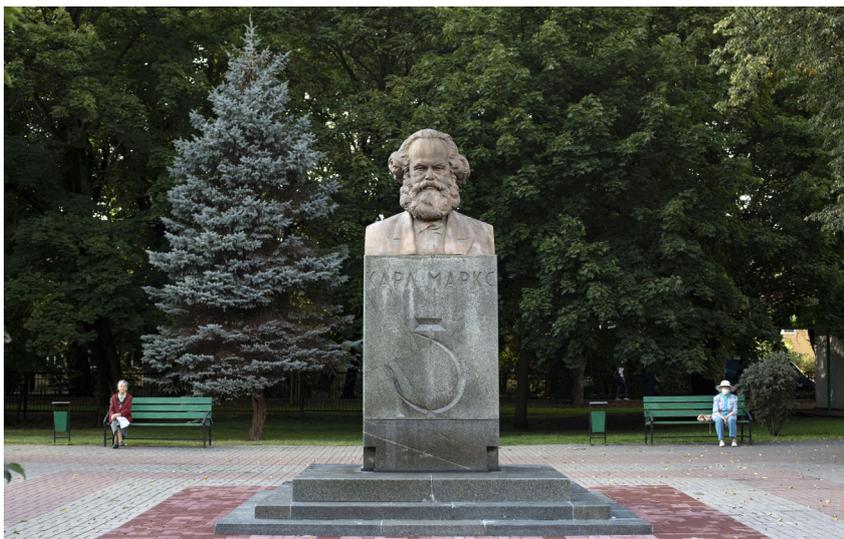

Рис. 6. Памятник Карлу Марксу в Калининграде, 2020 г.
Фото А. А. Матвеева

И. С. Горичев [41, с. 221–222]. В отличие от монументальных фигур советских вождей бюст Маркса выглядел заметно более скромным, и уровень представительства на митинге был всего лишь районным.

Маркс никогда не посещал Восточную Пруссию, и этот акт коммеморации подчеркивал *типичность* Калининграда как советского города. Однако атмосфера оттепели ввела партийное руководство Калининградской области в состояние, близкое к шизофреническому: необходимо было последовательно проводить одобренную ранее линию по «изгнанию прусского духа» и в то же время, принимая во внимание политические перемены, выстраивать нарратив о довоенном прошлом. П. Бродерзен назвал это «балансированием между узким и широким пониманием Калининграда» [49, S. 150], когда символы, достойные коммеморации, пытались найти не только в советской иконографии, но и в реалиях Кёнигсберга. Самой подходящей фигурой на эту роль оказался лидер немецких коммунистов и деятель международного рабочего движения Эрнст Тельман (1886–1944), который, как в 1967 г. написала областная газета, «никогда не умирал» и продолжал жить в сознании Калининграда как советского города [цит. по: 49, S. 150]. В 1956 г. на ул. Тельмана по решению обкома был установлен «декоративный бюст» Э. Тельмана (скульптор О. Н. Аврамченко), тогда же на него было оформлено

охранное обязательство [16, л. 31–31 об.] (рис. 7)¹. Бетонный бюст на постаменте из-под памятника Канту был сооружен по решению «руководителей Ленинградского района» без согласования с городским отделом архитектуры, за что в августе 1956 г. инициаторы установки подверглись критике со стороны бюро горкома КПСС [9, л. 157].

Тем не менее бюст просуществовал некоторое время. Советские коммеморативные практики предполагали вовлечение масс горожан в процесс актуализации памяти об исторических деятелях. Так, в октя-

бре 1969 г. сотрудники краеведческого музея и Калининградского городского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры организовали праздник — День улицы Э. Тельмана. В ходе торжественной линейки пионеры и комсомольцы рассказали об истории и международной дружбе. Зрителям был предложен «театрализованный монтаж», выступали пенсионеры, церемонию завершило возло-

Рис. 7. Бюст Тельмана в Калининграде, после 1956 г.
Государственный архив Калининградской области

¹ Партийная периодика свидетельствует и о других попытках найти опору в довоенной истории – в 1957 г. была высказана инициатива увековечить память о молодых немецких коммунистах Кёнигсберга, а также о немецких социал-демократах, против которых в 1904 г. шел судебный процесс по обвинению в содействии транспортировке ленинской «Искры» [49, S. 150].

жение венков и цветов к памятнику Тельману [13, л. 15]. Состояние памятника, вероятно, постепенно ухудшалось, потому что областное отделение ВООПИК запланировало на 1970–1972 гг. его реставрацию [14, л. 12].

Однако реставрация не потребовалась. 16 декабря 1974 г., отвечая на обращение местных властей, Совет министров РСФСР выпустил распоряжение о сооружении памятника Тельману; новым бюст, авторами которого стали скульптор Б. В. Едунов и архитектор М. Д. Насекин, был принят облисполкомом 9 декабря 1976 г. [12, л. 195]. Судьба творения О. Н. Аврамченко неизвестна. 3 января 1977 г. на улице Тельмана на новом постаменте был установлен новый памятник «мужественному коммунисту» [39], который стоит на этом месте по сей день (рис. 8). В воспоминаниях бывшего председателя горисполкома В. В. Денисова приведены слова секретаря обкома КПСС Н. С. Коновалова, который на встрече в Москве показывал руководителю ГДР В. Ульбрихту «специально изготовленный альбом со снимками этого памятника... Как будто... в Германии вообще не было памятника вождю ее пролетариата. Наш пример зарядил немецкую сторону поправить положение. Так ли это? Неизвестно» [19, с. 256]. В этом сюжете многое непонятно. Коновалов не мог демонстрировать Ульбрихту фотографии бюста, изготовленного Б. В. Едуновым, потому что первый

секретарь ЦК СЕПГ умер еще в 1973 г. Если речь шла о первом бюсте, то все равно трудно датировать этот разговор: в 1956–1961 гг. Коновалов был вторым секретарем обкома (с 1961 г. — первым секретарем), и маловероятно, чтобы такая встреча прошла в тот период. Кроме того, в ГДР было как минимум два памятника Тельману — в Веймаре (1958) и Штральзунде (1962). Как бы то ни было, такая легенда, возможно, отражает амбициозное стремление руководителей советского Калининграда оказаться на передовой в «боях за историю».

Советская традиция предполагала увековечение памяти не только о политических лидерах, но и о выдающихся деятелях культуры. Таких памятников в Кёнигсберге было заметно меньше, и они также оказались по большей части утрачены либо во время войны, либо после нее, как, например, памятник Иммануилу Канту (1724–1804; 1864). Обстоятельства этих потерь долгое время оставались неизвестными. Так, журналист «Известий» в 1960 г. сокрушался, что «фашисты отправили в тайники и немало ценностей, принадлежащих немецкому народу», в числе которых называлась «статуя, снятая с памятника Иммануилу Канту» [47]. Лишь после того, как в конце перестройки были сняты ограничения на приезд иностранцев в Калининград, выяснилось, что памятник был спрятан графиней Марион фон Дёнхофф (1909–2002), которая была противницей национал-социалистического режима. Найти скульптуру, к сожалению, никому не удалось.

Корреспондент центральной газеты несколько идеализировал ситуацию с памятниками, утверждая, что «советские люди с огромным уважением, с величайшей бережностью относятся к произведениям и памятникам немецкой культуры» [47].

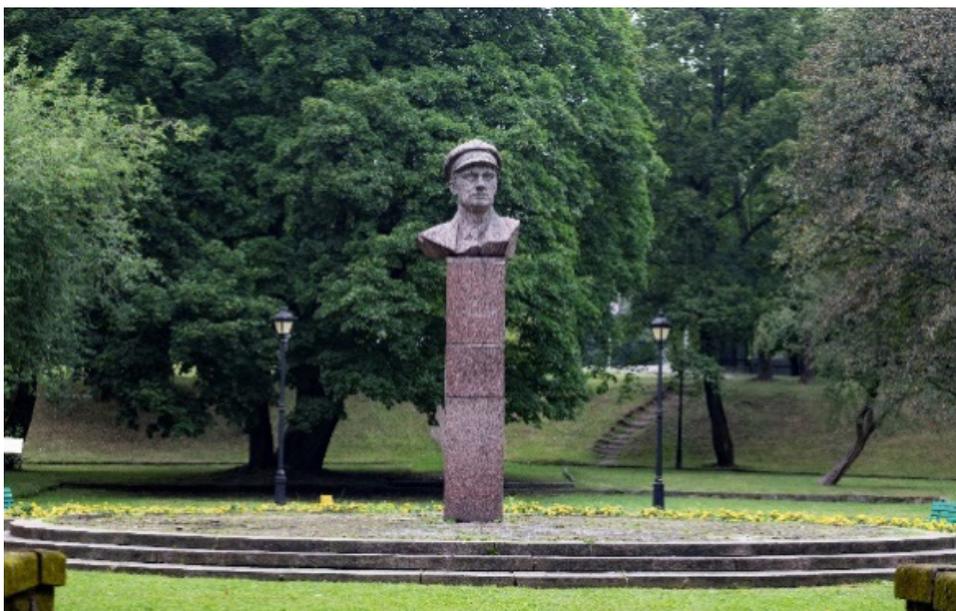

Рис. 8. Бюст Тельмана в Калининграде, 2020 г. Фото А. А. Матвеева

Если исчезновение памятника Канту действительно нельзя поставить в вину новым жителям, то пропажа обелиска, посвященного австрийскому композитору Францу Шуберту (1797–1828; 1928), все же произошла уже в послевоенный период. Одна из первых переселенок вспоминала, как наткнулась в 1948 г. на этот памятник в парке: «Стояли офицеры, спорили: композитору или нет? Позже в „Калининградском комсомольце“ написали, что это памятник не композитору, а какому-то местному меценату. И памятник исчез. А сейчас выяснилось, что он все-таки был композитору» [5, с. 165]. На конец 1950-х гг. «памятник-обелиск австрийскому композитору Шуберту Францу» стоял на учете как памятник архитектуры: охранное обязательство в 1957 г. закрепляло ответственность за его содержание за Центральным парком культуры и отдыха [18, л. 18]; объект наследия числился еще в 1961 г. [17, л. 13–14], но позднее был утрачен при невыясненных обстоятельствах.

Счастливыми исключениями стали два памятника литераторам. Этому, как доказывает Ю. В. Костяшов, способствовали перемены в политике по отношению к наследию в период оттепели. В списке охраняемых памятников 1955 г. наряду с археологическими объектами и воинскими захоронениями появилась новая категория — «памятники искусства». К ней наряду с монументом Сталину были отнесены могила Канта и два памятника писателям [31, с. 39–40]¹. Первый — гранитная статуя средневекового миннезингера Вальтера фон дер Фогельвейде (ум. после 1228; 1930), установленная на территории Кёнигсбергского зоопарка. После войны памятник оставался в зоопарке. В 1954 г. на него был составлен паспорт, наименование памятника при этом воспроизводилось в документах так: «Вальтер Фон Дер Фогельвейде /1170–1230/ выдающийся

поэт-Миннезингер (sic!)» [15, л. 24]. Составитель справки утверждал, что Фогельвейде — «выдающийся поэт средних веков». Он также намекал на то, что миннезингер был практически *народным* поэтом: «Происходил из бедной рыцарской семьи, жил дарами знатных покровителей» [15, л. 24–24 об.]. Памятник был обследован в 1953 г., состояние признано хорошим, охранное обязательство выписано на администрацию зоопарка. После мытарств по разным местам в городе в 2016 г. памятник Фогельвейде вернулся на территорию зоопарка.

Второй казус заслуживает особого внимания.

Шиллер: любовь без коварства. Как и в Кёнигсберге, в Калининграде деятели культуры удостоивались чести быть увековеченными во вторую очередь — после политиков. При этом памятники некоторым представителям отечественной культуры либо появились после 1991 г. (как, например, бюст А. С. Пушкина), либо не появились до сих пор (нет, скажем, памятников Ф. М. Достоевскому, Л. Н. Толстому или П. И. Чайковскому). Трудно объяснить мотивы, по которым власти оставались индифферентными по отношению к задаче наполнения мемориального ландшафта образами великих представителей русской культуры. Насколько позволяют судить источники, даже редкие решения, которые принимались на одном уровне, торпедировались на следующем. Так, около 1980 г. горисполком принял решение о переименовании улицы Каменной в улицу им. В. М. Шукшина с последующей установкой в сквере на пересечении с ул. С. Разина бюста писателя², однако облисполком это решение отменил [19, с. 37–40].

Как ни парадоксально, получилось, что мировая культура на протяжении всего советского периода была представлена единственным заметным в городском пространстве памятником — фигурой Фридриха Шиллера (1759–1805) (рис. 9). Бронзовая скульптура работы С. Кауэра была установлена перед городским театром в 1910 г., а затем, в 1936 г., перенесена в сквер напротив драматическо-

¹ После постановления облисполкома 22 октября 1956 г. областной бюджет стал выделять средства на реставрацию немецких памятников, включая три оставшиеся на тот момент скульптуры деятелей культуры — Фогельвейде, Шиллера и Шуберта [31, с. 41, 305]. В газетном материале, комментировавшем постановление, упоминались важнейшие памятники, в том числе Ленину, Сталину и «великому немецкому писателю Фридриху Шиллеру» [42].

² На этом месте в 2010 г. был установлен бюст польского композитора Ф. Шопена.

го театра [28, с. 174]. Следует отметить, что Шиллер считался вполне благонадежным автором в период «Третьего рейха»: в июле 1944 г., то есть, по сути, в канун прихода Красной армии на границы Восточной Пруссии, спектакль «Мария Стюарт» по трагедии Шиллера был поставлен Новым драматическим театром в рамках празднования 400-летия Кёнигсбергского университета [28, с. 313].

Памятник пострадал во время боевых действий — был изрешечен снарядами, что породило на рубеже 1940–1950-х гг. шутку о Шиллере: «...единственным непьющим горожанином является он, и то по той причине, что горло пробито насквозь» [19, с. 238] (ту же шутку вспоминали первые переселенцы [5, с. 165]). Со временем городские власти привели памятник в достойный вид, чему способствовало вышеупомянутое решение облисполкома 1956 г.

Шиллер с самого начала, по всей видимости, воспринимался властями как идеологически безупречный автор. Советские издания немецкого классика были доступны в библиотеках, его произведения входили в курс зарубежной литературы в пединституте (университете с 1967 г.), а драматические к тому же ставились на калининградской сцене. Первоначально Шиллер даже рассматривался как компромиссная фигура в процессе удовлетворения культурных потребностей немецкого населения, остававшегося после войны в области. Новость о том, что драмкружок клуба рабочих Неманского целлюлозно-бумажного комбината ставит «Коварство и любовь» Шиллера, была опубликована в октябре 1947 г. в газете «Новое время», издававшейся специально для немецкого населения Калининградской области [53, S. 2].

Рис. 9. Памятник Шиллеру в Калининграде, 2020 г.
Фото А. А. Матвеева

С начала 1950-х гг. постановки Шиллера шли и на сцене областного драматического театра: «Коварство и любовь» (реж. И.И. Прохонов, 1952), «Мария Стюарт» (Б.А. Свицунов, 1954; В.С. Подольский, 1974), «Дон Карлос» (Ю.А. Калантаров, 1979) [28, с. 349, 350, 355, 358].

Как упоминалось ранее, советские коммеморативные практики предполагали наряду с возведением статичных монументов организацию массовых мероприятий. Эта традиция, утраченная в постсоветский период, не обошла стороной и Шиллера. К 150-летию со дня его смерти, 8 мая 1955 г., был организован митинг. В газетном репортаже рассказывалось: «Рабочие, студенты, служащие и школьники — люди различных профессий и возрастов пришли сюда, чтобы почтить память великого поэта и драматурга» [38]. После возложения венков к подножию монумента звучали речи. В частности, Р.А. Закруткин, преподаватель пединститута, говорил о «свободолюбивых идеях» Шиллера, о его желании видеть родину свободной и независимой.

Накануне двухсотлетия поэта, 9 ноября 1959 г., у памятника также прошел митинг, «посвященный памяти гениального певца свободы и человеколюбия» [27]. Митинг открыл начальник областного управления

культуры М. С. Шумихин, далее выступили декан историко-филологического факультета пединститута П. В. Снесаревский, режиссер областного драмтеатра М. Д. Рахманов, студентка пединститута Л. Иссова. Речь Снесаревского не была лишена двусмысленности — он говорил о том, что при жизни Шиллера «величайшим бедствием германского народа была его разобщенность. Именно тогда устами своего героя Вильгельма Телля он воскликнул: „Один народ и воля в нем одна“. Как созвучны эти слова великого поэта лозунгу, который выдвинут сейчас правительством Германской Демократической Республики: „Немцы — за один стол!“» [27].

В подборке материалов к юбилею Шиллера публиковался и небольшой очерк, в котором излагалась популярная городская легенда: «В период штурма Кёнигсберга неизвестный советский солдат увидел памятник великому немецкому поэту. Статуя уже во многих местах была прострелена, повреждена осколками снарядов. Солдат торопился, у него не было времени, он продвигался вперед. А кругом шел бой, рвались снаряды, свистели пули. В этой обстановке для того, чтобы кто-нибудь в пылу боя не спутал Шиллера с кем-либо из фашистских вельможей, солдат взял мел и начертал на пьедестале русскими буквами: „Шиллер — памятник мировой культуры!“» [21] (о том же — [5, с. 165]). В некоторых изводах легенды подчеркивалось, что надпись сделал «неизвестный русский солдат» [35, с. 95]). Формулировка также различалась: в автобиографической повести Юрия Иванова (1973), посвященной событиям конца войны в Кёнигсберге, излагалась иная версия: «На памятнике Шиллеру уже кто-то написал белыми: „Не трогать. Свой!“, и майор сказал Валере, что эту надпись сделали его ребята-разведчики» [24, с. 3]. Есть и другие варианты этой городской легенды, которые касаются или формулировки надписи («Не стрелять!

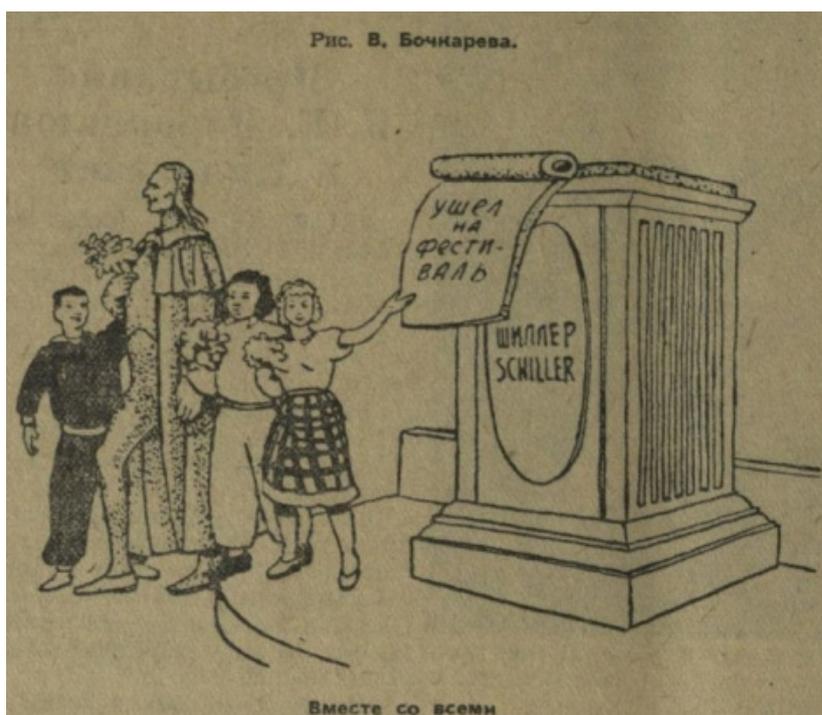

Рис. 10. В. Бочкарев. *Вместе со всеми.* Калининградская правда. 1957. 18 мая

Немецкий Пушкин»), или самого сюжета: советский офицер предотвратил уничтожение памятника, рассказав военным сюжет драмы Шиллера «Разбойники» [50, с. 63].

Как бы то ни было, значим сам факт настойчивого воспроизведения легенды в разных публикациях на протяжении десятилетий: в отличие от памятников советским вождям, чьи образы оставались для калининградцев далекими, памятник немцу Шиллеру воспринимался как близкий, примиряющий с немецким прошлым города, помогающий адаптироваться к сложному культурному ландшафту. П. Бродерзен подчеркивал значение Шиллера наряду с Кантом в иконографии Калининграда [49, S. 167–168], в его книге воспроизведена и карикатура, отражающая слегка фамильярное отношение калининградцев к любимому памятнику (рис. 10).

Тем не менее Шиллер был немцем, и авторы публикаций, в которых упоминался памятник, обычно обходили стороной вопрос о его довоенной истории и, например, об обстоятельствах установки. Исключение составил один из путеводителей для автотуристов (1981), где описание памятника Шиллеру сопровождалось изложением уже знакомой ле-

генды об «охранной грамоте» времен войны, а также указанием на то, что памятник был воздвигнут в 1910 г. «по инициативе благодарных почитателей поэта-гуманиста» [33, с. 84]. В остальном довоенная история памятника оставалась для калининградцев неизвестной, хотя возможность придать Шиллеру, как Фогельвейде, пролетарское происхождение была: считается, что скульптору позировал один из докеров Кёнигсбергского порта [28, с. 174].

Казус памятника Шиллера также очень важен для понимания того, как складывался и эволюционировал дискурс в отношении наследия в советский период. Немецкий классик стал компромиссной фигурой: для представителей интеллигенции, ориентированной на европейскую культуру, он был инструментом воспитания уважения к наследию, для партийных руководителей — средством продемонстрировать высокий культурный уровень советских людей. Непримируемые оппоненты в дискуссии о судьбе Кёнигсбергского замка, писатель В. П. Ерашов (1927–1999) и первый секретарь обкома партии Н. С. Коновалов (1907–1993), примерно одинаково высказывались о памятнике Шиллеру. Ерашов писал в «Литературной газете» в 1966 г.: «...мы бережно сохраняем на этой земле все, что связано с подлинной культурой немецкого народа. Государство охраняет могилу великого философа Иммануила Канта — в эти дни у саркофага в мавзолее из розового порфира лежат букеты весенних цветов. Цветы у подножия памятника Шиллеру, что возле драматического театра и областной библиотеки. <...> Многие улицы названы в честь выдающихся сынов немецкого народа — Маркса, Энгельса, Тельмана, Вагнера, Генделя, Шиллера, Канта...» [22, с. 3] (на самом деле улицы Канта на тот момент в городе не было).

В качестве контраргумента в заочной полемике с «западногерманскими реваншистами» тот же пример использовал годом позднее Н. С. Коновалов. В День Победы, 9 мая 1967 г., «Литературная газета» отвела целую полосу под критику выступлений печати ФРГ, утверждавшей, что Калининград представляет собой «мертвый город». Коновалов писал, обнаруживая осведомленность (свою

или спичрайтеров) относительно ключевых фигур мемориального ландшафта Кёнигсберга: «У нас нет памятников Бисмарку, Вильгельму или Гинденбургу. Но мы глубоко чтим истинно великих представителей немецкой нации. Лучшие улицы наших городов названы именами выдающихся сынов немецкого народа: Карла Маркса, Фридриха Энгельса, Эрнста Тельмана, Карла Либкнехта, Фридриха Шиллера, Рихарда Вагнера и других» [30]. Ряд фотоснимков, демонстрировавших процветание Янтарного края, включал изображения памятника Шиллеру (в редакционном комментарии вновь пересказывалась легенда о «неизвестном русском солдате») и могилы Канта. Почти дословное совпадение текстов Ерашова и Коновалова говорит или о дискурсивном консенсусе между ними, или о непритязательности партийных руководителей в подготовке их текстов. Впрочем, как доказывает Д. К. Бриджес, из партийной перспективы памятник служил двум взаимосвязанным целям — воспитательной (Шиллер интерпретировался как «прогрессивный немец», предтеча Маркса и Энгельса в борьбе против деспотизма) и пропагандистской (восстанавливая памятник, Советский Союз представал как «защитник мировой культуры» в глазах редких делегаций из соцстран) [48, р. 256–257]. В любом случае, однако, казус Шиллера (как и Канта) проблематизирует однозначную оценку советской политики памяти: в Калининграде оказалось возможным выстраивать нюансированный подход к коммеморации представителей чужой культуры в условиях отсутствия символов культуры собственной.

Вплоть до конца советского периода Шиллер оставался идеологически безупречной фигурой — его имя наряду с именем Канта стало «достоянием истории, а произведения вошли в сокровищницу мировой культуры» [45]. В канун перестройки калининградская интеллигенция, вдохновленная этим прецедентом, предприняла попытку инициировать установку памятников деятелям культуры, прежде всего довоенной. Калининградская писательская организация направила 11 февраля 1980 г. в облисполком и обком КПСС письмо по вопросам сохранения и ре-

ставрации памятников истории и культуры. В письме, подписанном председателем организации Ю. Н. Ивановым, выражалась обеспокоенность по поводу разрушения архитектурных памятников немецкого периода. Шла в документе речь и о городской скульптуре. В частности, на Центральном острове предлагалось установить хранящийся на заднем дворе зоопарка «монумент основателю европейской поэтики Вальтеру фон Фогельвейде, чье семисотпятидесятилетие со дня смерти (1230 г.) будет широко отмечаться в мире по линии ЮНЕСКО» (особо подчеркивался запрет творчества Фогельвейде «в фашистской Германии»; это утверждение, по всей видимости, было тактической уловкой). Также выражалось пожелание установить памятники кёнигсбергской художнице Кэте Кольвиц, И. Канту, К. Донелайтису, профессору университета Л. Резе, ученым К. Э. фон Бэру, Г. Л. Ф. Гельмгольцу, К. Г. Я. Якоби, Ф. В. Бесселю [8, л. 1–6]. Характерно, что писатели стремились в первую очередь увековечить память о деятелях культуры, чья жизнь была связана с Кёнигсбергом, при этом не звучали предложения по поводу российских ученых или литераторов (за исключением Бэра). Тогда реализовать эти замыслы не удалось. После 1991 г. был воссоздан памятник Канту (1992 г.)¹, памятник Резе установлен в 2005 г. Память о других деятелях культуры, упомянутых в письме писательской организации, увековечена иными способами.

Заключение. Проведенное исследование позволило автору сделать ряд выводов относительно особенностей советской политики памяти в Калининграде, которая в аспекте гражданской монументальной скульптуры ранее не была предметом специального внимания историков. Во-первых,

¹ Архивные документы, впрочем, позволяют утверждать, что городские власти еще в 1980 г. откликнулись на просьбу правления Философского общества СССР восстановить утраченный памятник Канту и что Б. В. Едунов даже изготовил модель этой скульптуры. Предполагалось разместить памятник «примерно на старом месте», в сквере на ул. Университетской. Этот акт, как писали секретарь горкома КПСС и председатель горисполкома в обком и облисполком, стал бы «убедительным свидетельством глубокого уважения советского народа к выдающемуся представителю мировой культуры» [7, л. 15]. Однако, по всей видимости, на областном уровне это решение было торпедировано, поэтому инициаторам пришлось ждать больше десяти лет.

в городе увековечивалась память практически только о тех деятелях, которые никак не были связаны ни с Кёнигсбергом, ни с Калининградом. Единственным исключением стал Э. Тельман, который все же посетил Кёнигсберг как минимум один раз: 6 апреля 1932 г. он выступал в Доме техники на митинге перед рабочими в рамках президентской кампании [56]². Остальные лица, независимо от национальной принадлежности, к городу отношения не имели.

Во-вторых, в российском городе не было ни одного монументального памятника деятелям отечественной культуры. Частично дефицит национальных символов в монументальной скульптуре в позднесоветский период восполнила парковая скульптура. В 1984 г. был создан парк скульптур как филиал историко-художественного музея [43]. Среди объектов, полученных музеем в 1983–1986 гг., были фигуры таких выдающихся соотечественников, как А. А. Блок (1980), Ю. А. Гагарин (1975), М. Горький (1984), Петр I (1983), П. И. Чайковский (1968), а также таких представителей европейской культуры, как Г. Ф. Гендель (1963), А. Мицкевич (1967), Ф. Шопен (1964). Несмотря на внешне случайный принцип подбора персонажей, больше половины из них хотя бы проездом бывали в Кёнигсберге или хотя бы в Восточной Пруссии (Блок, Горький, Мицкевич, Петр I, Чайковский). В этом отношении странная традиция увековечивать память о не связанных с регионом деятелях потеряла свою актуальность. Но важнее было другое — создание такого парка должно было, как выразился народный художник СССР С. П. Ткачев, компенсировать отсутствие «того национального исторического пласта, который есть в любом другом нашем городе» [цит. по: 44, с. 235]. Любопытно, что к этому выводу лица, принимавшие решения, пришли лишь в конце советского периода.

Третья особенность политики памяти — невротичная заикленность официоза на немецкой тематике. Казалось бы, «изгна-

² Мнение некоторых авторов, что Тельман «никогда не имел никаких связей с этим регионом» [54, р. 273], безосновательно. С другой стороны, в советское время утверждалось также, что Тельман выступал во время парламентских выборов 1928 г. перед рабочими завода Шихау в Кёнигсберге [20, с. 56], но найти подтверждение этому пока не удалось.

ние прусского духа» было бы эффективным в том случае, если бы советский ландшафт памяти акцентировал внимание на фигурах, которые противостояли германской традиции, начиная с пруссов. Однако для регионального пространства было характерно полное отсутствие коммеморативных практик, которые позволяли бы поддерживать память о предшественниках немцев на этой земле. С точки зрения советской идеологии пруссы были жертвами Тевтонского ордена, покорившего их в XIII в. Самым логичным было бы увековечить память о них в той или иной форме, чтобы подчеркнуть агрессивный характер германской цивилизации, однако, как отметил в недавней работе французский исследователь О. Рокпло, старопрусская идентичность не нашла своих агентов — ни в советский, ни в постсоветский период [55, р. 227]. Если немецкое культурное наследие получало хоть какую-то поддержку уже с начала 1950-х гг., а в постсоветский период масштабы этой поддержки возросли многократно, то пруссы остаются фигурой умолчания в мемориальном ландшафте (в отличие, например, от Клайпеды, где установлен памятник Геркусу Мантасу, вождю восстания пруссов против ордена). Столь же индифферентным советский дискурс оказался в отношении других жертв — евреев, история общины которых в Восточной Пруссии оставалась табуированной вплоть до 1990-х гг. Исключением могли стать восточнопруссские литовцы — в 1979 г. в пос. Чистые Пруды был открыт музей поэта К. Донелайтиса, что вполне отвечало установкам на продвижение единства советских республик и поддержку национальных культур. Однако в областном центре никаких значимых объектов, напоминающих о литовском присутствии в истории этой земли, до конца советской эпохи не появилось. Вместо аккуратной работы с тематикой многокультурности, или, на официальном языке, интернационализма, власти сами готовили реванш немецкой истории в сознании калининградцев.

Еще одна черта политики памяти в советском Калининграде заключалась в том, что все монументальные скульптуры либо относились к немецкому наследию, либо были установлены по решению властей. Несмотря

на то что в некоторых случаях власти ссылались на «наказы трудящихся», нет сомнений, что сооружение памятников строго контролировалось руководством. Даже малейшее нарушение этого порядка, как показал пример «Матери-России», вызывало раздражение в Москве. Только атмосфера перестройки, в которой пробудилась общественная инициатива и зародились неформальные движения, оказалась благоприятной для складывания новых культурных практик. В декабре 1988 г. прошло учредительное собрание Калининградского общества почитателей А. С. Пушкина, одной из своих задач провозгласившего установку памятника великому русскому поэту в одноименном сквере [29, с. 86]. Это событие произошло уже в 1993 г. Еще один парадокс: коммеморативная инициатива «благодарных почитателей поэта-гуманиста», которая была возможной в довоенном Кёнигсберге, не могла повториться в советском Калининграде, но была срифмована с аналогичной инициативой в раннем постсоветском Калининграде. Континуитет в истории немецкого города, ставшего российским, характерен не только для политических, но и для связанных с ними культурных практик.

Перспективы дальнейшего исследования темы связаны с расширением источниковой базы (путем введения документов советских и партийных органов в научный оборот, а также выявления дополнительных источников личного происхождения), благодаря чему можно будет уточнить понимание как обстоятельств проектирования и возведения монументов, так и характера изменений в их восприятии обществом. Эта тема заслуживает тщательного изучения, результаты которого существенно обогатят наши представления о советской политике памяти — о границах возможного в ней, о парадоксальной преемственности практик, о внутренней противоречивости и причудливой генеалогии современных подходов к культурному наследию в нашей стране.

Автор выражает признательность за содействие в подготовке статьи В. И. Егоровой, Ю. В. Костяшову, Е. С. Манюк, А. А. Матвееву, Я. Г. Шепелю.

Илья О. DEMENTEV

Cand. Sci. (General History), Assoc. Prof.,
 Institute for the Humanities,
 Immanuel Kant Baltic Federal University,
 Kaliningrad, Russian Federation,
idementev@kantiana.ru
ORCID: 0000-0001-5530-1108

***Soviet-Era Civic Monuments
 in the Cultural Landscape of Kaliningrad***

Abstract. The article explores the circumstances of the emergence of civic monuments and their role in the cultural landscape of Kaliningrad during the Soviet period (1946–1991). The research was carried out within the framework of memory studies and also used the traditional historical methods of a narrative research approach and comparative analysis. The source base of the article includes normative acts and administrative documents of the authorities, documents of non-governmental organisations, mass-media materials, and egodocuments. Monuments to German politicians remained in Königsberg after World War II, but most of them were destroyed in the first post-war years. The authorities considered the installation of monuments to Soviet politicians to be an important ideological task (Stalin, 1953, moved to another place in 1958, dismantled in 1962; Lenin, 1958; Kalinin, 1959). The article describes the circumstances of the construction of these monuments and other ones (“Mother Russia”, 1974). The former German city also commemorated the prominent figures in German history, above all those who belonged to the revolutionary tradition: the article describes the installation of the busts of Karl Marx (1961) and Ernst Thälmann (1956; 1977). Special attention is paid to the monument to Friedrich Schiller (1910), which became an important object in the urban landscape. The case of Schiller as of a “progressive German” allowed the Soviet authorities to elaborate a complex approach to the commemoration of figures of foreign cultures in the absence of similar symbols of Russian (Soviet) culture. For citizens, this monument became an important part of local iconography, facilitating the later rehabilitation of pre-war heritage. The author concludes that the history of the monumental civic sculpture of Soviet Kaliningrad reveals the paradoxical character of the Soviet politics of memory: figures unrelated to the city’s history were commemorated (except Thälmann); the only monument to a cultural figure was the statue of the German writer Schiller; the fight against German heritage was not effective enough because it did not offer an alternative commemoration (in relation to representatives of other ethnic cultures—Lithuanians or Old Prussians). It is also important that, during the Soviet era, the erection of monuments was the prerogative of the authorities, and, although public initiatives took place at the late stagnation period, the opportunities for their implementation arose only during Perestroika. The history of civic monumental sculpture in Kaliningrad allows us to expand our understanding of the contradictions of the Soviet politics of memory.

Keywords: politics of memory, monumental propaganda, cultural heritage, civic monuments, Kaliningrad, Soviet era.

Использованная литература:

1. Андрущенко Ю. Калининград // Калининград: лит.-худ. и общ.-полит. сб. Калининград: Издательство газеты «Калининградская правда», 1951. С. 163.
2. Аппарат ЦК КПСС и культура. 1953–1957: Документы. М.: РОССПЭН, 2001.
3. Ведин Ф. Город – будет! Рига: Латгосиздат, 1953.
4. Воробьев П. Околomorphic мое. Калининград: Книжное издательство, 1971.

References:

1. Andrushchenko, Yu. (1951) Kaliningrad. In: *Kaliningrad: lit.-khud. i obshch.-polit. sb.* [Kaliningrad: A Literary, Artistic, and Sociopolitical Collection]. Kaliningrad: Izdatel'stvo gazety “Kaliningradskaya pravda”. p. 163.
2. Afanas'eva, E.S. et al. (2001) *Apparat TsK KPSS i kul'tura. 1953–1957: Dokumenty* [Apparatus of the Central Committee of the CPSU and Culture. 1953–1957: Documents]. Moscow: ROSSPEN.

5. Восточная Пруссия глазами советских переселенцев. Первые годы Калининградской области в воспоминаниях и документах. СПб.: Бельведер, 2002.
6. Георгиева Г. Символ России родной // Калининградская правда. 1974. 5 ноября. С. 1.
7. Государственный архив Калининградской области. Ф. П-1. Оп. 76. Д. 159.
8. Государственный архив Калининградской области. Ф. П-1. Оп. 76. Д. 201.
9. Государственный архив Калининградской области. Ф. П-2. Оп. 12. Д. 3.
10. Государственный архив Калининградской области. Ф. Р-68. Оп. 1. Д. 534.
11. Государственный архив Калининградской области. Ф. Р-216. Оп. 2. Д. 418.
12. Государственный архив Калининградской области. Ф. Р-297. Оп. 11. Д. 527.
13. Государственный архив Калининградской области. Ф. Р-615. Оп. 1. Д. 20.
14. Государственный архив Калининградской области. Ф. Р-615. Оп. 1. Д. 25.
15. Государственный архив Калининградской области. Ф. Р-615. Оп. 2. Д. 4.
16. Государственный архив Калининградской области. Ф. Р-615. Оп. 2. Д. 5.
17. Государственный архив Калининградской области. Ф. Р-615. Оп. 2. Д. 18.
18. Государственный архив Калининградской области. Ф. Р-615. Оп. 2. Д. 20.
19. Денисов В. В. Калининград – судьба моя. Калининград: Книжное издательство, 2001.
20. Дмитриев В. Дело о янтарной комнате. Калининград: Книжное издательство, 1960.
21. Дмитриев В. Памятник // Калининградская правда. 1959. 10 ноября. С. 4.
22. Ерашов В. Мирная Балтика // Литературная газета. 1966. 26 мая. С. 1–3.
23. Закладка памятника М. И. Калинин // Калининградская правда. 1951. 8 апреля. С. 1.
24. Иванов Ю. В осажденном городе // Калининградский комсомолец. 1973. 14 декабря.
25. Иноземцев Н. Н. Фронтвой дневник. М.: Наука, 2005.
26. Каким будет Калининград // Калининградская правда. 1949. 30 апреля. С. 3.
27. Калининградцы чтят память великого поэта // Калининградская правда. 1959. 10 ноября. С. 4.
28. Кёнигсберг – Калининград: Ил. энцикл. справочник / под ред. А. С. Пржездомского. Калининград: Янтарный сказ, 2006.
29. Кичатов Ф. З. Кофейный портрет. Воспоминания об открытии памятника А. С. Пушкину в Калининграде // Калининградские архивы. Калининград: Издательство КГУ, 2004. Вып. 6. С. 86–102.
30. Коновалов Н. Молодой край советской России // Литературная газета. 1967. 9 мая. С. 13.
31. Костяшов Ю. В. Секретная история Калининградской области. Очерки 1945–1956 гг. Калининград: Terra Балтика, 2009.
32. Лавровский В., Барг М. Сделано немало, следует сделать больше // Калининградская правда. 1948. 18 августа. С. 3.
3. Vedin, F. (1953) *Gorod – budet!* [The City Will Be!]. Riga: Latgosizdat.
4. Vorob'ev, P. (1971) *Okolomor'e moe* [My Okolomorye]. Kaliningrad: Knizhnoe izdatel'stvo.
5. Gal'tsova, S.P. et al. (2002) *Vostochnaya Prussiya glazami sovetskikh pereselentsev. Pervye gody Kaliningradskoy oblasti v vospominaniyakh i dokumentakh* [East Prussia Through the Eyes of Soviet Immigrants. The First Years of Kaliningrad Oblast in Memoirs and Documents]. Saint Petersburg: Bel'veder.
6. Georgieva, G. (1974) *Simvol Rossii rodnoy* [The Symbol of Native Russia]. *Kaliningradskaya pravda*. 5 Nov. p. 1.
7. State Archive of Kaliningrad Oblast. Fund P-1. List 76. File 159.
8. State Archive of Kaliningrad Oblast. Fund P-1. List 76. File 201.
9. State Archive of Kaliningrad Oblast. Fund P-2. List 12. File 3.
10. State Archive of Kaliningrad Oblast. Fund R-68. List 1. File 534.
11. State Archive of Kaliningrad Oblast. Fund R-216. List 2. File 418.
12. State Archive of Kaliningrad Oblast. Fund R-297. List 11. File 527.
13. State Archive of Kaliningrad Oblast. Fund R-615. List 1. File 20.
14. State Archive of Kaliningrad Oblast. Fund R-615. List 1. File 25.
15. State Archive of Kaliningrad Oblast. Fund R-615. List 2. File 4.
16. State Archive of Kaliningrad Oblast. Fund R-615. List 2. File 5.
17. State Archive of Kaliningrad Oblast. Fund R-615. List 2. File 18.
18. State Archive of Kaliningrad Oblast. Fund R-615. List 2. File 20.
19. Denisov, V.V. (2001) *Kaliningrad – sud'ba moyaya* [Kaliningrad, My Destiny]. Kaliningrad: Knizhnoe izdatel'stvo.
20. Dmitriev, V. (1960) *Delo o yantarnoy komnate* [The Case of the Amber Room]. Kaliningrad: Knizhnoe izdatel'stvo.
21. Dmitriev, V. (1959) *Pamyatnik* [Monument]. *Kaliningradskaya pravda*. 10 Nov. p. 4.
22. Erashov, V. (1966) *Mirnaya Baltika* [The Peaceful Baltic Region]. *Literaturnaya gazeta*. 26 May. pp. 1–3.
23. *Kaliningradskaya pravda*. (1951) *Zakladka pamyatnika M.I. Kalininu* [The Laying of the Monument to M.I. Kalinin]. 8 April. p. 1.
24. Ivanov, Yu. (1973) *V osazhdennom gorode* [In the Besieged City]. *Kaliningradskiy komsomolets*. 14 December.
25. Inozemtsev, N.N. (2005) *Frontovoy dnevnik* [A Front Diary]. Moscow: Nauka.
26. *Kaliningradskaya pravda*. (1949) *Kakim budet Kaliningrad* [What Kaliningrad Will Be]. *Kaliningradskaya pravda*. 30 April. p. 3.
27. *Kaliningradskaya pravda*. (1959) *Kaliningradtsy chtyat pamyat' velikogo poeta* [Kaliningrad Residents Honor the Memory of the Great Poet]. *Kaliningradskaya pravda*. 10 November. p. 4.
28. Przhezdowskiy, A.S. (ed.) (2006) *Kenigsberg – Kaliningrad: Ill. entsikl. spravochnik* [Königsberg—

33. Лихачев Н. Г., Чекан Р. В. На автомобиле по Янтарному краю. Калининград: Книжное издательство, 1981.
34. «Мать-Россия» в центре Калининграда оказалась Сталиным. [Электронный ресурс] // BBC News (русская служба). URL: https://www.bbc.com/russian/society/2012/12/121221_kaliningrad_stalin_monument (дата обращения 15.08.2020).
35. Метельский Г. Янтарный берег. М.: Мысль, 1969.
36. Не сотвори себе кумира / сост. А. Б. Губин // Балтийский альманах / Калинингр. регион. обществ. фонд культуры; Калинингр. клуб краеведов. Калининград: б. м., 2006. № 6. С. 6–21.
37. Открытие в Калининграде памятника-монумента И. В. Сталину // Калининградская правда. 1953. 30 апреля. С. 1.
38. Памяти великого писателя // Калининградская правда. 1955. 10 мая. С. 4.
39. Памятник Э. Тельману // Калининградская правда. 1977. 4 января. С. 3.
40. Политика памяти в современной России и странах Восточной Европы. Актеры, институты, нарративы / под ред. А. И. Миллера, Д. В. Ефременко. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020.
41. Самая Западная: Сборник документов и материалов о становлении и развитии Калининградской области. 1952–1961 гг. Калининград: Книжное издательство, 1987.
42. Сохранять памятники архитектуры // Калининградская правда. 1959. 28 октября. С. 3.
43. Фостова С. А. Из истории организации Парка скульптур в 1981–1991 гг. (из фондов архива Калининградского областного историко-художественного музея) // Время музея. Калининград: Аксис, 2018. Вып. 1. С. 111–125.
44. Фостова С. А. Монументальная пропаганда в советском Калининграде: от войны памятников до мира // Студенческие Смольные чтения: Сб. тр. конф. / СПбГУ. СПб.: Астерион, 2020. С. 230–237.
45. Цуранов В. На память о памятниках // Калининградский комсомолец. 1976. 23 июня. С. 3.
46. Чебуркин Н. Конный памятник // Балтийский альманах / Калинингр. регион. обществ. фонд культуры; Калинингр. клуб краеведов. Калининград, 2004. Вып. 4. С. 10–12.
47. Шатров Е. Тайна «Янтарной комнаты» // Известия. 1960. 7 сентября. С. 4.
48. Bridges D. K. In Moscow's image? Creating Soviet state and society in Kaliningrad province, 1945–1970: Diss. / University of Virginia. 2008.
49. Brodersen P. Die Stadt im Westen. Wie Königsberg Kaliningrad wurde. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2008.
50. Elbląg, Kaliningrad – ponad granicami. Эльблонг, Калининград – вне границ: Ист. путеводитель / Музей «Фридландские ворота» (Калининград), Muzeum Archeologiczno-Historyczne (Elbląg). Б. м., б. г.
51. Hoppe V. Auf den Trümmern von Königsberg. Kaliningrad 1946–1970. München: R. Oldenbourg, 2000.
52. Mühlpfordt H. M. Königsberger Skulpturen und ihre Meister 1255–1945. Würzburg: Holzner Verlag, 1970.
- Kaliningrad: An Illustrated Encyclopedic Reference Book]. Калининград: Yantarnyy skaz.
29. Kichatov, F.Z. (2004) Kofeynyy portret. Vospominaniya ob otkrytii pamyatnika A.S. Pushkinu v Kaliningrade [A Coffee Portrait. Memories of the Opening of the Monument to A.S. Pushkin in Kaliningrad]. In: Kostyashov, Yu.V. et al. (eds) *Kaliningradskie arkhivy* [Kaliningrad Archives]. Vol. 6. Калининград: Калининград State University. pp. 86–102.
30. Konovalov, N. (1967) Molodoy kray sovetskoy Rossii [A Young Region of Soviet Russia]. *Literaturnaya gazeta*. 9 May. p. 13.
31. Kostyashov, Yu.V. (2009) *Sekret'naya istoriya Kaliningradskoy oblasti. Ocherki 1945–1956 gg.* [The Secret History of Kaliningrad Obast. Essays of 1945–1956]. Калининград: Terra Baltika.
32. Lavrovskiy, V. & Barg, M. (1948) Sdelano nemalo, sleduet sdelat' bol'she [Much Has Been Done, More Needs to Be Done]. *Kaliningradskaya pravda*. 18 August. p. 3.
33. Likhachev, N.G. & Chekan, R.V. (1981) *Na avtomobile po yantarnomu krayu* [Around the Amber Land by Car]. Калининград: Knizhnoe izdatel'stvo.
34. BBC. (2012) "Mat'-Rossiya" v tsentre Kaliningrada okazalas' Stalinyim [Mother Russia in the Center of Kaliningrad Turned Out to Be Stalin]. 21 December. [Online] Available from: https://www.bbc.com/russian/society/2012/12/121221_kaliningrad_stalin_monument. (Accessed 15.08.2020).
35. Metel'skiy, G. (1969) *Yantarnyy bereg* [The Amber Shore]. Moscow: Mysl'.
36. Gubin, A.B. (2006) Ne sotvori sebe kumira [Do Not Make an Idol for Yourself]. In: *Baltiyskiy al'manakh* [Baltic Almanac]. Vol. 6. Калининград: [s.n.]. pp. 6–21.
37. *Kaliningradskaya pravda*. (1953) Otkrytie v Kaliningrade pamyatnika-monumenta I.V. Stalinu [The Opening of the Monument to I.V. Stalin in Kaliningrad]. 30 April. p. 1.
38. *Kaliningradskaya pravda*. (1955) Pamyati velikogo pisatelya [In Memory of the Great Writer]. 10 May. p. 4.
39. *Kaliningradskaya pravda*. (1977) Pamyatni, E. Tel'manu [Monument to E. Telman]. 4 January. p. 3.
40. Miller, A.I. & Efremenko, D.V. (eds) (2020) *Politika pamyati v sovremennoy Rossii i stranakh Vostochnoy Evropy. Aktory, instituty, narrativy* [The Politics of Memory in Modern Russia and in the Countries of Eastern Europe. Actors, Institutions, Narratives]. Saint Petersburg: European University at Saint Petersburg.
41. Klimova, A.I. et al. (1987) *Samaya Zapadnaya: Sbornik dokumentov i materialov o stanovlenii i razviti Kaliningradskoy oblasti. 1952–1961 gg.* [The Most Western: A Collection of Documents and Materials on the Establishment and Development of Kaliningrad Oblast. 1952–1961]. Калининград: Knizhnoe izdatel'stv.
42. *Kaliningradskaya pravda*. (1955) Sokhranyat' pamyatniki arkhitektury [To Preserve Architectural Monuments]. 28 October. p. 3.
43. Fostova, S.A. (2018) The Excerpts on the History of Setting up the "Sculpture Park" in 1981–1991 (Based on the Archive Funds of the Regional Museum of History and Art). In: Teten'kina, T.G. (ed.) *Vremya muzeya* [Vremya Muzeya. A Collection of Articles]. Vol. 1. Калининград: Aksios. pp. 111–125. (In Russian).

53. Neue Zeit. Zeitung für die deutsche Bevölkerung des Kaliningrader Gebietes. 1947. 12 Oktober. № 2.
54. Oldberg I. The Emergence of a Regional Identity in the Kaliningrad Oblast // *Cooperation and Conflict*. 2000. Vol. 35, № 3. P. 269–288.
55. Roqueplo O. La Russie et son miroir d'Extrême-Occident: l'identité géopolitique de la Russie ultra-périphérique sous le prisme de l'Oblast' de Kaliningrad. Etude géographique et géopolitique: Thèse. Paris: INALCO, 2017.
56. Thälmanns Kampfruf an der Ostgrenze // *Die rote Fahne*. 1932. 7 April. S. 2.
44. Fostova, S.A. (2020) [Monumental Propaganda in Soviet Kaliningrad: From War of Monuments to Peace]. *Studencheskie Smol'nye chteniya* [Student Smolny Readings]. Proceedings of the International Conference. Saint Petersburg. 17–19 April 2020. Saint Petersburg: Asterion. pp. 230–237. (In Russian).
45. Tsuranov, V. (1976) Na pamyat' o pamyatnikakh [In Memory of the Monuments]. *Kaliningradskiy komsomolets*. 23 June. p. 3.
46. Cheburkin, N. (2004) Konnyy pamyatnik [Equestrian Monument]. In: *Baltiyskiy al'manakh* [Baltic Almanac]. Vol. 4. Kaliningrad: [s.n.]. pp. 10–12.
47. Shatrov, E. (1960) Tayna "Yantarnoy komnaty" [The Mystery of the "Amber Room"]. *Izvestiya*. 7 September. p. 4.
48. Bridges, D.K. (2008) *In Moscow's Image? Creating Soviet State and Society in Kaliningrad Province, 1945–1970*. PhD Thesis. University of Virginia. Charlottesville, VA
49. Brodersen, P. (2008) *Die Stadt im Westen. Wie Königsberg Kaliningrad wurde* [The City in the West. How Königsberg Became Kaliningrad]. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
50. Rynkiewicz-Domino, W., Martyniuk, A. & Wiertiaszkina, A. (n.d.) *Elbląg, Kaliningrad: ponad granicami. Przewodnik historyczny. El'blong, Kaliningrad – vne granits: Ist. putevoditel'* [Elblag, Kaliningrad: Over the Borders: A Historical Guide]. Muzeum Archeologiczno-Historyczne (Elblag); Friedland Gate Museum (Kaliningrad). S.l.: [s.n.].
51. Hoppe, B. (2000) *Aufden Trümmern von Königsberg. Kaliningrad 1946–1970* [On the Ruins of Königsberg. Kaliningrad, 1946–1970]. München: R. Oldenbourg.
52. Mühlpfordt, H.M. (1970) *Königsberger Skulpturen und ihre Meister 1255–1945* [Königsberg Sculptures and Their Creators, 1255–1945]. Würzburg: Holzner Verlag.
53. Neue Zeit. Zeitung für die deutsche Bevölkerung des Kaliningrader Gebietes. (1947) 12 October. 2.
54. Oldberg, I. (2000) The Emergence of a Regional Identity in the Kaliningrad Oblast. *Cooperation and Conflict*. 35 (3). pp. 269–288. DOI: 10.1177/00108360021962101
55. Roqueplo, O. (2017) *La Russie et son miroir d'Extrême-Occident: l'identité géopolitique de la Russie ultra-périphérique sous le prisme de l'Oblast' de Kaliningrad. Etude géographique et géopolitique* [Russia and Its Mirror of the Far West: The Geopolitical Identity of Ultra-Peripheral Russia Through the Prism of Kaliningrad Oblast. A Geographical and Geopolitical Study]. Thèse. Paris: INALCO.
56. *Die rote Fahne*. (1932) Thälmanns Kampfruf an der Ostgrenze [Thälmann's Battle Call at the Eastern Border]. 7 April. p. 2.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Дементьев, И. О. Советские гражданские памятники в культурном ландшафте Калининграда / И. О. Дементьев // *Наследие веков*. – 2020. – № 3 – С. 40–61. DOI: 10.36343/SB.2020.23.3.003

Full bibliographic reference to the article:

Dementev, I.O. (2020) Soviet-Era Civic Monuments in the Cultural Landscape of Kaliningrad. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 3. pp. 40–61. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2020.23.3.003

КОСТЯШОВ Юрий Владимирович
доктор исторических наук, профессор
Института гуманитарных наук Балтийского федерального
университета имени И. Канта,
Калининград, Российская Федерация
Yury V. KOSTYASHOV
Dr. Sci. (General History), Prof., Institute for the Humanities,
Immanuel Kant Baltic Federal University,
Kaliningrad, Russian Federation,
kostyashov@gmail.com
ORCID: 0000-0002-9732-0187

УДК 725.945.1(470.26-25)“1945/1991”+[93/94:159.953]-043.86 DOI: 10.36343/SB.2020.23.3.004
ГРНТИ 18.31.21
ВАК 24.00.01

Советские воинские монументы в Калининграде и эволюция исторической памяти (середина XX – начало XXI в.)¹

Soviet War Memorials in Kaliningrad and the Evolution of Historical Memory (Mid-20th – Early 21th Centuries)²

На основе изучения объектов военно-исторического наследия, архивных материалов, прессы анализируется эволюция исторической памяти о Второй мировой войне в советском Калининграде. Цель исследования – выявление содержания и региональной специфики военно-мемориального наследия советского времени. Прослежена трансформация облика мемориалов в память о героях и жертвах Великой Отечественной войны, рассмотрены нереализованные проекты и дискуссии о символическом содержании памятников, выявлены региональные особенности мемориализации событий военного времени. В рамках историко-культурологического подхода использовались сравнительный и типологический методы. Автор приходит к выводу, что военно-мемориальный ландшафт Калининграда формировался в русле общенационального исторического нарратива, но для культурно-исторической самоидентификации прибывших сюда переселенцев памятники воинской славы имели гораздо большее значение, чем в любом другом регионе страны.

Ключевые слова: историческая память, политика памяти, монументальная пропаганда, историко-культурное наследие, воинские мемориалы, Великая Отечественная война, Калининград, советский период.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Калининградской области в рамках научного проекта № 19-49-390003 «Историко-культурное наследие как туристско-рекреационный ресурс Калининградской области».

² The study is supported by the Russian Foundation for Basic Research and the Government of Kaliningrad Oblast, Project No. 19-49-390003.

В отечественной историографии неоднократно подчеркивалось, что воинские мемориалы играют исключительно важную роль в деле сохранения в исторической памяти народного подвига в годы последней войны [1] [3]. Эта роль закреплена в Федеральном законе 1995 г. «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.».

Проблематика монументальной памяти о войне довольно хорошо изучена на общероссийском материале [3] [18] [20], однако ее региональные аспекты исследованы лишь фрагментарно. Краткое описание воинских монументов Калининграда содержится в подготовленном областным Научно-производственным центром по охране, учету и реставрации памятников истории и культуры каталоге [16]. К сожалению, этот коллективный труд в основном фиксирует положение на начало 2010-х гг., не уделяя должного внимания истории формирования мемориального ландшафта Калининграда в советский период. Общие тенденции в процессах увековечения в бронзе и камне знаменитых сражений и событий войн разных эпох на территории Восточной Пруссии были изучены исследователями Г. В. Кретиным [14] и К. А. Пахалюком [17]; интересна обзорная статья С. А. Фостовой о главном городском монументе — «Памятнике 1200 гвардейцам» [23]. При этом собственно о калининградских памятниках, относящихся ко Второй мировой войне, обстоятельствах их появления, образном строе и символике сказано немного. Вне поля зрения исследователей до сих пор оставались и весьма интересные нереализованные проекты мемориалов, которые становились предметом широкой общественной дискуссии.

Цель настоящей статьи — определить этапы создания, выявить содержание и региональную специфику военно-мемориального наследия советского времени в Калининграде, бывшем Кёнигсберге, вошедшем в состав СССР в 1945 г. по решению Берлинской (Потсдамской) конференции вместе с северными районами германской провинции Восточная Пруссия. В данной работе впервые осуществлено научное осмысление общественных дискуссий относительно сооружения

воинских мемориалов на калининградской земле и расширены представления о советской культурной политике в сфере сохранения военно-мемориального наследия Великой Отечественной войны (на региональном материале).

Основой для исследования послужили как опубликованные подборки документов [11] [12], так и неизвестные ранее материалы из фондов Государственного архива Калининградской области [5] [6] [7] [8] [9]. Это, прежде всего, решения местных партийных и государственных органов (обкома партии, облисполкома, соответствующих городских властей). Помимо собственно постановлений об установке того или иного памятника они содержат многочисленные справочные материалы, обоснования, переписку с вышестоящими инстанциями (ЦК КПСС, Советами министров СССР и РСФСР, союзным и республиканскими министерствами культуры и др.). Интересные сведения о планах монументальной пропаганды, проведении открытых конкурсов и их результатах имеются в фондах областного управления культуры и архитектурно-планировочного управления Калининградского горисполкома. Среди общественных организаций большую роль в формировании мемориального ландшафта города играли региональные отделения Союза архитекторов и Союза художников. Наконец, нельзя не упомянуть ценный комплекс источников, связанный с деятельностью местного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, созданного в 1965 г. и вплоть до конца советского периода остававшегося главным институтом по учету воинских мемориалов и контролю за их состоянием.

В исследовании использовался историко-культурологический подход, при описании объектов военно-исторического наследия применялись сравнительный и типологический методы. Архивные документы подвергались источниковедческому анализу.

Сразу после войны понятие «памятник» использовалось лишь по отношению к могилам советских воинов, павших в сражениях за Восточную Пруссию. При этом большинство прежних монументов, воздвигнутых в честь

Рис. 1. Памятник Ф. Шиллеру в центре Кёнигсберга в окружении могил советских воинов, павших в боях за город. Май 1945 г. Неизвестный автор. Российский государственный архив кинофотодокументов

Рис. 2. Мемориальный ансамбль 1200 воинам 11-й Гвардейской армии, погибшим при штурме Кёнигсберга в апреле 1945 г. Автор фото А. А. Матвеев

прусских королей, германских императоров и других героев и деятелей культуры немецкого народа, были свергнуты с пьедесталов и отправлены на переплавку [14, с. 387–391].

Избежавших сноса памятников оказалось немного. Среди них памятник Фридриху Шиллеру в центре города. На фотографии, сделанной в мае 1945 г., он стоит в окружении могил погибших при штурме Кёнигсберга советских солдат, позже перенесенных в другое место (рис. 1). Этот снимок передает облик первых воинских памятников — скромных деревянных обелисков, которые устанавливались на месте гибели воинов или поблизости от полей сражений. На братских могилах сооружались более крупные кирпичные или бетонные обелиски либо стелы с красной звездой на вершине, на которых иногда размещались имена павших героев. Такие типичные для второй половины 1940-х гг. монументы изготавливались по инициативе военных властей с участием местного населения. Государство практически не участвовало в их финансировании [10, с. 134–136].

Однако мемориальный ландшафт города не ограничился скромными обелисками. Здесь, на земле бывшей Восточной Пруссии, в еще не переименованном Кёнигсберге, был возведен первый в СССР грандиозный мемориальный комплекс, посвященный Победе в Великой Отечественной войне и павшим героям.

Он расположился у братской могилы и получил в народе название «Памятник 1200 гвардейцам» (рис. 2). Своим появлением мемориал обязан инициативе командующего 11-й Гвардейской армией генерала К. Н. Галицкого. Памятник был построен за 108 дней и торжественно открыт 30 сентября 1945 г. О масштабах мемориала, созданного по проекту архитекторов И. Д. Мельчакова и С. С. Нанушьяна, свидетельствует тот факт, что на его сооружение пошло 20 тыс. кв. м гранитных плит и 14 т бронзы, было изго-

товлено 100 кв. м барельефов. Ведущий скульптор мемориала литовец Юозас Микенас вспоминал, что сооружение монумента началось, едва закончились бои: «...в горящем городе советский человек ставит памятник своему современнику, своему товарищу по оружию». Впрочем, сохранились свидетельства, что мемориал строили немецкие военнопленные [24, с. 233].

В последующие годы в его облике произошли некоторые изменения. 9 мая 1960 г. перед центральным обелиском был зажжен Вечный огонь [15, с. 257] [25]. Одновременно, согласно вехам XX съезда КПСС, с обелиска был сбит барельеф И. В. Сталина с медали «За Победу над Германией», а вместо него выгравирован реверс этой же медали без портрета вождя. Несколько лет назад к очередному юбилею войны, по инициативе ветеранов войны, первоначальное изображение советского диктатора было восстановлено [2, с. 229] [23, с. 68] [24, с. 234].

Статус памятников героям войны первоначально регулировался постановлением Совнарком СССР «О взятии воинских могил на учет и их благоустройстве» от 18 февраля 1946 г. Воениздатом был выпущен специальный альбом типовых проектов, что способствовало замене временных мемориалов на более долговечные [21, с. 58].

В октябре 1947 г. Калининградский облисполком принял первое постановление о благоустройстве захоронений воинов Красной армии, в котором предписывалось постепенно заменить сооруженные из подручных материалов памятники на постоянные — из гранита, мрамора или другого камня, с единообразным оформлением. В частности, утверждалась единая для всех надпись без упоминания о Кёнигсберге и Восточной Пруссии: «Вечная слава героям, павшим в боях за нашу советскую Родину» [6, л. 17–20].

Однако согласно актам проверки и отчетам военкоматов в 1950-е гг. многие воинские кладбища на территории города «содержались в беспорядке», «могилы заросли бурьяном», «временные обелиски пришли в негодность», установка «фундаментальных памятников» продвигалась медленно. А в целом в области в 1951 г. находилось 727 необустроенных

братских могил и 2252 одиночных захоронения, состояние которых определялось как «запущенное» [13, с. 199–200]. В течение двух первых послевоенных десятилетий коммеморативные практики, связанные с воинскими мемориалами, ограничивались одним весьма скромным ритуалом: дважды в год — 23 февраля и 9 мая — представители трудовых коллективов организаций и предприятий, закрепленных за тем или иным памятником, возлагали к нему венки.

Ситуация изменилась в середине 1960-х гг., когда в общенациональном историческом нарративе все более значимое место стало отводиться Победе советского народа во Второй мировой войне. В это время начали внедряться новые ритуалы: военные парады в столице, республиканских и областных центрах; создание во всех городах памятников «Неизвестному солдату» и мемориалов «Вечный огонь»; траурные митинги, церемонии «Вахта памяти», «Минута молчания» и т.п. [4] [18, с. 117–118].

Эти новые вехи пришлось как нельзя кстати именно в Калининградской области. Здесь к общесоюзным датам добавились еще два «Дня памяти воинов»: 9 апреля — день завершения штурма Кёнигсберга и 6 ноября. Новый курс нашел выражение в создании в Калининграде и области большого числа военных памятников и мемориалов, посвященных Победе над фашизмом и памяти павших советских воинов. Наряду с традиционными обелисками, стелами, танками и артиллерийскими орудиями, по решению Калининградского горисполкома, в 1966 г. в связи с музеефикацией памятных мест сражений началась установка мемориальных досок на «Блиндаже Ляша» (где была принята капитуляция городского гарнизона) и знаменитых фортификационных сооружений Кёнигсберга.

В это же время возобновилась дискуссия о необходимости возведения в Калининграде нового главного воинского монумента. Среди интеллигенции многие ратовали за то, чтобы в качестве памятника Победы в войне с немецким фашизмом сохранить величественные руины Королевского замка в центре города. Это предложение нашло поддержку в Москве. Специалисты Министерства культуры СССР

заклучили, что в сохранившихся помещениях западной части замка можно разместить музей воинской славы, а во внутреннем дворе «может быть воздвигнут монументальный памятник героям штурма, выразительным фоном для которого будут служить законсервированные руины северного крыла» [7, л. 12–16]. Идею с энтузиазмом поддержала «Литературная газета», опубликовав совместное письмо деятелей культуры и героев штурма Кёнигсберга [22, с. 2].

Однако категорически против были региональные власти. В качестве контрпредложения в сентябре 1963 г. был проведен открытый конкурс на создание монумента «В честь воинского и трудового подвига калининградцев, основавших на месте руин новый социалистический город Калининград». В качестве площадки для размещения была выбрана центральная городская площадь Победы, которая освободилась после сноса статуи Сталина. При этом проектировщики должны были использовать опустевший гранитный постамент [11, с. 139–140]. Через год конкурс был проведен повторно, на этот раз совмещение двух тем — труда и ратного подвига — было признано нецелесообразным, а все еще пустующий постамент должен был занять памятник в честь героев Великой Отечественной войны. По итогам конкурса жюри раздало все положенные премии, но подходящего проекта так и не появилось. Показательно, что разочарованными оказались и посетители выставки конкурсных проектов, которые в книге отзывов предложили обратиться к скульптору Е. В. Вучетичу и установить в Калининграде копию его знаменитой композиции «Перекуем мечи на орала» [9, л. 12–12 об., 15]. Такой безудержный пацифизм не нашел отклика у городских властей.

Вновь к замыслу о создании грандиозного памятника Победы вернулись в годовщину 50-летия Октябрьской революции. Местные власти обратились в вышестоящие инстанции с предложением создать на Центральном острове (ныне остров Канта), образованном двумя рукавами реки Преголи, «мемориальный парк-памятник», который бы увековечил память о 20 тысячах красноармейцев, погибших во время штурма Кёнигсберга, и достойно

представлял западный форпост России в глазах экскурсантов из разных уголков страны (как раз в это время Калининград был включен во всесоюзные туристические маршруты по местам боевой славы). Авторы обращения отмечали, что в боях за Восточную Пруссию сражались девять общевойсковых и воздушных армий, а также Балтийский флот, тогда как считавшийся главным «Памятник 1200 гвардейцам» прославлял только подвиг 11-й Гвардейской армии.

Для разработки проекта мемориального комплекса планировалось организовать открытый конкурс. Строительство нового объекта потребовало бы радикальной перекройки городского центра. В мемориальный парк предполагалось перенести прах четырех тысяч солдат из 34 братских могил в черте города. Одновременно расположенный на острове Кафедральный собор XIV в., пострадавший в годы войны, подлежал сносу, а находящаяся у его стен усыпальница И. Канта — переносу в другое место. Однако реакция общественности, выступившей в защиту Собора и могилы великого философа, и отрицательные отзывы московских специалистов вынудили местные власти отказаться от этой затеи. Заодно было отозвано отправленное уже в правительство ходатайство о лишении Кафедрального собора статуса памятника республиканского значения [12, с. 84–85].

Идея создания грандиозного воинского мемориала на Преголе вскоре вновь оказалась в повестке дня. Присутствовавшие 9 мая 1969 г. на военном параде на Красной площади участники Восточно-Прусской операции 1945 г. и военачальники направили министру обороны А. А. Гречко письмо с просьбой поддержать идею сооружения в Калининграде музея-панорамы, который должен был запечатлеть разгром Красной армией немецко-фашистских войск в Кёнигсберге. По мнению авторов обращения, строительство военно-патриотического комплекса стало бы «ударом по неонацистам и реваншистам» и «актом мирового значения». Особенно важно это было сделать в то время, когда «западногерманские и западноберлинские потомки тевтонов, недобитые гитлеровцы мечтают о реванше, о пересмотре границ по Одере и Нейсе, о возвра-

Рис. 3. Памятник морякам-балтийцам на Московском проспекте (1978, скульптор В. В. Моргунов). Автор фото А. А. Матвеев

те Восточной Пруссии» [11, с. 144]. Первыми обращение подписали маршалы СССР И. Х. Баграмян, А. М. Василевский, Н. И. Крылов, маршал артиллерии М. Н. Чистяков, главный маршал авиации А. А. Новиков, генералы армии В. В. Курасов, К. Н. Галицкий, А. П. Белобородов (всего 45 подписей).

Инициатива ветеранов была одобрена руководством Министерства обороны СССР и поддержана первым секретарем Калининградского обкома КПСС Н. С. Коноваловым. Однако реализовать на практике это предложение не удалось. Дело в том, что в 1960-е гг. в СССР был построен целый ряд величественных мемориалов в память о героях и жертвах прошедшей войны: некрополь на Пискаревском кладбище в Ленинграде (1960), памятник-ансамбль «Героям Сталинградской битвы» в Волгограде (1967), мемориальный комплекс Хатынь (1969), началось строительство масштабного музея-заповедника в память о защитниках Брестской крепости. Собственными величественными мемориалами

мечтали обзавестись все столицы автономных республик и областные центры [21, с. 59–60]. В конце концов, 24 июня 1966 г. ЦК КПСС и Совет министров СССР приняли постановление «О порядке проектирования и сооружения памятников и монументов», в котором устанавливалось, что строительство памятников, требующих больших материальных затрат, осуществляется только по решению правительства и ЦК КПСС [19]. Таким образом, калининградским просителям в Москве дали понять, что выдвинутая идея очень затратная и, по меньшей мере, несвоевременная.

Между тем насыщение Калининграда монументами воинской славы в 1970–1980-е гг. продолжалось. Поскольку «Обелиск 1200 гвардейцам» так и не смог стать общим мемориалом для воинов всех родов Вооруженных Сил СССР, принявших участие в боях на территории Восточной Пруссии и в штурме Кёнигсберга в апреле 1945 г., в городе стали возводиться отдельные памятники, посвященные ратному подвигу моряков Балтийско-

Рис. 4. Памятный знак воинам-танкистам (1980, архитекторы С. Мирошниченко, В. Якутин).
Автор фото А. А. Матвеев

го флота (рис. 3), летчиков, танкистов (рис. 4), связистов, разведчиков, бойцов спецподразделений, сотрудников военной прокуратуры и т.д. [16, с. 111–138, 146–149].

Интересно, что почти не сохранилось свидетельств о предпринимавшихся инициативах каким-то образом увековечить память о других военных событиях с участием русской армии, хотя история Восточной Пруссии была богата знаменитыми битвами разных эпох. Пожалуй, единственным исключением стала инициатива калининградских писателей, которые в 1980 г. предложили создать мемориал в честь 32 тысяч русских солдат, павших на полях сражений в самой восточной германской провинции в ходе Восточно-Прусской операции 1914 г. Идея состояла в том, чтобы в центре Калининграда соорудить Пантеон героев и перенести туда останки своих погибших соотечественников со всей области. По-

нятно, что эта инициатива не встретила понимания у местных властей. В то время война 1914–1918 гг. не вписывалась в официальный идеологический дискурс (не случайно ее называли «забытой войной»). Вплоть до начала 1990-х гг. за захоронения русских воинов времен Первой мировой войны ухаживали только отдельные добровольцы, энтузиасты-краеведы без всякой поддержки со стороны государства [17].

В годы перестройки местное отделение Фонда культуры при поддержке общественности и СМИ выступило с инициативой кардинально реконструировать «Памятник 1200 гвардейцам», построив рядом мемориальный комплекс воинам всех советских армий, штурмовавших и взявших город-крепость Кёнигсберг», а также создать на месте снесенного Королевского замка «Галереи боевой славы русского, советского оружия» [8, л. 2–7]. Кроме

того, предлагалось обновить или установить новые памятники выдающимся русским и советским полководцам, в том числе М. И. Кутузову, А. В. Суворову, маршалу А. М. Василевскому, генералу Д. М. Карбышеву и др. В 1989 г. был даже учрежден специальный общественный комитет, который ставил своей целью увековечение памяти о легендарном командире подводной лодки А. И. Маринеско, чьи «исключительные заслуги перед Родиной до сих пор не были оценены по достоинству» [5, л. 280–281].

По большинству из полутора десятков проектов дело не пошло дальше закладки памятного камня, и лишь несколько было реализовано в постсоветский период. В 2000 г. был установлен гранитный памятник А. М. Василевскому на одноименной площади (скульптор В. А. Дронов), а спустя год на набережной Нижнего пруда был открыт бронзовый памятник А. И. Маринеско (скульптор Ф. А. Мороз). Что касается идеи о создании в Калининграде главного памятника Победе в Великой Отечественной войне, она отчасти воплотилась в жизнь в 2005 г., когда на площади Победы была установлена 26-метровая Триумфальная колонна с изображением Ордена Победы на вершине.

В заключение следует подчеркнуть, что военно-мемориальное наследие советского Калининграда формировалось в русле общенационального исторического нарратива, в котором с годами всё более значимое место стало отводиться Победе советского народа в Великой Отечественной войне. Проводимая в связи с этим политика памяти, формирование мемориального ландшафта и соответствующие коммеморативные практики нашли горячий отклик именно на калининградской земле.

Начальный этап формирования мемориального ландшафта города пришелся на первое послевоенное десятилетие. В этот период большинство памятников — в виде простых стел и обелисков из дерева или кирпича с красной звездой на вершине — устанавливалось на местах захоронений советских воинов. Единственным исключением стал величественный «Монумент 1200 гвардейцам», возведенный еще в 1945 г. по инициа-

тиве командования 11-й Гвардейской армии. Второй этап приходится на годы хрущевской оттепели, когда временные памятники были заменены на более долговечные, изготовленные, как правило, из бетона по стандартным проектам. Третий этап охватывает период со второй половины 1960-х гг. до перестройки. В это время Победа советского народа во Второй мировой войне стала занимать всё более значимое место в общенациональном историческом нарративе. Новый курс стимулировал создание в Калининграде большого числа новых мемориалов, посвященных подвигу воинов различных родов войск. Одновременно началась дискуссия о создании в центре Калининграда главного военного мемориала — «Пантеона героев». Городские власти неоднократно проводили открытые конкурсы на создание проекта такого памятника, но эта идея до начала 1990-х годов не была реализована из-за нехватки финансовых средств.

Всего на территории города на сегодняшний день находятся 44 воинских мемориала и памятных знака, посвященных подвигу советских солдат [16] — больше, чем в любом другом городе России и всего бывшего Советского Союза (относительно площади и численности населения). Бои Красной армии за Восточную Пруссию и штурм Кёнигсберга советскими солдатами в 1945 г. стали рассматриваться не просто как ключевые события в истории региона, но и были положены в основу «учредительного мифа» новой советской области. 1945 год стал трактоваться как «место памяти» (в терминах Пьера Нора). Советские воинские мемориалы в Калининграде и сегодня выступают инструментом патриотического воспитания на боевых традициях старших поколений.

Вклад автора в изучение заявленной в заглавии темы состоит, прежде всего, в том, что история создания воинских монументов рассмотрена в контексте общественных дискуссий по поводу их характера и символики. Кроме того, выявлена региональная специфика монументальной пропаганды. Исследование показывает, что военно-мемориальное наследие советского Калининграда способствует культурно-исторической самоидентификации

жителей единственного российского эксклава, являясь одним из важнейших компонентов калининградской идентичности. Перспектива дальнейших исследований может быть связана с проведением сравнительного анализа

политики памяти и процесса мемориализации событий Второй мировой войны в изучаемый период как во «внутренних» регионах РСФСР, так и в соседних с Калининградом бывших прибалтийских республиках.

Yury V. KOSTYASHOV

Dr. Sci. (General History), Prof., Institute for the Humanities,
Immanuel Kant Baltic Federal University,
Kaliningrad, Russian Federation,
kostyashov@gmail.com
ORCID: 0000-0002-9732-0187

Soviet War Memorials in Kaliningrad and the Evolution of Historical Memory (Mid-20th – Early 21st Centuries)

Abstract. War memorials are important for preserving the historical memory of the people's feat during the Great Patriotic War. The territory of Kaliningrad Oblast (formerly East Prussia) was a zone of bloody battles in 1945. Currently, there are 44 memorials to Soviet heroes and victims of the war in Kaliningrad; they have not been studied systematically. The article aims to trace the history of the creation of the war memorial heritage of the Soviet era in Kaliningrad and to identify its content and regional specifics. The research is based on published and archival documents of the State Archive of Kaliningrad Oblast: decisions of the authorities, materials of public organizations, local newspapers. In the framework of the general historical and cultural approach, comparative and typological research methods were used in the research. The author characterizes the first monuments to the fallen Soviet soldiers that appeared immediately after the war, including the memorial ensemble dedicated to 1,200 soldiers of the 11th Guards Army who died during the storming of the city; considers issues related to the legal status of monuments in the post-war period; studies the changes in the politics of memory in the 1960s and its manifestations at the regional level (construction of new monuments, museification of memorial sites). He analyzes public discussions of the 1960s around the construction of the main war monument in Kaliningrad and describes its proposed projects. The author describes the initiative of a number of Soviet commanders to build a memorial panorama museum in Kaliningrad and reveals the reason for its failure. He studies the increase in the number of war memorials in the region in the 1970s and 1980s and notes that it coincides with the anniversary dates of Victory in the Great Patriotic War. He analyzes public initiatives to install monuments in the years of Perestroika and during the formation of the new Russian statehood (late 20th – early 21st centuries); gives the periodization of the formation of the Kaliningrad memorial landscape; reveals the regional features of the memorialization of the wartime events. The author concludes that today the Soviet war memorials in Kaliningrad are an instrument of patriotic education based on the military traditions of the older generations. They contribute to the cultural and historical self-identification of the inhabitants of the only Russian exclave and are an important component of the identity of Kaliningraders.

Keywords: historical memory, politics of memory, monumental propaganda, historical and cultural heritage, war memorials, Great Patriotic War, Kaliningrad, Soviet period.

Использованная литература:

1. Афиани В. Ю. Мемориал на Поклонной горе и проблемы коммеморации // Великая Отечественная война в современном общественно-историческом сознании (историческая память, восприятие, увековечение)

References:

1. Afiani, V.Yu. (2016) [The Memorial on Poklonnaya Hill and the Problems of Commemoration]. *Velikaya Otechestvennaya voyna v sovremennom obshchestvenno-istoricheskom soznanii (istoricheskaya pamyat', vospriyatie,*

- / Ред. Е. И. Пивовар. М.: Архив Рос. акад. наук, 2016. С. 21–28.
2. Большой энциклопедический словарь Калининградской области / Ред. В. Н. Маслов. Калининград: Аксиос, 2011.
 3. Великая Отечественная война в современном общественно-историческом сознании (историческая память, восприятие, увековечение): Материалы Всерос. науч. конф. / Ред. Е. И. Пивовар. М.: Архив Рос. акад. наук, 2016.
 4. Габович М. Памятник и праздник: этнография Дня Победы // Неприкосновенный запас. 2015. № 3. С. 195–210.
 5. Государственный архив Калининградской области. Ф. Р-19. Оп. 4. Д. 1693.
 6. Государственный архив Калининградской области. Ф. Р-297. Оп. 1. Д. 12.
 7. Государственный архив Калининградской области. Ф. Р-297. Оп. 8. Д. 1780.
 8. Государственный архив Калининградской области. Ф. Р-297. Оп. 10. Д. 1244.
 9. Государственный архив Калининградской области. Ф. Р-522. Оп. 1. Д. 134.
 10. Конрадова Н., Рылева А. Герои и жертвы. Мемориалы Великой Отечественной // Неприкосновенный запас. 2005. № 2. С. 134–148.
 11. Костяшов Ю. В. О неосуществленных проектах возведения в Калининграде монумента Победы // Калининградские архивы. 2018. Вып. 15. С. 137–147.
 12. Костяшов Ю. В. Кёнигсбергский кафедральный собор и могила Иммануила Канта в советском Калининграде // Кантовский сборник. 2015. Т. 35. № 4. С. 79–102.
 13. Костяшов Ю. В. Память о Второй мировой войне в монументах Калининграда: региональная специфика // Национальное культурное наследие России: региональный аспект. Самара: Изд-во СГИК, 2018. С. 198–203.
 14. Кретинин Г. В. Война и мир: исследования по российской и всеобщей истории. Калининград: Аксиос, 2018.
 15. Летопись Калининградской области: в 2 т. / Ред. В. Н. Маслов. Калининград: Изд-во Мишуткина И. В., 2005. Т. 1.
 16. Объекты культурного наследия Калининградской области / Ред. А. Тарунов. Москва: НИИЦентр, 2013.
 17. Пахалюк К. Захоронения и памятники Первой мировой войны на территории Калининградской области // Военная археология. 2011. № 6. С. 52–59.
 18. Поршнева О. С. Феномен исторической памяти о войне // Уральский вестник международных исследований. 2005. № 4. С. 112–118.
 19. Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР от 24 июня 1966 г. №481 «О порядке проектирования и сооружения памятников и монументов». [Электронный ресурс] // Портал «Библиотека нормативно-правовых актов». URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_6427.htm (дата обращения 12.07.2020).
 20. Рубин В. А., Фомина Е. А. Историческая память в военных монументах: историографический обзор // Документ. Архив. История. Современность. 2016. Вып. 16. С. 199–211.
 21. Рубин В. А., Спиридонова Е. В. Военно-мемориальное наследие в условиях государственной культуры (увековечение) [The Great Patriotic War in Modern Sociohistorical Consciousness (Historical Memory, Perception, Perpetuation)]. Proceedings of the All-Russian Conference. Moscow: Arkhiv Ros. Akad. Nauk, pp. 21–28. (In Russian).
 2. Maslov, V.N. (ed.) (2011) *Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar' Kaliningradskoy oblasti* [The Big Encyclopedic Dictionary of the Kaliningrad Oblast]. Kaliningrad: Aksios.
 3. Pivovar, E.I. (ed.) (2016) *Velikaya Otechestvennaya vojna v sovremennom obshchestvenno-istoricheskom soznanii (istoricheskaya pamyat', vospriyatie, uvekovechenie)* [The Great Patriotic War in Modern Sociohistorical Consciousness (Historical Memory, Perception, Perpetuation)]. Proceedings of the All-Russian Conference. Moscow: Arkhiv Ros. Akad. Nauk.
 4. Gabovich, M. (2015) *Pamyatnik i prazdnik: etnografiya Dnya Pobedy* [The Monument and the Holiday: The Ethnography of the Victory Day]. *Neprikosnovennyi zapas*. 3. pp. 195–210.
 5. State Archive of Kaliningrad Oblast. Fund R-19. List 4. File 1693.
 6. State Archive of Kaliningrad Oblast. Fund R-297. List 1. File 12.
 7. State Archive of Kaliningrad Oblast. Fund R-297. List 8. File 1780.
 8. State Archive of Kaliningrad Oblast. Fund R-297. List 10. File 1244.
 9. State Archive of Kaliningrad Oblast. Fund R-522. List 1. File 134.
 10. Konradova, N. & Ryleva, A. (2005) *Geroi i zhertvy. Memorialy Velikoy Otechestvennoy* [Heroes and Victims. Memorials of the Great Patriotic War]. *Neprikosnovennyi zapas*. 2. pp. 134–148.
 11. Kostyashov, Yu.V. (2018) On the Unrealized Projects for the Construction of the Victory Monument in Kaliningrad. In: Maslov, V.N. (ed.) *Kaliningradskie arkhivy* [Kaliningrad Archives]. Vol. 15. Kaliningrad: Immanuel Kant Baltic Federal University. pp. 137–147. (In Russian).
 12. Kostyashov, Yu.V. (2015) Königsberg Cathedral and Kant's Tomb in Soviet Kaliningrad. *Kantovskiy sbornik – Kantian Journal*. 35 (4). pp. 79–102. (In Russian). DOI: 10.5922/0207-6918-2016-4-7
 13. Kostyashov, Yu.V. (2018) [Memory of the Second World War in the Kaliningrad Monuments: Regional Specificity]. *Natsional'noe kul'turnoe nasledie Rossii: regional'nyy aspekt* [National Cultural Heritage of Russia: A Regional Aspect]. Proceedings of the VI All-Russian Conference Samara: Samara State Institute of Culture. pp. 198–203. (In Russian).
 14. Kretinin, G.V. (2018) *Voyna i mir: issledovaniya po rossiyskoy i vseobshchey istorii* [War and Peace: Research on Russian and World History]. Kaliningrad: Aksios.
 15. Maslov, V.N. (ed.) (2005) *Letopis' Kaliningradskoy oblasti* [The Chronicle of Kaliningrad Oblast]. Vol. 1. Kaliningrad: Izd-vo Mishutkina I.V.
 16. Tarunov, A. (ed.) (2013) *Ob'ekty kul'turnogo naslediya Kaliningradskoy oblasti* [Objects of Cultural Heritage of Kaliningrad Oblast]. Moscow: NIITsentr.
 17. Pakhalyuk, K. (2011) *Zakhoroneniya i pamyatniki Pervoy mirovoy voyny na territorii Kaliningradskoy oblasti* [Burials and Monuments of the First World War on the

- ной политики советской эпохи // Человек и культура. 2019. № 5. С. 54–64.
22. Сохраним для истории // Литературная газета. 1965. 30 октября.
23. Фостова С. А. Мемориал 1200 гвардейцам в Калининграде // Теория и практика современных краеведческих исследований. Тамбов: ТОГБУК, 2015. С. 67–73.
24. Фостова С. А. Монументальная пропаганда в советском Калининграде: от войны памятников до мира // Студенческие Смольные чтения. СПб.: Астерион, 2020. С. 230–237.
25. Юдина А. Б. «Памятник без памяти»: первый Вечный огонь в СССР // Неприкосновенный запас. 2005. № 3. С. 112–134.
- Territory of Kaliningrad Oblast]. *Voennaya arkhеologiya*. 6. pp. 52–59.
18. Porshneva, O.S. (2005) Fenomen istoricheskoy pamyati o voyne [The Phenomenon of the Historical Memory of War]. *Ural'skiy vestnik mezhdunarodnykh issledovaniy*. 4. pp. 112–118.
19. Council of Ministers of the Soviet Union. (1966) *Postanovlenie TsK KPSS i Soveta ministrov SSSR ot 24 iyunya 1966 g. №481 "O poryadke proektirovaniya i sooruzheniya pamyatnikov i monumentov"* [Resolution of the Central Committee of the CPSU and the Council of Ministers of the Soviet Union No. 481 of 24 June 1966 "On the Procedure for the Design and Construction of Memorials and Monuments"]. [Online] Available from: http://www.libussr.ru/doc_ussr/usr_6427.htm. (Accessed 12.07.2020).
20. Rubin, V.A. & Fomina, E.A. (2016) Russian Military Memorial Heritage Through the View of the Commemoration Problem: The Background of Historiographic Research. *Dokument. Arkhiv. Istoriya. Sovremennost'*. 16. pp. 199–211. (In Russian).
21. Rubin, V.A. & Spiridonova, E.V. (2019) Military Memorial Heritage in the Conditions of Government Cultural Policy of Soviet Era. *Chelovek i kul'tura*. 5. pp. 54–64. (In Russian). DOI: 10.25136/2409-8744.2019.5.27877
22. *Literaturnaya gazeta*. (1965) Sokhranim dlya istorii [Let Us Preserve It for History]. 30 October.
23. Fostova, S.A. (2015) Memorial 1200 gvardeysam v Kaliningrade [The Monument to 1200 Guardsmen in Kaliningrad]. In: *Teoriya i praktika sovremennykh kraevedcheskikh issledovaniy* [Theory and Practice of Modern Studies of Local Lore]. Tambov: TOGБУK, pp. 67–73.
24. Fostova, S.A. (2020) [Monumental Propaganda in Soviet Kaliningrad: From War of Monuments to Peace]. *Studencheskie Smol'nye chteniya* [Student Smolny Readings]. Proceedings of the International Conference. Saint Petersburg, 17–19 April 2020. Saint Petersburg: Asterion. pp. 230–237. (In Russian).
25. Yudina, A.B. (2005) "Pamyatnik bez pamyati": pervyy Vechnyy ogon' v SSSR [A "Monument Without Memory": The First Eternal Flame in the USSR]. *Neprikosnovennyy zapas*. 3. pp. 112–134.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Костяшов, Ю. В. Советские воинские монументы в Калининграде и эволюция исторической памяти (середина XX – начало XXI в.) / Ю. В. Костяшов // Наследие веков. – 2020. – № 3 – С. 62–72. DOI: 10.36343/SB.2020.23.3.004

Full bibliographic reference to the article:

Kostyashov, Yu.V. (2020) Soviet War Memorials in Kaliningrad and the Evolution of Historical Memory (Mid-20th – Early 21th Centuries). *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 3. pp. 62–72. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2020.23.3.004

ГОНЧАРОВ Алексей Владимирович
начальник отдела государственного учета
объектов культурного наследия
управления государственной охраны
объектов культурного наследия
администрации Краснодарского края
Краснодар, Российская Федерация

Aleksey V. GONCHAROV

Head, Department for State Registration
of Cultural Heritage Objects,
Office of State Protection of Cultural Heritage Objects,
Administration of the Krasnodar Krai,
Krasnodar, Russian Federation,
2307080@mail.ru

КРЮКОВ Анатолий Владимирович

кандидат исторических наук,
ученый секретарь Южного филиала
Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева,
Краснодар, Российская Федерация

Anatoly V. KRYUKOV

Cand. Sci. (National History), Academic Secretary,
Southern Branch, Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage,
Krasnodar, Russian Federation,
anatoly.kryukow@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-7919-3938

УДК 725.945.1:719(470.620)
ГРНТИ 13.61.08
ВАК 24.00.01

DOI: 10.36343/SB.2020.23.3.005

**Воинские монументы как
объекты культурного наследия:
особенности государственной
охраны (на примере
Краснодарского края)¹**

**Military Monuments as Objects
of Cultural Heritage:
Features of State Protection
(On the Example of Krasnodar Krai)²**

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Южного филиала ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева» по теме «Монументальная политика как инструмент сохранения культурной памяти».

² This article was prepared as part of the state assignment by the Southern Branch of the Russian Research Institute for Cultural and Natural Heritage, research theme "Monumental Politics as a Tool for Preserving Cultural Memory".

Цель статьи – определить правовой статус и особенности государственной охраны объектов культурного наследия, созданных для увековечения событий военной истории, а также принадлежащих к произведениям монументального искусства. Исследование выполнено на материалах ведомственного архива управления государственной охраны объектов культурного наследия Краснодарского края, использованы национальные стандарты Российской Федерации, акты федерального и регионального законодательства. Изучены проблемы, связанные с правоприменительной практикой в отношении братских могил воинов и отдельных памятников, содержащих в своем составе военную технику, тиражированные монументы и обелиски из листового железа. Определено, что в каждом конкретном случае юридический статус и особенности государственной охраны рассмотренных монументов могут быть установлены с опорой на нормативно-техническую документацию (национальный стандарт), в большинстве случаев содержащую достаточно точные определения этих объектов.

Ключевые слова: объект культурного наследия, памятники истории и культуры, памятники военной истории, монументальное искусство, реестр, Краснодарский край.

Значительное место в современной социальной памяти и коммеморативной практике наших соотечественников занимают события, связанные со страницами военной истории России. Актуализация героического прошлого играет ведущую роль в аспекте патриотического воспитания подрастающего поколения, создает консолидирующий фундамент формирования и развития общенационального самосознания, способствует повышению интереса граждан России к отечественной истории. Широкий общественный резонанс приобретают массовые акции «Свеча памяти» и «Бессмертный полк», ежегодно проходящие в российских городах. Конкретные мероприятия, приуроченные к памятным датам, зачастую проходят в условиях, способствующих возникновению у их участников ощущения эмоциональной связи с прошлым. Благоприятную атмосферу для этой связи обеспечивают мемориалы, созданные в целях увековечения военной истории и являющиеся своеобразным пространством коммеморации. Многие из них не только обладают статусом объектов культурного наследия, но и являются произведениями монументального искусства, что обуславливает несомненную социальную значимость надлежащего юридического обеспечения их государственной охраны.

Законодательство в сфере охраны объектов культурного наследия без преувеличения является одним из самых дискуссионных

сегментов российского правового поля. Такая ситуация объясняется во многом самой природой памятников истории и культуры, определение правового статуса которых вынужденно затрагивает различные аспекты гражданского, земельного, административного, уголовного и иных отраслей права. Сложностью и крайней специфичностью отличается правоприменительная практика при осуществлении деятельности, связанной с сохранением памятников истории и культуры, формально-типологические характеристики которых подчас устанавливаются с большим трудом.

Проблема определения правового статуса и особенностей охраны объектов культурного наследия, созданных в целях увековечения военной истории, затрагивалась в целом ряде научных исследований. В работах российских ученых данная проблематика наиболее интенсивно разрабатывалась в 2012–2014 гг., более ранние исследования затрагивали в основном вопросы, связанные с защитой воинских монументов, увековечивающих память павших советских воинов за рубежом, и разработкой региональных нормативных актов, регулирующих различные правовые аспекты их охраны на территории Российской Федерации [2]. Подчеркивалась необходимость международно-правового урегулирования статуса воинских мемориалов за пределами России (в частности, на территории государств Восточной Европы) во избежание их

уничтожения в процессе реализации некоторыми государствами политики, направленной на пересмотр исторических оценок, связанных с ролью СССР в победе над нацизмом.

История охраны мемориального наследия, в том числе и в региональном аспекте, рассматривалась В. А. Рубиным [12], в работах которого также нашел свое отражение анализ норм федерального законодательства, касающихся сохранения воинских мемориалов, возведенных в память о воинах, погибших при защите Отечества. Исследователь выявил правовые лакуны в части определения полномочий государственного органа охраны объектов культурного наследия применительно к военным мемориалам, указал на частое отсутствие балансодержателей и собственников у мемориальных сооружений, сформулировал предложения по изменению действующего законодательства. При этом автор выступил за создание региональных и местных целевых программ по сохранению монументов, сформулировал проблемы, связанные с финансированием этой деятельности [13]. На материале Оренбургской области В. А. Рубиным и Е. В. Годовой было специально исследовано правовое положение воинских захоронений, являющихся объектами культурного наследия и выявлены относящиеся к ним направления государственной культурной политики (государственная регистрация прав на захоронения погибших воинов, установление территории и охранных зон вокруг воинского захоронения — объекта культурного наследия, оформление охранных обязательств на объекты культурного наследия — воинские захоронения, организация работ по перемещению воинских захоронений) [11].

Особенности правового регулирования вопросов, связанных с увековечением памяти воинов, погибших в плену, освещены в исследовании Н. А. Заневской [8]; изыскания ученых-правоведов Республики Беларусь в отношении определения статуса воинских мемориалов нашли свое отражение в трудах Д. В. Юрчака и И. Э. Мартыненко [17; 10]. Эти работы важны и ценны тем, что их авторы предлагают пути использования белорусского опыта в законодательствах стран СНГ и, в частности, Российской Федерации.

Применительно к регионам, расположенным на Юге России, военно-мемориальная проблематика рассматривалась главным образом в историческом контексте и получила развитие в исследовании Т. А. Колосовской, посвященном событиям Кавказской войны [9].

Из последних работ следует упомянуть статью О. В. Андреева и М. А. Широковой [1], в которой дан историко-правовой обзор ранее действовавшего общесоюзного и актуального федерального законодательства в сфере увековечения памяти о Великой Отечественной войне, а также анализ региональной нормативно-правовой базы (на примере Чувашской Республики). Различные аспекты международно-правовой регламентации деятельности по сохранению воинских мемориалов были освещены А. Ю. Соклаковым [15]. Современное состояние нормативно-правовой базы, регулирующей вопросы, связанные с установлением и функционированием защитных зон объектов культурного наследия (в том числе относящихся к произведениям монументального искусства) успешно проанализировано в исследовании М. П. Берлизова и Г. Г. Давыденко [5].

Анализ степени изученности рассматриваемой проблемы свидетельствует о том, что многие из ее аспектов получили адекватное научное осмысление, став основой для дальнейшей концептуализации мемориальной политики и уточнения отдельных законодательных норм. Однако за гранью внимания ученых остались сложные случаи применения действующих законодательных норм в отношении объектов культурного наследия, не только созданных в целях увековечения военной истории, но и являющихся произведениями монументального искусства. Группа памятников, обладающих такими комплексными типологическими характеристиками, довольно обширна, поэтому решение проблем, связанных с определением их юридического статуса хотя бы на уровне отдельного региона, серьезно облегчит текущую деятельность государственных органов охраны объектов культурного наследия.

Данное исследование призвано определить правовой статус и свойственные ему особенности государственной охраны объектов

культурного наследия, созданных в целях увековечения военной истории, а также являющихся произведениями монументального искусства. Научные изыскания при этом проводились на примере Краснодарского края с опорой на материалы архива регионального управления государственной охраны объектов культурного наследия, государственные стандарты, федеральные и региональные нормативно-правовые акты. В процессе работы использовались историко-правовой и формально-юридический методы, а также методы толкования права и логические методы.

Научная новизна исследования заключается в определении типологических и нормативно-правовых характеристик, присущих упомянутой группе объектов культурного наследия, в соответствии с действующими нормами российского законодательства в сфере охраны памятников истории и культуры.

Дизайн исследования предполагает два этапа, на первом из которых устанавливаются противоречия действующего законодательства и выявляются конкретные проблемы, связанные с определением статуса рассматриваемых в работе объектов культурного наследия. На втором этапе осуществляется решение задачи, связанной с определением статуса анализируемых памятников, а также разрешение отдельных сложных случаев, возникающих в правоприменительной практике.

Изменения в законодательстве об охране памятников истории и культуры, произошедшие в 2016 г., включали в себя поправки, связанные с установлением защитных зон объектов культурного наследия. Данная форма обеспечения сохранности памятников истории и культуры была введена в соответствии со статьей 34.1 Федерального закона от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» [16] (далее — Закон № 73-ФЗ). Однако действие этой новеллы (см. п. 2 данной статьи) не распространяется на объекты археологического наследия, некрополи, захоронения, расположенные в границах некрополей, произведения монументального искусства, а также памятники и ансамбли, находящиеся в границах достопримечательного места.

Одной из типологических схем, применяемых к объектам культурного наследия, является их классификация по видовой принадлежности, предполагающая разделение всей совокупности таких объектов на группы памятников археологии, истории, градостроительства и архитектуры, а также монументального искусства. Эта схема, широко распространенная в нормативных правовых актах советской эпохи, в настоящее время фигурирует лишь в разделе V формы учетной карты объекта культурного наследия, включенной в приложение к Положению о едином государственном реестре объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, утвержденному приказом Министерства культуры Российской Федерации от 3 октября 2011 г. № 954 [14].

Кроме того, в законодательстве Краснодарского края (п. 2 ч. 3 ст. 11 Закона Краснодарского края от 23 июля 2015 г. № 3223-КЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации, расположенных на территории Краснодарского края» [7]) имеется норма, предписывающая установление границ зон охраны, действующих до разработки и утверждения проектов зон охраны объектов культурного наследия в установленном федеральным законодательством порядке, на расстоянии 40 метров от границы территории объекта культурного наследия по всему его периметру. В качестве предупредительной меры по обеспечению сохранности объекта культурного наследия данная норма применяется к объектам культурного наследия, имеющим в своем составе захоронения (за исключением объектов археологического наследия), а также представляющим собой произведения монументального искусства.

Проблема в применении вышеназванных норм права связана с тем, что в действующих законодательных документах в сфере государственной охраны и сохранения памятников истории и культуры отсутствуют определения некрополя и произведения монументального искусства, что вызывает множество достаточно трудно разрешимых вопросов, в частности:

— являются ли некрополями братские могилы воинов?

— относятся ли к произведениям монументального искусства установленные на постамент объекты военной техники (танки, пушки и т.д.)?

— можно ли относить к произведениям монументального искусства тиражированную скульптуру, например, памятники В. И. Ленину, изготовленные из долговечных материалов (гипса, железобетона), во множестве установленные в советское время по всей стране и впоследствии принятые на государственную охрану в качестве памятников истории и культуры?

— являются ли произведениями монументального искусства сваренные из листового железа пирамидальные обелиски, установленные в честь военных событий?

Если относить к произведениям монументального искусства только величественные сооружения, обладающие художественной ценностью и изготовленные из долговечных материалов, то к памятникам, не отвечающим таким требованиям, должна применяться норма об установлении защитных зон. Таким образом, налицо правовой парадокс, при котором для объектов, не обладающих художественной ценностью, применяются меры государственной охраны, которые не применяются для объектов, наоборот, обладающих высокой художественной ценностью.

Одной из особенностей государственной охраны памятников, являющихся произведениями монументального искусства, определяемой ст. 56.2 Закона № 73-ФЗ, является норма о том, что государственной охране подлежат все составляющие памятника, включая пьедестал, постамент, ограду и иные элементы. Таким образом, упомянутая статья описывает элементы, которые могут, помимо самого архитектурного или скульптурного сооружения, входить в состав произведения монументального искусства.

Содержание данной статьи позволяет применить для ответа на большинство поставленных выше вопросов действующий в Российской Федерации ГОСТ Р 56891.3–2016 «Сохранение объектов культурного наследия. Термины и определения. Часть 3. Про-

изведения искусства» (утвержден и введен в действие приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 10 марта 2016 г. № 136-ст) [6].

Данный стандарт устанавливает термины и определения по сохранению объектов культурного наследия — произведений монументальной живописи, монументальной скульптуры, декоративно-прикладного искусства и малых архитектурных форм, являющихся произведениями искусства.

В документе приведены дефиниции многих понятий, относящихся к предмету исследования в рамках настоящей статьи, а именно: произведения монументальной скульптуры, барельеф, горельеф, монумент, постамент, малые архитектурные формы, художественное надгробие, мавзолей, усыпальница, кенотаф, некрополь, обелиск, гробница, фонтан, беседка, ротонда, ограда ворота и др.

Соответствие конкретных объектов культурного наследия и их составных частей терминам, определенным ГОСТ Р 56891.3–2016, позволяет достаточно четко определить необходимость применения статьи 34.1 Закона № 73-ФЗ.

Например, братская могила советских воинов, погибших в годы Великой Отечественной войны, с надмогильными сооружениями является некрополем, поскольку соответствует приводимому определению этого класса объектов (мемориальный комплекс архитектурно и художественно оформленных надгробий над погребениями).

Скульптуры В. И. Ленина, учитывая отсутствие нормативно закрепленных принципов отнесения объектов к произведениям искусства, независимо от материала изготовления, соответствуют термину «произведение монументальной скульптуры» (вид пластического искусства, основанного на принципе объемного изображения, произведения которого выполнены из камня, металла и других материалов).

К отдельному захоронению с надмогильным сооружением можно применить термин «художественное надгробие» (разновидность скульптурно-архитектурного сооружения или отдельного знака, предназначенного для увековечения памяти умершего).

Учитывая, что речь идет об объектах, имеющих статус объектов культурного наследия, следует отметить, что их культурная ценность является юридическим фактом и не требует дополнительного обоснования.

Открытым остается вопрос отнесения к произведениям монументального искусства памятников, имеющих в своем составе объекты военной техники.

В мае 1982 г. Министерством культуры РСФСР были утверждены Методические рекомендации по выявлению, учету, постановке на государственную охрану и включению в «Свод памятников истории и культуры СССР» памятников военной истории, адресатом которых являлись органы управления культурой на местах — в автономных республиках, краях, областях и т.д. Текст документа сопровождался циркулярным письмом Главного управления охраны памятников истории и культуры Министерства культуры РСФСР от 25 мая 1982 г. № 17–05-уф «О направлении методических рекомендаций» [3].

В документе были прописаны принципы определения и типологизации памятников, относящихся к событиям военной истории. В соответствии с этими принципами должны были производиться мероприятия, нацеленные на сохранение памятников и включавшие выявление, учет и постановку на государственную охрану в том числе и техники, располагавшейся в местах боев, на территории выпускавших ее предприятий и в иных локациях. Соответствующие всем критериям объекты предполагалось включить в «Свод памятников истории и культуры СССР».

В разделе III данных методических рекомендаций содержались следующие весьма примечательные положения и указания [3]: «Практика работы с памятниками военной истории показывает, что в ряде случаев отсутствует правильное понимание самого термина „исторический памятник“. Зачастую понятие „памятник войны“ отождествляется с понятием „памятник-символ“. Это особенно характерно в отношении стел, обелисков, пилонов, фигур воинов и т.п., установленных в память земляков, погибших в годы гражданской и Великой Отечественной войн. Они за последние годы в большом количестве установлены в се-

лах и городах и символизируют уважение народа к памяти павших. Значение и сила их эмоционального воздействия велики. Долг каждого гражданина и местных органов власти заботиться об их сохранении. Но памятники-символы, дополняя подлинные памятники военной истории, не могут и не должны подменять их. Приняты на государственную охрану и включены в „Свод“ могут быть только те из них, которые выполнены на высоком художественном уровне и из долговечных материалов (камень, металл). В порядке исключения можно принимать на охрану и включать в „Свод“ отдельные памятники-символы, не отличающиеся высокими художественными достоинствами, но имеющие большую историческую ценность, т.к. они одни из первых увековечили события гражданской и Великой Отечественной войн. Эти вопросы в каждом отдельном случае следует решать с привлечением историков, искусствоведов и других специалистов».

Показательно, что во множестве методических рекомендаций по учету памятников истории и культуры рекомендовалось принимать на государственную охрану памятники, выполненные на высоком художественном уровне из долговечных материалов, однако на практике эти требования часто не соблюдались, в результате чего в настоящее время на государственной охране состоит значительное количество объектов культурного наследия, имеющих в своем составе тиражированные скульптуры и архитектурные сооружения, выполненные из недолговечных материалов, многие из которых находятся в неудовлетворительном и аварийном состоянии или полностью утрачены. Многие памятники военной истории с момента постановки на государственную охрану подверглись реконструкции и видоизменению.

В 1986 г. Главное управление охраны, реставрации и использования памятников истории и культуры Министерства культуры РСФСР с сопроводительным письмом от 9 июня 1986 г. № 17–23-уе направило в адрес Управления культуры Краснодарского крайисполкома замечания к представленному «Списку памятников, рекомендуемых к постановке на государственную охрану местного значения

по Краснодарскому краю» (раздел памятники истории), где содержалась в том числе следующая ремарка: «4. Если памятник установлен в честь какого-либо события и включает боевую технику времен Великой Отечественной войны, то следует наименование памятника указывать следующим образом: „Памятник в честь гвардейцев-минометчиков, защищавших Кубань в годы Великой Отечественной войны. Включает реактивное артиллерийское орудие «Катюша». 1985 г. ... Арх. ... Скульпт. ... Материал постамента — бетон“», т.е. наименование памятника рекомендовалось формировать из следующих составных частей:

- наименование события, в честь которого установлен памятник,
- точное наименование боевой техники,
- год установки памятника,
- фамилия, имя и отчество архитектора, скульптора (если неизвестно, то следовало указать «арх., скульпт. неизвестен»),
- материал постамента [4].

Таким образом, принятию на государственную охрану подлежали не просто образцы военной техники, а архитектурные или скульптурные произведения, созданные в честь конкретных исторических событий, включающие установленные на постамент (архитектурное основание скульптурного произведения) объекты военной техники, что позволяет применить к таким объектам термин «монумент» — архитектурно-скульптурное мемориальное сооружение в честь исторического события.

Исходя из всего вышеизложенного, следует сделать вывод о том, что в каждом конкретном случае юридический статус и особенности государственной охраны объектов культурного наследия, созданных в целях увековечения военной истории и при этом являющихся памятниками монументального

искусства, могут быть установлены с опорой на нормативно-техническую документацию (национальный стандарт), содержащую достаточно точные определения данных объектов. Использование подобного алгоритма не только позволяет оптимизировать работу по учету и сохранению памятников истории и культуры, но и нивелирует лакуны и иные несовершенства действующего законодательства. Кроме того, следует заключить, что военная техника как таковая по определению не может входить в исследуемую группу объектов, поскольку в данном случае к ней неприменимо определение монумента, актуальное исключительно для тех образцов техники, которые структурно интегрированы в состав памятника: располагаются на постаменте, дополнены объектами малых форм и т.д.

Результаты исследования определяют личный вклад автора в исследование заявленной в заглавии темы, который заключается прежде всего в выявлении механизма применения нормативно-технической документации при решении проблем определения правового статуса конкретных разновидностей объектов культурного наследия, являющихся воинскими мемориалами и одновременно входящих в группу памятников монументального искусства. В заключение необходимо отметить, что наличие дефиниций памятников, приведенных в национальных стандартах, отнюдь не отменяет необходимости интеграции этих определений в действующее законодательство хотя бы на уровне отдельных нормативных актов (положений, постановлений и т.д.), принятых на уровне Правительства Российской Федерации. Думается, что дальнейшие научные изыскания должны носить сугубо прикладной характер и осуществляться в направлении разработки проектов таких документов.

Aleksey V. GONCHAROV

Head, Department for State Registration
of Cultural Heritage Objects,
Office of State Protection of Cultural Heritage Objects,
Administration of the Krasnodar Krai,
Krasnodar, Russian Federation,
2307080@mail.ru

Anatoly V. KRYUKOV

Cand. Sci. (National History), Academic Secretary,
Southern Branch, Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage,
Krasnodar, Russian Federation,
anatoly.kryukow@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-7919-3938

***Military Monuments as Objects of Cultural Heritage:
Features of State Protection (On the Example of Krasnodar Krai)***

Abstract. The aim of the study is to determine the status and peculiarities of the state protection of cultural heritage objects, which were created in order to perpetuate military history and are works of monumental art, within the framework of the current Russian legislation. The materials used in the article mainly relate to the regulatory framework for the protection of monuments in Krasnodar Krai. The study is based on documents from the departmental archive of the regional Office of State Protection of Cultural Heritage Objects of Krasnodar Krai, on national standards of the Russian Federation, and on acts of federal and regional legislation. The study uses historical legal, formal legal, and comparative legal methods, as well as methods of interpretation of law and logical methods. The authors examine the novelties of the Russian legislation affecting the establishment of protective zones around the monuments of architecture and urban construction and note that the acts of Krasnodar Krai also prescribe the arrangement of such zones for monuments containing burials and monuments of monumental art. The authors formulate questions related to the law enforcement practice in relation to the mass graves of soldiers and to individual monuments containing military equipment, replicated monuments, and obelisks made of sheet iron. The authors analyze the national standard of the Russian Federation, "Cultural Heritage Preservation. Terms and Definitions", and give examples of checks for compliance with the terms in the standard at individual objects of cultural heritage. The analysis of the status of monuments containing military equipment is based on methodological recommendations published in the 1980s. They prescribed state protection for monuments made at a high artistic level from durable materials, but in practice these requirements were rarely met. The authors conclude that, along with samples of military equipment, works of architecture or sculpture created in honor of specific historical events, including guns or transport-combat vehicles installed on pedestals, are subject to state protection. It is the presence of an architectural base that allows classifying such objects with the term "monument". In each specific case, the legal status and features of the state protection of the monuments considered in the article can be established based on the regulatory and technical documents (national standard) that contain sufficiently accurate definitions of these objects.

Keywords: object of cultural heritage, monuments of history and culture, monuments of military history, monumental art, register, Krasnodar Krai.

Использованная литература:

1. Андреев О. В., Широкова М. А. Формирование и развитие нормативно-правовых основ сохранения памяти о Великой Отечественной войне в 1941–2019 годах // Вестник Чувашского университета. 2019. № 4. С. 23-34.
2. Аронов Д. В., Ковалев Н. Д. Статус памятников Великой Отечественной и Второй мировой войн — проблемы правового регулирования // Культура: управление, экономика, право. 2008. № 3. С. 2-5.
3. Архив управления государственной охраны объектов культурного наследия администрации Красно-

References:

1. Andreev, O.V. & Shirokova, M.A. (2019) Formation and Development of the Legal Framework for Commemorating the Great Patriotic War in 1941–2019. *Vestnik Chuvashskogo universiteta*. 4. pp. 23–34. (In Russian).
2. Aronov, D.V. & Kovalev, N.D. (2008) Status pamyatnikov Velikoy Otechestvennoy i Vtoroy mirovoy voyn – problemy pravovogo regulirovaniya [The Status of the Monuments of the Great Patriotic War and the Second World War: The Problem of Legal Regulation]. *Kul'tura: upravlenie, ekonomika, pravo – Culture: Management, Economy, Law*. 3. pp. 2–5.

дарского края. Письмо Министерства культуры Российской Федерации от 06.06.2011 № 2037-05-5.

4. Архив управления государственной охраны объектов культурного наследия администрации Краснодарского края. Письмо Главного управления охраны, реставрации и использования памятников истории и культуры Министерства культуры РСФСР от 09.06.1986 № 17-23-уе.

5. Берлизов М. П., Давыденко Г. Г. Проблематика административно-правового регулирования защитных зон объектов культурного наследия // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2020. № 1. С. 83-90.

6. ГОСТ Р 56891.3-2016 Сохранение объектов культурного наследия. Термины и определения. Часть 3. Произведения искусства [Электронный ресурс] // Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии. URL: <http://protect.gost.ru/v.aspx?control=8&baseC=-1&page=0&month=-1&year=-1&search=&RegNum=1&DocOnPageCount=15&id=195110> (дата обращения 03.01.19).

7. Закон Краснодарского края «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации, расположенных на территории Краснодарского края» от 23.07.2015 № 3223-КЗ [Электронный ресурс] // Администрация Краснодарского края. URL: <https://admkrain.krasnodar.ru/upload/iblock/de2/de287181676454d7f5cc625b9c75ee62.docx> (дата обращения 03.01.19).

8. Заневская Н.А. Правовое регулирование увековечения памяти военнослужащих, погибших в плену // Военная мысль. 2016. № 7. С. 62-66.

9. Колосовская Т.А. К проблеме сохранения исторической памяти в контексте военно-мемориальной деятельности на Северном Кавказе во второй половине XIX в. // История: факты и символы. 2016. Вып. 3 (№ 8). С. 99 – 107.

10. Мартыненко И. Э. Правовые формы увековечения памяти погибших в ходе войн: опыт Республики Беларусь и возможности его использования в других странах СНГ // Военно-юридический журнал. 2017. № 1. С.12-17.

11. Рубин В. А., Годовова Е. В. Реализация государственной политики по охране и сохранению военно-мемориальных сооружений на территории Оренбургской области // Евразийский журнал региональных и политических исследований. 2016. № 1 (16). С. 63-67.

12. Рубин В. А. Государственная политика России в сфере сохранения мемориального наследия и её реализация в Оренбуржье: исторические аспекты и современное состояние // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 2-1 (16). С. 169-174.

13. Рубин В. А. Правовые аспекты сохранения воинских захоронений, монументов и иных мемориальных сооружений, посвящённых погибшим при защите Отечества // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2012. № 3 (35). С. 270-273.

14. Приказ Министерства культуры Российской Федерации «Об утверждении Положения о едином государственном реестре объектов культурного наследия

3. Archive of the Department of State Protection of Cultural Heritage Sites of the Krasnodar Krai Administration. *Pis'mo Ministerstva kul'tury Rossiyskoy Federatsii ot 06.06.2011 № 2037-05-5* [Letter of the Ministry of Culture of the Russian Federation No. 2037-05-5 of 06.06.2011].

4. Archive of the Department of State Protection of Cultural Heritage Sites of the Krasnodar Krai Administration. *Pis'mo Glavnogo upravleniya okhrany, restavratsii i ispol'zovaniya pamyatnikov istorii i kul'tury Ministerstva kul'tury RSFSR ot 09.06.1986 № 17-23-ue* [Letter of the Main Directorate for the Protection, Restoration and Use of Historical and Cultural Monuments of the Ministry of Culture of the RSFSR No. 17-23-ue of 09.06.1986].

5. Berlizov, M.P. & Davydenko, G.G. (2020) Problematika administrativno-pravovogo regulirovaniya zashchitnykh zon ob'ektov kul'turnogo naslediya [Problems of Administrative and Legal Regulation of Protective Zones of Cultural Heritage Objects]. *Yuridicheskiy vestnik Kubanskogo gosudarstvennogo universiteta – Law Gazette of the Kuban State University*. 1. pp. 83–90.

6. Federal Agency for Technical Regulation and Metrology. (2016) *GOST R 56891.3-2016 Sokhranenie ob'ektov kul'turnogo naslediya. Terminy i opredeleniya. Chast' 3. Proizvedeniya iskusstva* [GOST R 56891.3-2016 Cultural Heritage Preservation. Terms and Definitions. Part 3. Works of Art]. [Online] Available from: <http://protect.gost.ru/v.aspx?control=8&baseC=-1&page=0&month=-1&year=-1&search=&RegNum=1&DocOnPageCount=15&id=195110>. (Accessed 03.01.2019).

7. Krasnodar Krai Administration. (2015) *Zakon Krasnodarskogo kraya "Ob ob'ektakh kul'turnogo naslediya (pamyatnikakh istorii i kul'tury) narodov Rossiyskoy Federatsii, raspolozhennykh na territorii Krasnodarskogo kraya" ot 23.07.2015 № 3223-KZ* [The Law of Krasnodar Krai "On Cultural Heritage Objects (Historical and Cultural Monuments) of the Peoples of the Russian Federation Located in the territory of Krasnodar Krai" No. 3223-KZ of 23.07.2015]. [Online] Available from: <https://admkrain.krasnodar.ru/upload/iblock/de2/de287181676454d7f5cc625b9c75ee62.docx>. (Accessed 03.01.19).

8. Zanevskaya, N.A. (2016) *Pravovoe regulirovanie uvekovecheniya pamyati voennosluzhashchikh, pogibshikh v plenu* [Legal Regulation of Perpetuating the Memory of Servicemen Who Died in Captivity]. *Voennaya mysl' – Military Thought*. 7. pp. 62–66.

9. Kolosovskaya, T.A. (2016) The Problem of Preserving Historical Memory in the Context of the Military Memorial Activities in the North Caucasus. *Istoriya: fakty i simvol'y – History: Facts and Symbols*. 3 (8). pp. 99–107. (In Russian).

10. Martynenko, I.E. (2017) Legal Forms of Perpetuating of Memory of Victims at Protection of Fatherland and War Victims: Experience of the Republic of Belarus and Possibilities of Its Use in Other CIC Countries. *Voенно-yuridicheskiy zhurnal – Military Juridical Journal*. 1. pp. 12–17. (In Russian).

11. Rubin, V.A. & Godovova, E.V. (2016) *Realizatsiya gosudarstvennoy politiki po okhrane i sokhraneniyu voennomemorial'nykh sooruzheniy na territorii Orenburgskoy oblasti* [Implementation of the State Policy for the Protection and Preservation of Military Memorials in Orenburg

(памятников истории и культуры) народов Российской Федерации» от 03.10.2011 № 954 [Электронный ресурс] // Справочная правовая система КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_123967/ (дата обращения 03.01.19).

15. Соклаков А. Ю. Международное гуманитарное право: из истории правовой регламентации статуса воинских захоронений за пределами Отечества // Наука. Общество. Оборона. 2019. Т. 7. № 4 (21). С. 2. DOI: 10.24411/2311-1763-2019-10208

16. Федеральный закон «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25.06.2002 № 73-ФЗ [Электронный ресурс] // Справочная правовая система КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/ (дата обращения 03.01.19).

17. Юрчак Д. В. Памятники и воинские захоронения: объекты историко-культурного наследия или мемориальные объекты? // Победа – одна на всех: материалы междунар. науч.-практ. конф., (Витебск, 24 апр. 2014 г.). Витебск: Витебский гос. ун-т им. П. М. Машерова, 2014. С. 295–298.

Oblast]. *Evraziyskiy zhurnal regional'nykh i politicheskikh issledovaniy – Eurasian Journal of Region and Political Research*. 1 (16). pp. 63–67.

12. Rubin, V.A. (2012) Russian State Policy in Memorial Heritage Preservation Sphere and Its Implementation Within Orenburg Region: Historical Aspects and Current Condition. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki*. 2-1 (16). pp. 169–174. (In Russian).

13. Rubin, V.A. (2012) Legal Aspects of Protection the Military Burials, Monuments and Other Memorial Structures Devoted to Killed in Defense of Our Motherland. *Izvestiya Orenburgskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta – IZVESTIA Orenburg State Agrarian University*. 3 (35). pp. 270–273. (In Russian).

14. Consultant Plus. (2011) *Prikaz Ministerstva kul'tury Rossiyskoy Federatsii "Ob utverzhenii Polozheniya o edinom gosudarstvennom reestre ob"ektov kul'turnogo naslediya (pamyatnikov istorii i kul'tury) narodov Rossiyskoy Federatsii" ot 03.10.2011 № 954* [Order of the Ministry of Culture of the Russian Federation "On Approval of the Regulations on the Unified State Register of Cultural Heritage Objects (Historical and Cultural Monuments) of the Peoples of the Russian Federation" No. 954 of 03.10.2011]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_123967/. (Accessed 03.01.2019).

15. Soklakov, A.Yu. (2019) International Humanitarian Law: From the History of the Legal Regulation of the Status of Military Graves Outside the Fatherland. *Nauka. Obshchestvo. Oborona – Science. Society. Defense*. 7 (4). (In Russian). DOI: 10.24411/2311-1763-2019-10208

16. Consultant Plus. (2002) *Federal'nyy zakon "Ob ob"ektakh kul'turnogo naslediya (pamyatnikakh istorii i kul'tury) narodov Rossiyskoy Federatsii" ot 25.06.2002 № 73-FZ* [Federal Law "On Objects of Cultural Heritage (Monuments of History and Culture) of the Peoples of the Russian Federation" No. 73-FZ of 25.06.2002]. [Online] Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37318/. (Accessed 03.01.2019).

17. Yurchak, D.V. (2014) [Monuments and War Graves: Objects of Historical and Cultural Heritage or Memorial Objects?]. *Pobeda – odna na vseh* [Victory: One for All]. Proceedings of the International Conference. Vitebsk. 24 April 2014. Vitebsk: Vitebsk State University. pp. 295–298. (In Russian).

Полная библиографическая ссылка на статью:

Гончаров, А. В. Воинские монументы как объекты культурного наследия: особенности государственной охраны (на примере Краснодарского края) / А. В. Гончаров, А. В. Крюков // *Наследие веков. – 2020. – № 3 – С. 73–82.* DOI: 10.36343/SB.2020.23.3.005

Full bibliographic reference to the article:

Goncharov, A.V. & Kryukov, A.V. (2020) Military Monuments as Objects of Cultural Heritage: Features of State Protection (On the Example of Krasnodar Krai). *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 3. pp. 73–82. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2020.23.3.005

НА ПЕРЕКРЕСТКАХ КУЛЬТУР

AT THE CROSSROADS OF CULTURES

ГОРДИЕНКО Оксана Викторовна

кандидат педагогических наук, доцент,
директор Института развития цифрового образования
Московского педагогического государственного университета,
Москва, Российская Федерация

Oxana V. GORDIENKO

Cand. Sci. (Theory and Methods of Teaching and Upbringing),
Assoc. Prof., Head, Institute of Digital Education Development,
Moscow Pedagogical State University,
Moscow, Russian Federation,

ov.gordienko@mpgu.su

ORCID: 0000-0002-1450-3413

ЩЕРБАКОВА Людмила Андреевна

кандидат филологических наук, доцент
кафедры теории и истории искусств
Института изящных искусств
Московского педагогического государственного университета,
Москва, Российская Федерация

Ludmila A. SHCHERBAKOVA

Cand. Sci. (Russian Language), Assoc. Prof., Institute of Fine Arts,
Moscow Pedagogical State University,
Moscow, Russian Federation,

la.shcherbakova@mpgu.su

ORCID: 0000-0002-4431-2896

УДК [159.946.3+780.648]:[008:2(4)]-042.2

ГРНТИ 13.09.00

ВАК 24.00.01

DOI: 10.36343/SB.2020.23.3.006

**Свист и свистулька в русской
и европейской религиозной
культуре: опыт сравнительного
анализа**

**Whistling and Whistles in Russian
and European Religious Culture:
A Comparative Analysis**

Цель статьи – анализ феномена свиста и традиции изготовления и использования свистульки в различных религиозных культурах в России и Европе. Отбор материала производился на основании изучения фактов, собранных этнографами, музейных и выставочных каталогов, систематизации данных личной коллекции, а также при посещении авторами публикации российских и европейских центров изготовления свистулек. В работе исследованы данные различных словарей, корпус религиозных текстов, в том числе произведено сравнение разных переводов фрагментов, посвященных свисту. Культурологический и лингвистический анализ позволяют утверждать, что использование свистульки в ходе современных религиозных праздников, как правило, свидетельствует о наложении данной религиозной традиции на древнюю языческую, в том числе на традицию поминовения усопших; дополнительным основанием для распространения использования свистулек в ходе религиозных действий является наличие центра гончарного промысла в данной локации.

Ключевые слова: свист, свистулька, религиозные тексты, религиозное действие, народные верования, священные тексты, праздник, суеверия.

Данное исследование представляет собой опыт сравнительного анализа использования свиста и свистульки в русской и европейской религиозной культуре.

Актуальность и значимость обозначенной темы определяются необходимостью актуализации и сохранения культурного наследия народов России и Европы, укрепления живой связи с многовековыми традициями, являющимися чрезвычайно важными в условиях глобализации, нивелирующей культурные особенности, свойственные этническим сообществам. Следует заметить, что в настоящее время по всему миру происходит активный процесс исчезновения центров гончарного мастерства, в которых производились музыкальные глиняные игрушки; в связи с этим утрачиваются оригинальные традиции и обряды их использования.

Об отношении к свисту в народной культуре имеются некоторые исследования. В энциклопедии «Славянская мифология» [27] есть специальная статья, посвященная свисту; довольно подробно отношение к свисту у славян раскрывается в статье А. А. Плотниковой «О символике свиста» из сборника «Мир звучащий и молчащий: Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян» [22]; существуют и научные исследования свиста у различных народов России, например, работа И. В. Пчеловой «Феномен свиста в календарной традиции удмуртов» [24]; отдельные

описания примет, обрядов, поверий, связанных со свистом, можно найти в изысканиях, непосредственно не посвященных этой проблематике, но затрагивающих ее, например, в диссертации О. В. Санниковой «Польская мифологическая лексика в этнолингвистическом и сравнительно-историческом освещении» [25], в книгах «Нечистики. Свод простонародных в Витебской Белоруссии сказаний о нечистой силе» Н. Я. Никифоровского [19], «Мифы славян» А. В. Гура [13], «Восточнославянские лечебные заговоры в сравнительном освещении. Сюжетика и образ мира» Т. А. Агапкиной [1], в статье М. М. Валенцовой «Способы магического воздействия в традиционной культуре славян: дунуть, плюнуть и сказать» [8] и др.

Между тем исследование свиста и свистульки в религиозном аспекте никем еще не производилось, хотя разрозненных фактов использования свиста и свистулек в различных церемониях, имеющих религиозную направленность, существует достаточно много.

Данная статья ставит своей целью анализ феномена свиста, а также традиций изготовления и использования музыкальной глиняной игрушки в религиозно-обрядовых практиках народов России и Европы.

Основной базой исследования послужили этнографические факты, каталоги музеев и выставок, канонические и апокрифические религиозные тексты, а также материалы различных словарей.

Методология исследования включает компаративный и каузальный анализ религиозного контекста свиста и использования свистульки в народной традиции, обобщение отдельных этнографических фактов, лингвистический анализ религиозных текстов и языковых элементов, имеющих отношение к свисту, наблюдение над современным бытованием свистульки как элемента народной и религиозной культуры на территории России и Европы.

Научное исследование данной проблемы позволит расширить представления о культурных связях народов Западной и Восточной Европы с древних времен, дополнить уже имеющиеся материалы в области так называемой «народной религии» как части исторической антропологии и религиоведения.

Рассмотрим отношение к свисту в славянских и европейских народных культурах и религиозных традициях.

Первоначально в языческие времена свистульки, скорее всего, использовали как магические инструменты – для вызывания в летнюю жару дождя и ветра, отпугивания нечистой силы [2] и т. п. Дуновение ветра воспринималось древними людьми как дыхание богов, их способ коммуникации: «фантазия древних славян сблизжала вой бури и свист ветров с пением и музыкой» [7, с. 8]. Это подтверждают и названия музыкальных инструментов в разных языках. В русском языке от глагола «дуть» образованы дуда, дудка; от «гудеть» – гудок и гусли; от «свистеть» – свистелка, свистулька, свисток. В португальском языке «apito» (буквально «свисток», «свистулька») происходит от корня «-pi-», связанного с резким звуком; слово с тем же значением в итальянском языке называется «fischietto», и оно образовано от существительного «fischio», что означает «шипение»; в сербском «zviždalka» происходит от «zviždati» – «шикать», в чешском «píšťalka» – от «pískat» – «пищать» и т. д.

В традиционной православной культуре свист воспринимается как нарушение покоя, обращение к демоническим силам. А. А. Плотникова в статье «О символике свиста» замечает: «...свист – явление, неизменно связываемое в народных представлениях с призывом зла, лиха, беды, нечистой силы... Свист входит

в совокупность „неправильных“, „нечестивых“ действий, составляющих левую часть оппозиций языческий – христианский, грешный – праведный» [22, с. 295].

В русских апокрифических сказаниях зафиксировано, что свист является грехом, отвращающим от дома лик Богородицы [35, с. 400; 14, с. 277]. Аналогичные верования были у поляков, считавших, что, когда женщина свистит, «...семь костелов сотрясаются, а Богоматерь плачет» [22, с. 295]. Так же считали и румыны: «нехорошо девушке свистеть, потому что Богоматерь будет плакать» [22, с. 296]. В то же время в народной традиции Святая Евдокия получила прозвище «свистунья», так как в начале марта (именины ее приходятся на 1 марта) начинают дуть весенние ветры. В этот день крестьяне говорили: «Приехала свистунья» [2; 29].

Особенно у славян запрещалось свистеть в Страстную пятницу, так как, по одному из суеверий, черти от радости свистели, когда Христос умер [29, с. 176], а про засвистевшего в этот день говорили, что его черти унесут в ад. Еще одно объяснение свисту как греху обнаруживается в апокрифе, повествующем о том, что пока кузнец ковал гвозди для распятия Иисуса Христа, одна из наблюдавших за его работой женщин насвистывала [9].

Священнослужители считали свист одним из признаков языческих культов. Постановлением Владимирского собора 1274 г. осуждаются пережитки языческого прошлого: «Въ божествьныхъ праздьники позоры нѣкакы бесовьскыя творимъ, съ свистаниемъ, и съ кличемъ, и въплемь съзывающе нѣкы скарѣдныя пьяница, и бьющесе дрьколѣмъ до самыя смерти, и възимающе от убиваѣмыхъ порты. На оукоризноу се бываетъ Божиимъ праздьникомъ и на досажение Божиимъ церквамъ» [10, с. 319].

Свист, как и все резкое, страстное, по представлениям христиан, противоречит идеалу христианского благочестия. В Библии свист чаще всего означает выражение презрения и насмешки, например: «И о храме сем высоко всякий, проходящий мимо его, ужаснется, и свистнет, и скажет: «за что Господь поступил так с сею землею и с сим храмом?» (3 Цар. 9:8) [5, с. 372]; «И сделаю город сей ужасом и

посмеянием; каждый, проходящий через него, изумится и посвищет, смотря на все язвы его» (Иер. 19:8) [5, с. 756].

Вероятно, отрицательное отношение к свисту как явлению породило переводческую коллизию, коснувшуюся двух фраз Ветхого Завета: «Я дам им знак и соберу их, потому что Я искупил их; они будут так же многочисленны, как прежде» (Зах. 10:8) [5, с. 919], «И поднимет знамя народам дальним, и даст знак живущему на краю земли, – и вот, он легко и скоро придет» (Ис. 5:26) [5, с. 684]. Интерес представляет тот факт, что в оригинале Масоры, включающей текст еврейского Ветхого Завета, в обеих этих фразах на месте сочетания «дам знак» находится глагол с корнем «קָרַע», означающим «свистеть». В переводах Библии, основывающихся на масоретском тексте, используются слова именно с этим корнем (например, перевод Макария Глухарева, 1860–е гг. [20]; перевод Библии под ред. Кулаковых, выполненный служителями Заокской духовной академии и Библейско-богословского института святого Апостола Андрея, 2015 г. [3]; Библия. Переклад Ивана Хоменко, 1963 г. [36]; Новый русский перевод, выполненный Международным Библейским Обществом, 2006 г. [6] и др.). Есть также переводы, где в одной фразе используются слова с корнем «свист», а в другой – иные слова с корнями, имеющими значение призыва («давать знак», «дать сигнал», «издать звук», «кликать», «возвестить»). Традиция переводов, замещающих «свист» словами со значением призыва, отчасти основывается на «Септуагинте» («Переводе семидесяти толковников») – корпусе древнегреческих переводов Священного Писания, созданном в Александрии в III–I вв. до н. э., где в цитате из Захарии исконное древнееврейское слово «קָרַע» со значением «свистну» заменено на древнегреческое «σημανῶ» со значением «дам знамение, покажу, предвозвещу, дам уразуметь».

Судя по всему, для греков слово «свист» имело отрицательный коннотат, а потому было заменено; при этом разрушенной оказалась важная для исконного текста метафора, часто упоминаемая толкователями, – метафора о пастыре, свистом собирающем своих овец. Вот как это объясняет Иероним Стридонский:

«...свистомъ Своимъ Я соберу ихъ и научу ихъ тому, что Я – пастырь. Ибо Я искупилъ ихъ и освободилъ ихъ отъ плѣна, простерши Свою руку» [33, с. 121].

В цитате из Исаии в Септуагинте сохранилось слово со значением «свистеть», но некоторые переводчики с греческого предпочли осуществить в этом случае такую же замену, какая была произведена в цитате из Захарии. Примечательным представляется тот факт, что подобная замена присутствует в Синодальных переводах разных лет, хотя в Елизаветинской Библии (в переводе с греческого на церковнославянский язык, изданном в 1751 г., более чем за столетие до Синодального перевода) слово со значением свиста сохранено: «Воздвѣгнетъ оубо знаменіе во ізъцѣхъ свѣцихъ далече и позвѣждетъ ѿмъ ѿ конѣцъ земли, и се, скорѣмъ легце грядѣтъ» [4] (глагол «позвѣждетъ» означает «свистнет»).

Интересное замечание делает в своем толковании данной фразы Иоанн Златоуст, который объясняет использование слова «συριεῖ» (букв. «свистнет», слав. «позвиждет») в Книге Пророка Исаии в Септуагинте: «Не удивляйся, что он, говоря о Боге, употребляет такие чувственные выражения; он приспособляет слова к неразумию слушателей (курсив наш. – О. Г. Л. Щ.), желая показать всем этим только то, что это и для Бога легко, и непременно сбудется» [26], невольно подтверждая, что коннотация слова «свист» сниженная.

Имеющиеся данные показывают, что у русских к свисту также было по большей части негативное отношение. Так, в русском языке слова с корнем «свист» часто носят просторечный характер и связаны с обозначением отрицательных человеческих качеств: свистулями (Архангельская и Вологодская губернии [30, с. 301]), свистами и свистѣлками (Брянская область [30, с. 298]) называли женщин легкого поведения; свистахами (Вятская губерния [30, с. 298]) — непоседливых людей; свистунами (Архангельская губерния [30, с. 301]) — обманщиков; свистягами и свистушами (Владимирская область [30, с. 302]), свистодырками (Ярославская губерния) — сплетниц; свистоплясами (Вятская губерния [30, с. 300]) — людей, которые не любят работать; свистушками (Забайкалье

и Олонецкая губерния [30, с. 302]) — непоседливых девушек; свистками (Тверская губерния [30, с. 299]) — насмешников; свистелями (Олонецкая губерния [30, с. 298]), свистуляями (Брянская область [30, с. 300]), свищами (на Севере [30, с. 304]) — пустых людей, тунейцев; свистягами, свистелями, свистунами и свистенями (Вятская и Архангельская губернии [30, с. 302]) — бездельников, которые все имущество промотали (просвистались) и которым осталось только свистеть в кулак или ключ (по В. И. Далю, свистать в кула(чо)к — сидеть без гроша; он также фиксирует поговорку: «Свищи в ключ, у кого замок на пустом амбаре») и есть свистунью или свистуху (по В. И. Далю — жидкая овсянка).

У мусульман свист тоже считается запретным делом (харам). Аллах Всевышний, осуждая молитву многобожников, сказал: «И молитва их у дома была только свистом и хлопанием в ладоши» [32, с. 148].

В иудаизме свист в основном воспринимается негативно, как символ осуждения, но в священных книгах есть и цитаты, показывающие свист как призыв (см. выше цитаты из Книг Пророков Захарии и Исаии).

В иных религиях отношение к свисту не столь отрицательное: древними даосскими монахами свист практиковался как одно из почетных занятий, с его помощью они управляли природными явлениями и разговаривали с духами; колумбийские шаманы, дую в горлышко бутылки («свистящие бутылки») с частотой до 24 тысяч колебаний в секунду, вводили слушателей в состояние транса, в котором те могли говорить с душами умерших.

Необходимо отдельно оговорить свист и использование свистулек в праздники, сопряженные с религиозными событиями. Вероятнее всего, это связано с особым отношением к гончарам. В Книге Пророка Иеремии есть фрагмент, в котором Создатель предстает в образе гончара: «Слово, которое было к Иеремии от Господа: Встань и сойди в дом горшечника, и там Я возведу тебе слова Мои. И сошел я в дом горшечника, и вот, он работал свою работу на кружале. И сосуд, который горшечник делал из глины, развалился в руке его; и он снова сделал из него другой сосуд, какой горшечни-

ку вздумалось сделать. И было слово Господне ко мне: Не могу ли Я поступить с вами, дом Израилев, подобно горшечнику сему? говорит Господь. Вот, что глина в руке горшечника, то вы в Моей руке, дом Израилев» (Иер. 18:1–6) [5, с. 755]. В этом смысле свистулька как побочный продукт деятельности гончаров, изготавливаемый чаще всего в рекламных целях для детей покупателей, тоже приобретает особый смысл. И ее использование не запрещалось церковью даже в религиозные праздники.

Стоит также отметить, что использование свистулек характерно для более ранних языческих традиций. Так, древний обряд, связанный со свистом, проводился с незапамятных времен в российской Вятке (бывшем Хлынове) в четвертую субботу после Пасхи. Назывался этот праздник «Свистопляска» [17]; (более позднее название — «Свистунья» [28, с. 378]). По одним поверьям, это был праздник весны, которую встречали веселым свистом [21, с. 165], по другим — торжество смекалки хлыновцев (когда к городу подошли кочевники, жители подкрались к становищу неприятеля и при помощи глиняных свистулек подняли жуткий свист, напугавший врагов, в страхе бежавших) [21, с. 165]. Существует и третья версия возникновения праздника: это тризна по убитым в ходе «хлыновского побоища» (XIV в.) по ошибке устюжанам, которые пришли на помощь хлыновцам, но были приняты в темноте за врагов и перебиты [15, с. 134] [14, с. 277].

К сожалению, точных данных о появлении и характере праздника до конца XVIII–XIX в. нет. О нем писали Н. Рычков (1770–1772), А. Вештомов (1807), Н. Хитрово (1811), В. Баженов (1817), А. Мартынов (1838), С. Сычугов (1850), В. Лебедев (1989) и др. Описания во многом расходятся, но, как правило, в них присутствуют две части: первая, связанная с проведением панихиды по умершим, и вторая, повествующая о народных гуляниях, во время которых катают с гор глиняные шары и свистят в глиняные свистульки.

И. М. Снегирев в книге «Русские простонародные праздники и суеверные обряды» вятскую Свистопляску описывал следующим образом: «Во время Свистопляски, около надгробной часовни, по праздничному обычаю,

расставляются шатры, продаются особенные, делаемые к этому дню и случаю глиняные лошадки, свистки с погремушками, шарики и разные лакомства. Там тогда ребяташки играют в куклы, беспрестанно свистят, приплясывая или становясь по обе стороны рва, как бы в наступательном положении, бросают друг в друга глиняными шариками, будто в напоминание воинской ошибки предков; свист же есть простонародное выражение промаха. Между тем вплоть до вечера продолжается гуляние вятчан; там поют песни под звуки скрипок и балалаек» [31, с. 63–64].

В книге В. Лебедева «Вятские записки» описывается Свистунья конца XIX – начала XX в.: «...когда попадаешь на площадь и идешь среди свистящей толпы, кажется, что ходишь по воздуху. У всех смеющиеся и какие-то дерзкие лица. Идущие люди бережно держат перед лицом глиняную небольшую игрушку, ценою в три или пять копеек, изображающую двухголового зверя или барана с золотыми пятнами на боках. В хвост этому барану и свистят. Люди, идущие приложив к лицам этих разноцветных зверей, похожи все вместе на громадный пестрый маскарад» [18, с. 53].

Д. К. Зеленин обращает внимание на то, что не только в Вятке, но и в других русских областях игрушки-свистульки выступали частым атрибутом поминальных обрядов-праздников [15, с. 134–135, 139]; это, возможно, объясняется поверьем о том, что души усопших издают звуки, подобные свисту, эти же звуки, якобы, способны отпугивать их самих [23, с. 241].

Праздничный свист иногда находил отражение и в ономастике – например, название села Никола-Дудник Ростовского уезда Ярославской губернии объяснялось следующим образом: «Село Никола-Дудникъ получило это имя отъ слѣдующей причины: на бывавшей прежде 9 мая ярмаркѣ преимущественно продались глиняныя дудки, которыя каждый богомолецъ обязательно покупалъ для своихъ дѣтей. Причиною образовавшейся тутъ въ древности ярмарки были чудотворные кресты, снесенные туда различными князьями и боярами» [34, с. 171–172].

Таким образом, «веселые праздники» [11, с. 30], которые сопровождались шумом

и свистом, имели характер отпугивания злых сил и были жизнеутверждающим феноменом.

Праздники с использованием шумопродувающих инструментов и свистулеч не были особенностью только русских. Такие же обычаи были зафиксированы вплоть до 1970-х гг., например, у французов. Они были связаны с обрядами зимнего солнцестояния, когда, по поверьям, считалось, что злые духи временно завладевают землей, поэтому необходимо их изгнание шумом и свистом.

В Страстную пятницу в Бургундии дети с шумелками, свистульками и погремушками отправлялись на так называемую «Прогулку по тьме» [42] (обряд, призванный изгнать злые силы).

В Андалусии (Испания) свистульки нашли свое место в католическом богослужении: на празднике явления головы Пресвятой Богородицы используются специально к этому дню сделанные свистульки (Фото 1). В г. Алькой (Испания) шествие со свистульками даже имеет собственное название – «D'els xiulitets» («свистки» на каталонском языке).

Глиняные свистульки, имитирующие пение птиц (как правило, «водяные соловьи») иногда использовались непосредственно во время религиозных служб – они звучали в церквях во время мессы, вокруг вертепов и рождественских шествиях. Например, в Испа-

Фото 1. Свистульки из Андалусии (Испания), изготовленные к празднику явления головы Пресвятой Богородицы (фото авторов)

нии «cantiret» (свист из водяных свистулек) сопровождал танцы и пение, которые проходили перед рождественским вертепом [41, р. 17]. Иногда свистульки могут как атрибуты присутствовать в самом вертепе: например, в 2019 г. в Брюсселе на выставке рождественских вертепов в Соборе Святых Михаила и Гудулы вертепе из Гватемалы нами были обнаружены две свистульки в форме птиц.

В Каталонии (Испания) проводится несколько религиозных шествий, во время которых используются свистульки. На Страстной неделе рано утром проходит процессия *Xiulitets* (шествие со свистульками). В четверг, следующий за Днём Святой Троицы, проходит процессия *Corpus Christi* (крестный ход в честь почитания Тела и Крови Христа, введенный в XIII в.), после которой проводится народный карнавал, сопровождаемый звуками свистулек.

На Майорке (Испания) тоже существовал целый ряд традиций, связанных с использованием свистулек во время богослужения. Например, в процессе «*Cant de la Sibilla*» (литургическая драма и Григорианские песнопения, тексты которых составляют пророчества, описывающие Апокалипсис) использовались свистульки-соловьи [39]; также существовал обычай «*la Missa del Gall*» (Петушиная месса): в полночь или незадолго до Рождества во многих церквях из клеток, находившихся прямо в здании церкви, выпускали птиц, чтобы они возвестили о рождении Христа. Со временем живых птиц заменили глиняные свистульки.

Вместо живых птичек использовали свистульки и в Провансе (Франция): описывая один из старейших фестивалей региона, так называемый «*Du Roitelet*» (птица-королек), Л. Бодуэн в своей книге об истории коммуны Сен-сюр-Мер указывал, что накануне Рождества молодые люди ловили королька, привязывали его к концу шеста и несли к полночной мессе. Во время службы птичку торжественно передавали священнику, который давал ей свободу; освобожденная счастливая пташка свободно летала под высокими сводами приходской церкви [37]. Постепенно этот обычай исчез, но как его отголосок осталась традиция свистеть в небольшие глиняные свистульки в

виде птичек во время мессы, а также включать в органную музыку звуки соловьиных трелей.

На Мальте еще в 1930–1960-е гг. пение рождественских колядок сопровождалось свистом из водяных свистулек. Есть свидетельства такого использования и в Словакии.

В Чехии во время полночной рождественской мессы, когда священник объявлял: «Христос родился», в церкви раздавались радостные звуки, имитирующие пение птиц. Использовались «*slavíček*» (свистулька в виде соловья) и «*zezulka*» (большая свистулька) [43, р. 81].

Большой интерес представляют фигурки со свистками в форме святых, которые до сих пор изготавливают в г. Кальтарджероне на Сицилии (Италия) [12, с. 50]. Это образы Христа, Богородицы и особо почитаемых святых (апостола Фомы, Франциска Ассизского, Георгия, Екатерины, Розалии и др.) с вмазанными сзади свистками (Фото 2).

Интересные свидетельства использования свистулек дают литературные материа-

Фото 2. Фигурки со свистками в виде святых, изготавливаемые в г. Кальтарджероне на Сицилии (Италия) (фото авторов)

лы паломнических поездок. Многие паломничества, связанные со свистульками, считаются одними из самых древних: паломничество к Деве Марии (la Romería de la Virgen de la Cabeza) в Андухаре (Испания), паломничество в аббатство Девы Марии (Máriagyűdi) в Венгрии и т. д.

Свистульки часто привозили из паломничеств к святым местам в подарок детям или как память о самой поездке. Например, для ежегодного паломничества к Святому Бруно в церковь Эсельстат («остановка осла») рядом с г. Кверфурт (Германия) покупали забавную глазурованную свистульку в виде Святого Бруно верхом на осле; вместо хвоста у осла были две свистульки: свисток, расположенный справа, символизировал путь божественного духа, а свисток-пустышка слева – путь Сатаны (если в него подуть, в лицо свистящему из отверстия в спине святого вылетала насыпанная туда ранее мука или сажа). Эти свистки-пустышки называются в Германии Rußteufel («дьявольская сажа»), Rußpfeife («свисток с сажей») или Mehlpfeife («мучной свисток»). Происхождение этой забавы связано со старой немецкой легендой о святом Бруно, в которой говорится о появлении таких игрушек в X в.: Бруно Кверфуртский услышал о тяжелой судьбе христианских священников в Пруссии и решил помочь им, обратив язычников в христианство. Он отправился туда в Пасхальный понедельник на осле в сопровождении своих братьев Буркхардта и Гебхарта. В Кверфурте осел Бруно внезапно остановился и не мог более пошевелиться. Братья пришли к выводу, что это путешествие против божественной воли и решили вернуться в замок Кверфурт. Бруно стал им возражать, говоря, что это происки Сатаны. Он продолжил свое путешествие в Пруссию, где был схвачен язычниками и предан смерти. В его память братья построили церковь на том месте, где осел остановился, и назвали эту церковь Stätte des Esels («Остановка осла»), а гончары стали изготавливать свистульки с двумя свистками, один из которых олицетворял правильный путь, а другой – отступничество, которое каралось попаданием в нелепую ситуацию (человек, обсыпанный мукой или сажой, подвергался всеобщему осмеянию). Ря-

дом с Stätte des Esels открывалась ярмарка, на которой традиционно продавались корзины, наполненные посудой из фаянса, а также свистульками-всадниками в зеленой глазури. Такие свистульки и сегодня производятся, и их можно купить как сувенир в магазине при музее крепости г. Кверфурт (Фото 3).

Ярмарками, на которых продавались детские свистульки, сопровождалось большинство религиозных праздников не только в Германии, но и в ряде других стран Европы, например, во Франции и Польше. В Кракове (Польша) до сих пор существует обычай в пасхальные дни ставить на площади Звезинец за Дембицким мостом палатки и лотки, в которых идет бойкая торговля свистульками [16, с. 213]. В г. Канове-ди-Роана (Италия) в день святого Марка тоже проходит ярмарка, на которой продают свистульки. Использование свистулек на этих фестивалях имеет очень глубокие корни: это явное наложение нового понимания на предыдущие языческие обряды. Наличие ярмарок свистулек в праздники

Фото 3. Свистулька в виде всадника (г. Кверфурт, ФРГ) (фото авторов)

по всей Европе без конкретного религиозного объяснения подтверждает их дохристианское происхождение.

В книге «Легенды Флориваля, или Немецкая мифология в долине Эльзаса» («*Légendes du Florival ou la Mythologie allemande dans une vallée d'Alsace*»), выпущенной в 1866 г. аббатом С. Брауном, следующим образом описывается празднование дня святого Гангольфа: «...позади часовни рядом с объектами благочестия разворачивается ярмарка, на которой продается особенно много свистулек в виде кукушек и сов, наваленных кучей в корзинах. Но вскоре кукушки и совы исчезнут, как будто они улетели. Они будут радовать, по крайней мере, несколько дней всех детей страны; тот, кто возвращается с праздника святого Гангольфа, должен, как хороший паломник, вернуться домой хотя бы с одной кукушкой и совой» [38, p. 119].

В Люксембурге праздник Эмешен (*Emaischen*) и праздник гончаров совпадают, они отмечаются в один день – Пасхальный понедельник. В этот день традиционно проходят ярмарки с продажей свистулек. До настоящего времени тысячи людей приходят на ярмарку, чтобы купить в подарок себе или друзьям маленькую глиняную свистульку ручной работы – «пеквельхер» (*Péckvillercher*). Такое же совпадение отмечается и во Франции. В Сен-Лье-Лафенас на Тарне (*Saint-Lieux-Lafenasse dans le Tarn*) на следующий день после Пасхи проводится фестиваль «Кукушка» (*Du soucut*) [40, p. 156].

Некоторые из таких праздников, доживших до наших дней, имеют специфическое название, например, «Ярмарка свистулек» («*Neugo dous chioulets*») в день паломничества святого Серата в Симорре (Франция).

Подводя итог, необходимо отметить, что использование свистулек во время праздников или их продажа на ярмарках, сопровождавших праздники, воспринимались не как непотребство, нарушение благочестия, а как очистительный ритуал.

При этом важно подчеркнуть, что даже когда речь идет о церковных праздниках, не стоит воспринимать свист и свистульку как религиозные атрибуты. Безусловно, традиция использования свистулек имеет под собой на-

громождение различных пластов, причем каждая эпоха вносит в эти ритуалы свои обычаи и символику.

Из наиболее важных моментов необходимо выделить следующие:

во-первых, многие из современных религиозных праздников, а также связанных с ними ярмарок, на которых осуществляется продажа свистулек, наложились на древние дохристианские традиции;

во-вторых, из всех языческих традиций, в которых задействован свист, одними из самых ярких и хорошо сохранившихся являются обряды, связанные с поминовением усопших (считается, что души умерших производят звуки, подобные свисту); официальная религия противодействовала подобным языческим обрядам и даже пыталась запрещать их;

в-третьих, включение элементов свиста, а также особая популяризация свистульки как атрибута религиозного действия, как правило, связано с местом, в котором развит гончарный промысел и проводятся гончарные ярмарки;

в-четвертых, систематизация и обобщение эпизодов появления свиста и свистульки как религиозных атрибутов представляются достаточно сложными; как правило, исследователи связывают появление свиста в отправлении религиозного культа с календарем древних аграрных обрядов, прежде всего, с наступлением весны и весенними работами; однако праздники с использованием свистулек распределены в Европе по всему календарному году и лишь одна дата является в этом смысле общей для многих европейских стран – Рождество (использование свиста и свистулек во время полуночной мессы, когда священник возвещает о рождении Христа).

Полученные результаты работы определяют личный вклад авторов в исследование заявленной в заглавии темы, который заключается, прежде всего, в первоначальной постановке проблемы использования свиста и свистулек в религиозно-обрядовой традиции народов России и Европы. При этом данная статья является лишь попыткой обобщения обширного фактического материала и не ис-

черпывает всей проблематики использования свиста и свистульки в религиозных и приближенных к ним обрядах на территории России и Европы. Перспективы исследования связа-

ны, в первую очередь, с анализом отдельных образов свистулек, используемых в религиозных обрядах, в том числе образов святых и нечистой силы.

Oxana V. GORDIENKO

Cand. Sci. (Theory and Methods of Teaching and Upbringing),
Assoc. Prof., Head, Institute of Digital Education Development,
Moscow Pedagogical State University,
Moscow, Russian Federation,
ov.gordienko@mpgu.su
ORCID: 0000-0002-1450-3413

Ludmila A. SHCHERBAKOVA

Cand. Sci. (Russian Language), Assoc. Prof., Institute of Fine Arts,
Moscow Pedagogical State University,
Moscow, Russian Federation,
la.shcherbakova@mpgu.su
ORCID: 0000-0002-4431-2896

Whistling and Whistles in Russian and European Religious Culture: A Comparative Analysis

Abstract. The aim of the research is to analyze the phenomenon of whistling and the tradition of making and using whistles in various religious cults in Russia and Europe. The material for the research was selected based on facts collected by Russian and European ethnographers, on museum and exhibition catalogs, and on empirical practice (the authors' visits to Russian and European whistle-producing centers, analysis and systematization of data from a personal collection). The research methodology includes a comparative and causal analysis of the religious context of whistling and the use of whistles in the folk tradition, generalization of certain ethnographic facts, linguistic analysis of religious texts and linguistic elements related to whistling. The authors examined the data of dictionaries, including etymological ones, and a corpus of religious texts; compared various translations of fragments devoted to whistling. They analyzed folk beliefs and the views of the Orthodox Church prevailing in Eastern Europe on whistling and studied the features of the use of whistling and whistles in the religious culture of the peoples of Western Europe (the Spaniards and the Catalans, the Belgians, the French, the Maltese, etc.). The authors focused on examining the materials of the pilgrimage trips from which whistles were brought. The analysis of various translations of the Bible has shown the presence of two main translation traditions: the first goes back to the Masoretic texts (demonstrating the heritage of Jewish culture, in which whistling is not perceived sharply negatively); and the second to the Septuagint (showing the perception of whistling as a phenomenon associated almost exclusively with evil spirits, and therefore having no right to appear in the sacred text). Contemporary Christian culture in different regions of Europe uses both of the above traditions; in the Russian religious culture, based on the Greek, whistling when performing a religious cult is unacceptable. This explains the possibility of using whistles and whistling in European acts of worship as one of their rather organic elements, as well as the possibility of accompanying religious holidays with pottery fairs, of which the sale of whistles is an integral part. The authors have established that the use of a whistle during modern religious holidays testifies to the overlap of this tradition with the ancient pagan one, including the tradition of commemorating the deceased. It is only in this case that the use of whistling is possible in Russian culture. An additional reason for the spread of the use of whistles during religious activities in Europe is the presence of a pottery center in the location.

Keywords: whistling, clay whistle, religious texts, religious ceremony, pagan beliefs, sacred texts, religious holidays, superstitions.

Использованная литература:

1. Агапкина Т. А. Восточнославянские лечебные заговоры в сравнительном освещении. Сюжетика и образ мира. М.: Индрик, 2010.
2. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу: в 4-х т. М.: Современный писатель, 1995. Т. 1.
3. Библия – Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета в современном русском переводе / Под ред. М. П. Кулакова и М. М. Кулакова. М.: Издательство ББИ, 2015. [Электронный ресурс] // Библия онлайн. URL: <https://bible.by> (дата обращения: 12.05.2020).
4. Библия сиречь книги Священного писания Ветхого и Нового Завета. СПб.: б. и., 1751.
5. Библия. Синодальный перевод. М.: Российско-библейское общество, 2009.
6. Библия. Новый русский перевод «Слово Жизни». Нью-Йорк: Международное библейское общество Biblica / Biblica, Inc. [Электронный ресурс] // Библия онлайн. URL: <https://bible.by> (дата обращения: 12.05.2020).
7. Бычков В. Н. Музыкальные инструменты. М.: АСТ-ПРЕСС, 2000.
8. Валенцова М. М. Способы магического воздействия в традиционной культуре славян: дунуть, плюнуть и сказать // Образ человека в языке и культуре. М.: М.: Индрик, 2018. С. 259–275. DOI: 10.31168/2619-0834.
9. Виленов В. Призрак на палубе. М.: Вече, 2010.
10. Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в Древней Руси: в 2-х т. Т. 1. Харьков: Епархиальная типография, 1916.
11. Глушков И. Топографо-статистическое и этнографическое описание города Котельнича // Записки Императорского Русского Географического общества. 1862. Кн. 1. С. 1–105.
12. Греков А. У. Искусство западноевропейской игрушки. Сергиев посад: Русский фейерверк, 2006.
13. Гура А. В. Мифы славян. М.: Индрик, 2000.
14. Забылин М. Русский народ: его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М.: Автор, 1992. (Репринтное воспроизведение издания 1880 г.).
15. Зеленин Д. К. Избранные труды. Очерки русской мифологии. М.: Индрик, 1995.
16. Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Конец XIX – начало XX в.: в 4-х т. / Отв. ред. С. А. Токарев. М.: Наука, 1977. Т. 2. Весенние праздники.
17. Коршунков В. А. Свистопляска // Энциклопедия земли Вятской: в 10-ти т. / Сост. В. А. Поздеев. Киров: Вятка, 1998. Том 8: Этнография, фольклор. С. 341–362.
18. Лебедев В. В. Вятские записки. Л.: Издательство писателей, 1933.
19. Никифоровский Н. Я. Нечистики. Свод простонародных в Витебской Белоруссии сказаний о нечистой силе. Вильна: Типо-Литография Товарищества п. ф. «Н. Маць и К^о», 1907.
20. Опыт переложения на русский язык Священных Книг Ветхого Завета архим. Макария Глухарева (с масоретского текста). [Электронный ресурс] //

References:

1. Agapkina, T.A. (2010) *Vostochnoslavjanskije lecebnye zagovory v sravnitel'nom osveshchenii. Syuzhetika i obraz mira*. [East Slavic Healing Spells in Comparison. Plots and Image of the World]. Moscow: Indrik.
2. Afanas'ev, A.N. (1995) *Poeticheskie vozzreniya slavyan na prirodu: v 4 t.* [Poetic Views of the Slavs on Nature: In 4 Vols]. Vol. 1. Moscow: Sovremennyy pisatel'.
3. Kulakov, M.P. & Kulakova, M.M. (ed.) (2015) *Bibliya - Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta v sovremennom rusском perevode* [The Bible: Books of the Holy Scriptures of the Old and New Testaments in Modern Russian Translation]. Moscow: Izdatel'stvo BBI. [Online] Available from: <https://bible.by/bti/38/1/>; <https://bible.by/bti/23/5/>. (Accessed: 12.05.2020).
4. *Bibliya sirech' knigi Svyashchennogo pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta* [The Bible That Is the Holy Scriptures of the Old and New Testaments] (1751). Saint Petersburg: [s.n.].
5. *Bibliya. Sinodal'nyy perevod* [The Bible. Synodal translation] (2009). Moscow: Rossiysko-bibleyskoe obshchestvo.
6. *Bibliya. Novyy russkiy perevod "Slovo Zhizni"* [The Bible. The New Russian Translation "The Word of Life"] (2014). New York: Biblica, Inc. [Online] Available from: <https://bible.by>. (Accessed: 12.05.2020).
7. Bychkov, V.N. (2000) *Muzykal'nye instrumenty* [Musical Instruments]. Moscow: AST-PRESS.
8. Valentsova, M.M. (2018) *Sposoby magicheskogo vozdeystviya v traditsionnoy kul'ture slavyan: dunut', plyunut' i skazat'* [Methods of Magical Influence in the Traditional Culture of the Slavs: Blow, Spit, and Say]. In: Tolstaya, S.M. (ed.) *Obraz cheloveka v yazyke i kul'ture*. Moscow: Indrik. pp. 259–275. DOI: 10.31168/2619-0834
9. Vilenov, V. (2010) *Prizrak na palube* [A Ghost on the Deck]. Moscow: Veche.
10. Gal'kovskiy, N.M. (1916) *Bor'ba khristianstva s ostatkami yazychestva v drevney Rusi: v 2 t.* [The Struggle of Christianity with the Remnants of Paganism in Ancient Russia: In 2 Vols]. Vol. 1. Kharkiv: Eparkhial'naya tipografiya.
11. Glushkov, I. (1862) *Topografo-statisticheskoe i etnograficheskoe opisaniye goroda Kotel'nicha* [Topographic, Statistical and Ethnographic Description of the Kotelnich Town]. *Zapiski Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo obshchestva*. 1. pp. 1–105.
12. Grekov, A.U. (2006) *Iskusstvo zapadno-evropeyskoy igrushki* [The Art of Western European Toys]. Serгиеv Posad: Russkiy feyerverk.
13. Gura, A.V. (2000) *Mify slavyan* [Myths of the Slavs]. Moscow: Indrik.
14. Zabylin, M. (1992) *Russkiy narod: ego obychai, obryady, predaniya, sueveriya i poeziya* [The Russian People: Their Customs, Rituals, Traditions, Superstitions, and Poetry]. Moscow: Avtor.
15. Zelenin, D.K. (1995) *Izbrannye trudy. Ocherki russkoy mifologii* [Selected Works. Essays on Russian Mythology]. Moscow: Indrik.

Русский портал. URL: <http://biblia.russportal.ru/index.php?id=masor.macar> (дата обращения: 12.05.2020).

21. Осетров Е. И. Живая Древняя Русь. М.: Просвещение, 1976.

22. Плотникова А. А. О символике свиста // Мир звучащий и молчащий: Семиотика звука и речи в традиционной культуре славян. М.: Индрик, 1999. С. 73–84.

23. Плотникова А. А. Южные славяне в балканском и общеславянском контексте: Этнолингвистические очерки / Отв. ред. С. М. Толстая. М.: Ин-т славяноведения Рос. акад. наук, 2013.

24. Пчеловодова И. В. Феномен свиста в календарной традиции удмуртов // Ритмы и голоса природы в музыке: Сб. статей. Вып. 3 / Ред.-сост.: И. А. Чудинова, А. А. Тимошенко. СПб.: Рос. ин-т ист. искусств, 2011. С. 80–84.

25. Санникова О. В. Польская мифологическая лексика в этнолингвистическом и сравнительно-историческом освещении: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1990.

26. Святитель Иоанн Златоуст. Собрание сочинений: в 12-ти т. Почаев: Свято-Успенская Почаевская Лавра, 2005. Т. 6. Беседы на пророка Исаию.

27. Славянская мифология. Энциклопедический словарь. Изд. 2-е. / Отв. ред. С. М. Толстая. М.: Международные отношения, 2002.

28. Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти тт. / Под общей ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 1999. Т. 2. Д - К (Крошки).

29. Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5-ти т. / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2012. Т. 5: С (Сказка) – Я (Ящерица).

30. Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Сороколетов. СПб.: Наука, 2002. Выпуск 36: С – Свяковать.

31. Снегирев И. М. Русские простонародные праздники и суеверные обряды. Вып. 3. М.: Университетская типография, 1838.

32. СУРА 8: «Добыча»: 35 // Коран / Пер. И. Ю. Крачковского. Ростов н/Д: Феникс, 2009.

33. Творения блаженного Иеронима Стридонского / Библиотека Творений Св. Отцов и Учителей Церкви Западных, издаваемая при Киевской Духовной Академии. Киев: Тип. И. И. Горбунова, 1900. Ч. 15: Толкования на пророков Захарию и Малахию.

34. Титов А. А. Ростовский уезд Ярославской губернии (историко-археологическое и статистическое описание с рисунками и картой уезда). М.: Синодальная типография, 1885.

35. Чулков М. Д. Абевера русских суеверий. М.: Книга по требованию, 2011.

36. Святе Письмо Старого і Нового Завіту, Римська Біблія, Біблія перекладу Хоменка. [Electronic Resource]. URL: <https://bible.by/ubh/38/10/> и <https://bible.by/ubh/23/5/> (access date: 12.05.2020).

37. Baudoin L. Histoire Generale De La Seyne-Sur-Mer. Marseille: L'imprimerie Saint-Victor, 1965.

38. Braun C. Légendes du Florival ou la Mythologie allemande dans une vallée d'Alsace. Guebwiller: Typographie J. B. Jung, 1866.

39. Fes Ta Festa. [Electronic Resource]. URL: <http://festafesta.net/?p=9656> (access date: 12.05.2020).

16. Tokarev, S.A. (ed.) (1977) *Kalendarnye obychai obryady v stranakh zarubezhnoy Evropy. Vesennye prazdniki. Konets XIX – nachalo XX veka: v 4-kh t.* [Calendar Customs and Rites in the Countries of Foreign Europe. Late 19th – Early 20th Centuries: In 4 Vols]. Vol. 2. Moscow: Nauka.

17. Korshunkov, V.A. (1998) *Svistoplyaska*. In: Pozdeev, V.A. *Entsiklopediya zemli Vyatskoy: v 10-ti t.* [The Encyclopedia of the Land of Vyatka: In 10 Vols]. Vol. 8. Kirov: Vyatka. pp. 341–362.

18. Lebedev, V.V. (1933) *Vyatskie zapiski* [Vyatka Notes]. Leningrad: Izdatel'stvo pisateley.

19. Nikiforovskiy, N.Ya. (1907) *Nechistiki. Svod prostonarodnykh v Vitebskoy Belorussii skazaniy o nechistoy sile* [Nechistiki. A Set of Folk Tales about Evil Spirits in Vitebsk]. Vilna: Tipo-Litografiya Tovarishchestva p.f. "N. Mats" i K^o.

20. Russkiy Portal. (n.d.) *Opyt pereložheniya na russkiy yazyk Svyashchennykh Knig Vetkhogo Zaveta arkhim. Makariya Glukhareva (s masoretskogo teksta)* [The Experience of Translating the Sacred Books of the Old Testament by Archimandrite Makarii Glukharev into Russian (From the Masoretic Text)]. [Online] Available from: <http://biblia.russportal.ru/index.php?id=masor.macar> (Accessed: 12.05.2020).

21. Osetrov, E.I. (1976) *Zhivaya Drevnyaya Rus'* [The Living Ancient Russia]. Moscow: Prosveshchenie.

22. Plotnikova, A.A. (1999) *O simbolike svista* [On the Symbolism of Whistling]. In: Tolstaya, S.M. (ed.) *Mir zvuchashchiy i molchashchiy: Semiotika zvuka i rechi v traditsionnoy kul'ture slavyan* [The World of Sound and Silence: Semiotics of Sound and Speech in the Traditional Culture of the Slavs]. Moscow: Indrik. pp. 73–84.

23. Plotnikova, A.A. (2013) *Yuzhnye slavyane v balkanskom i obshch斯拉вянском kontekste: Etnolingvisticheskie ocherki* [Southern Slavs in the Balkan and Common Slavic Context: Ethnolinguistic Essays]. Moscow: ISL RAN.

24. Pchelovodova I.V. (2011) *Fenomen svista v kalendarной traditsii udmurtov* [The Phenomenon of Whistling in the Calendar Tradition of the Udmurts]. In: Chudinova, I.A. & Timoshenko, A.A. (eds) *Ritmy i golosa prirody v muzyke* [Nature's Rhythms and Voices in Music]. Vol. 3. Saint Petersburg: Russian Institute of Art History. pp. 80–84.

25. Sannikova, O.V. (1990) *Pol'skaya mifologicheskaya leksika v etnolingvisticheskom i sravnitel'no-istoricheskom osvshchenii* [Polish Mythological Lexicon in Ethnolinguistic and Comparative-Historical Coverage]. Abstract of Philology Cand. Diss. Moscow.

26. John Chrysostom. (2005) *Sobranie sochineniy: v 12 t.* [Collected Works: In 12 Vols]. Vol. 6. Pochaev: Svyato-Uspenskaya Pochaevskaya Lavra.

27. Tolstaya, S.M. (ed.) (2002) *Slavyanskaya mifologiya. Entsiklopedicheskiy slovar'* [Slavic Mythology. An Encyclopedic Dictionary]. 2nd ed. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.

28. Tolstoy, N.I. (ed.) (1999) *Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar': v 5 vol.* [Slavic Antiquities: an Ethnolinguistic Dictionary: In 5 vol.]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. Vol. 2.

29. Tolstoy, N.I. (ed.) (2012) *Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheskiy slovar': v 5 vol.* [Slavic Antiquities:

40. Jalby R. *Le Folklore du Languedoc*. Paris: G. P. Maisonneuve et Larose, 1971.
41. Piangerelli P. *La terra, il fuoco, l'acqua, il soffio. La collezione dei fischietti di terracotta del Museo Nazionale delle Arti e Tradizioni Popolar*. Roma: Edizioni de Luca, 1995.
42. Sifflets en terre. [Electronic Resource]. URL: <http://www.sifflets-en-terre-cuite.org> (access date: 12.05.2020).
43. Tykač J. Hrnčíři v České Třebové // *Národopisný Věstník Československý, Revue d'ethnographie Tchecoslovaque*. Praha: V Praze, 1913. Ročník VIII.
- An Ethnolinguistic Dictionary: In 5 Vols]. Vol. 5. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
30. Sorokoletov, F.P. (ed.) (2002) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian Folk Dialects]. Vol. 36. Saint Petersburg: Nauka.
31. Snegirev, I.M. (1838) *Russkie prostonarodnye prazdniki i suevernye obryady* [Russian Folk Holidays and Superstitious Rituals]. Vol. 3. Moscow: Universitetskaya tipografiya.
32. *Koran. SURA 8: "Dobycha": 35* [Quran. SURAH 8: The Spoils of War: 35] (2009). Rostov-on-Don: Feniks.
33. Jerome of Stridon. (1900) *Tvoreniya blazhennogo Ieronima Stridonskogo* [Works of the Blessed Jerome of Stridon]. Part 15. Kyiv: Tip. I. I. Gorbunova.
34. Titov, A.A. (1885) *Rostovskiy uezd Yaroslavskoy gubernii (istoriko-arkheologicheskoe i statisticheskoe opisaniye srisunkami i kartoy uezda)* [Rostov Uyezd of Yaroslavl Province (Historical, Archaeological and Statistical Description with Drawings and a Map of the Uyezd)]. Moscow: Sinodal'naya tipografiya.
35. Chulkov, M.D. (2011) *Abevega russkikh sueveriy* [The ABC of Russian Superstitions]. Moscow: Kniga po Trebovaniyu.
36. *Svyate Pis'mo Starogo i Novogo Zavitu, Rims'ka Bibliya, Bibliya perekladu Khomenka* [The Holy Scriptures of the Old and New Testaments, the Roman Bible, and the Bible Translated by Khomenko]. [Online] Available from: <https://bible.by/> (Accessed: 12.05.2020).
37. Baudoin, L. (1965) *Histoire Generale De La Seyne-Sur-Mer* [General History Of The Seyne-Sur-Mer]. Marseille: L'imprimerie Saint-Victor. [Online] (In French).
38. Braun, C. (1866) *Légendes du Florival ou la Mythologie allemande dans une vallée d'Alsace* [The Legends of the Florival or German Mythology in a Valley of Alsace]. Guebwiller: Typographie J. B. Jung.
39. Fes Ta Festa. (2013) *Rossinyol* [A Vessel Flute]. [Online] Available from: <http://festafesta.net/?p=9656> (Accessed: 12.05.2020).
40. Jalby, R. (1971) *Le Folklore du Languedoc* [The Folklore of Languedoc]. Paris: G.P. Maisonneuve et Larose.
41. Piangerelli, P. (1995) *La terra, il fuoco, l'acqua, il soffio. La collezione dei fischietti di terracotta del Museo Nazionale delle Arti e Tradizioni Popolar* [The Earth, the Fire, the Water, the Air. The Collection of Terracotta Whistles of the National Museum of Popular Arts and Traditions]. Roma: Edizioni de Luca.
42. *Sifflets en terre cuite* [Clay Whistles]. [Online] Available from: <http://www.sifflets-en-terre-cuite.org> (Accessed: 12.05.2020).
43. Tykač, J. (1913) Hrnčíři v České Třebové [Potters in Cheska Trshebova]. *Národopisný Věstník Československý, Revue d'ethnographie Tchecoslovaque*. VIII. Prague: V Praze.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Гордиенко, О. В. Свист и свистулька в русской и европейской религиозной культуре: опыт сравнительного анализа / О. В. Гордиенко, Л. А. Щербакова // *Наследие веков*. – 2020. – № 3 – С. 83–95. DOI: 10.36343/SB.2020.23.3.006

Full bibliographic reference to the article:

Gordienko, O.V. & Shcherbakova, L.A. (2020) Whistling and Whistles in Russian and European Religious Culture: A Comparative Analysis. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 3. pp. 83–95. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2020.23.3.006

КАНАТЬЕВА Наталья Сергеевна

кандидат биологических наук, магистр истории,
доцент кафедры мировой экономики и финансов
Астраханского государственного университета
Астрахань, Российская Федерация

Natalya S. KANATYEVA

Cand. Sci. (Hydrobiology), M. Sci. (History), Assoc. Prof.,
Astrakhan State University,
Astrakhan, Russian Federation,
nessy71@mail.ru

УДК 296.6-054.7(470.46):[93/94:159.953](569.4+470)
ГРНТИ 03.23.55
ВАК 24.00.01

DOI: 10.36343/SB.2020.23.3.007

**Эмигранты-субботники
из Астраханской губернии
в исторической памяти
современного Израиля и России:
восприятие и интерпретация**

**The Subbotnik Emigrants
from Astrakhan Province
in the Historical Memory of Modern
Israel and Russia:
Perception and Interpretation**

В статье определены особенности восприятия и интерпретации наследия эмигрантов-субботников из Астраханской губернии в исторической памяти наших современников, проживающих в Израиле и России. Применены идеографический, сравнительно-исторический и ретроспективный методы, а также метод опроса. Материалами явились статьи православных миссионеров XIX в., современные научные исследования, записи и комментарии в сетевых дневниках и результаты проведенного автором интернет-опроса. Реконструирована биография одного из пионеров движения халуцим¹, Йоава Дубровина, выявлены различные аспекты восприятия его личности нашими современниками, охарактеризована степень известности И. Дубровина в современном Израиле и среди членов еврейской общины Астрахани, определено его значение в создании образа первопроходцев и в современном культурном наследии страны. Автор заключает, что имя Дубровина и других иудействующих не известно большинству респондентов, однако отмечен интерес к «халуцим с русским лицом».

Ключевые слова: сектантство, субботники, иудействующие, геры, эмиграция, Земля Обетованная, Израиль, халуцим.

¹ Халуцим (ивр. חלוצים – пионеры, первопроходцы) – «активисты заселения и освоения Эрец-Исраэль» [13].

Одной из явных тенденций развития современной цивилизации является стремление различных общностей к культурному обособлению, что можно объяснить неразрешенными противоречиями, возникшими в ходе развертывания процессов глобализации. Осознание уникальности собственного наследия, самостоятельное определение путей дальнейшего развития, выявление идентифицирующих отличий, безусловно, важны для обеспечения устойчивой эволюции любой культуры, однако в поисках самобытности не стоит забывать и о моментах, относящихся к системе связей с другими культурными общностями. В связи с этим представляется, что исследования, нацеленные на поиск и выявление устойчивых культурных контактов между различными этническими и религиозными группами, обладают значительной общественной важностью, поскольку содействуют налаживанию дружественных отношений с народами зарубежных стран, являются своеобразными точками соприкосновения подчас очень непохожих друг на друга культур.

Феномен существования в досоветской России религиозных движений, участники которых, являясь русскими по этнической принадлежности, исповедовали периферийные варианты иудаизма, представляет собой живой, яркий и интересный во всех смыслах пример взаимодействия, казалось бы, совершенно различных культурных пространств. Русские геры и субботники, в XIX в. в основном тайно исповедовавшие свою веру, проживали во многих регионах России, однако главные их центры находились на Юге страны, в том числе и в Астраханской губернии.

Исследование роли русских эмигрантов-иудействующих из астраханских центров субботничества в социальной жизни еврейских общин Палестины в первой половине XX в. будет способствовать не только возрождению интереса к движению халуцим и его лидерам, но и укреплению межнациональных и межконфессиональных связей между Россией и Израилем.

Заявленной теме посвящен достаточно узкий круг исследований. Прежде всего это работы православных миссионеров (И. Саввинский [8], М. Тифлов [10]), из-за своей

явной фактографичности обладающие, скорее, характеристиками исторических источников. Особенности идеологии астраханских субботников, связанные со стремлением к переезду в Палестину, рассмотрены А. Л. Львовым [5] и Т. В. Хижей [13]. Следует заключить, что историографическая ситуация характеризуется рядом лакун, фиксирующих отсутствие аналитических исследований о роли лидеров и глав общин, продолжающих профетическую традицию ветхозаветных сообществ в движении халуцим начала XX в. Научная значимость предлагаемой статьи состоит, в первую очередь, в заполнении этих лакун.

Цель настоящего исследования – определить особенности восприятия и интерпретации деятельности эмигрантов-субботников из Астраханской губернии (в частности, семьи жителя села Пришиб Йоава Дубровина) в исторической памяти наших современников, проживающих в Израиле и России.

При проведении исследования применялись идеографический (описательно-повествовательный), сравнительно-исторический и ретроспективный методы, а также метод опроса. В состав комплекса материалов, задействованных при проведении исследования помимо современной научной литературы вошли статьи православных миссионеров XIX в., а также интернет-публикации энциклопедического характера, объясняющие термины на иврите. Однако главными источниками послужили материалы так называемых интернет-дневников, расположенных на платформе livejournal.com («Живой журнал», далее – «Ж Ж»), комментариев к ним, интернет-заметок, а также небольшой интернет-опрос, проведенный среди жителей Израиля и членов еврейской общины г. Астрахани.

Появление на Нижней Волге и в долине реки Ахтубы, левого рукава Волги, сектантов-субботников (они же иудействующие, жидовствующие и геры) относится к началу XIX в. Первая община переселилась добровольно, по собственному ходатайству воронежскому губернатору, датированному 14 мая 1806 г. и подписанному однодворцами сел Клеповки и Гвазды Антоном Роговым и Алексеем Бочаровым. Впоследствии документ был направлен губернатором в министерство внутренних

дел, при этом чиновник вполне понимал причины, вынуждавшие субботников к переселению, и указывал, в частности, что таковые «по разномуверию их принуждаются от жителей тех селений чувствовать различные их укоризны и притеснения, а посему, во избежание дальнейших могущих произойти от того им обид и угнетений, желают с семействами своими в числе пятидесяти семи душ состоящими переселиться из Воронежской в Астраханскую губернию» (цит. по [5]). Министерство дало воронежскому губернатору довольно уклончивый ответ – само по себе переселение дозволялось, но не для сектантов: «дозволить им отправиться в путь ... наблюдая однако ж, чтоб ... не было таких, о коих вы в мае месяце писали, что придерживаются Моисеева закона» (цит. по [5]).

При этом, как справедливо замечает Александр Львов, автор первой монографии об иудействующих на русском языке, у властей не могло быть эффективных методов отделения «агнцев от козлищ», то есть пока переселенцы открыто не заявляли о своем иноверии, определить их было затруднительно. Единственным критерием оставался зафиксированный в исповедных ведомостях отказ от обязательной исповеди. П. Бобров указывает, что в 1807 г. в селе Пришиб впервые от исповеди отказались 784 человека [2, с. 16–16].

Летописец Астраханской епархии протоиерей Иоанн Саввинский считал, что иудействующие в губернии появились одновременно с молоканами; при этом он также уточнял, что у новой ереси несколько названий: «ересь жидовская, которая иначе называется в доношениях иконоборческою или субботническою» [8, с. 57–58].

Впервые в Астраханскую Духовную консисторию епархии о появлении жидовствующих написал священник [4, с. 31] села Пришиб в ноябре 1816 года [8, с. 392]. Он сообщал, что в его приходе «прежде сего никакого в приходах св. церкви раздора и раскола не было, а ныне сначала года довольно уверился от прихожан, что один дом однодворца Диомида Сурикова всем домом, кроме его сына Никиты с женою и детьми, от св. церкви, сходявши на линию (линией, или линейным, в Астраханской губернии назывался Астраханско-Кизлярский

тракт. – Н. К.), отпали и идут путем жидовским, посты не хранят и не поклоняются святым образам, а для виду считают себя христианами, а в воскресные дни работают и воскресению Христову не верят; под субботу же у них всегда бывает служба» [8, с. 392].

Через три года иудействующих в Пришибе насчитывалось уже 9 дворов с 80 душами, а предводительствовали ими три человека – вышеупомянутый Суриков, а также Степанов и Бабанин [8, с. 392]. Саввинский упоминал, что в 1824 г. состоялось некое «следствие о действиях совратителей», в результате которого обнаружилось почти 200 сектантов, причём количество это было явно неполным [8, с. 392].

К середине XIX в. на севере Астраханской губернии (на территориях, которые в настоящее время относятся к Волгоградской области) образовался важнейший центр сектантства, «гнездо», как называли его православные миссионеры: несколько сел и поселков Царевского уезда, из которых наиболее известными были села Пришиб, Заплавное, Дубовка, и сам уездный город Царев. Там проживало несколько тысяч разнообразных сектантов, но в основном это были молокане и субботники-иудействующие. По официальным данным, их было более семи тысяч; общее же число сектантов в Астраханской губернии подходило к 8 тысячам [8, с. 57–58].

Особенной чертой иудействующих, по мнению А. Львова, являлось то, что у сектантов отсутствовало стремление к принятию страданий или смерти за свою веру, угрозы же приводили к тому, что некоторые религиозные диссиденты «принимали православие „наружно“, другие шли до конца, многих власти просто не замечали» [5, с. 47].

Владимирская исследовательница Т. Хижая придерживалась практически того же мнения: «Одновременно с настойчивостью и бесстрашием жидовствующие могли при случае и отказаться от своих убеждений, соблюдая веру втайне. Источники представляют обширный материал о подобного рода поведении иудействующих. В зависимости от обстоятельств „русские евреи“ либо открыто исповедовали свою веру, либо таились „под видом наружного благочестия“. В последнем случае

они посещали церковь, участвовали в православных таинствах: крестили детей, исповедовались, причащались, „уцерковляли“ брак. Подобная практика отражала внутреннюю эволюцию самого человека, колеблющегося между следованием вере и инстинктом самосохранения, постепенно, не сразу преодолевающего страх, но была реакцией на „изгибы“ правительственной политики в отношении субботников. По всей видимости, внешняя принадлежность к Церкви в определенные периоды не составляла для иудействующих особой моральной проблемы» [13].

Но были среди сектантов-иудействующих и такие, для кого вера в принадлежность к избранному народу Израиля давала небывалую силу духа и крепость характера, а также судьбу, напоминающую жизнь ветхозаветных пророков. Об одном из таких людей, которых в современном Израиле называют халуцим (первопроходцами) [12], будет рассказано далее.

В 80-х гг. XIX в. в среде иудействующих Астраханской губернии стали укрепляться эсхатологические и, в то же самое время, эмигрантские устремления. Львов назвал это «эсхатологическим движением 1880–1890-х гг» [15]. С одной стороны, сектанты ожидали прихода Мессии, с другой – собирались эмигрировать в Палестину. Миссионер-священник Михаил Тифлов, известный не только в губернии, но и в России, писал об этом времени, двадцатью годами позже, повествуя о настроениях, господствовавших в среде астраханских иудействующих, проживавших в селах Царево, Пришиб и Заплавное, которые «со дня на день ждали Мессию; они на базарах обсуждали это, столпившись кучами, и прямо на земле чертили „плант“ Палестины и делили её, посылали в Палестину ходоков высмотреть лучшие места. Нам самим приходилось наблюдать, как женщины сектантския готовились в дорогу, напекали сдобных пышек, или, по-местному, кокурок, сушили сухари, чтобы быть наготове, когда придёт фарсийский (персидский. – Н. К.) корабль отвезти их в Палестину» [10, с. 534].

Мечты о переселении в Иерусалим и создании собственного государства были совершенно в духе зарождавшегося сионизма [9]. А. Л. Львов называл его «крестьянским сиониз-

мом» [15] и писал об астраханских иудействующих: «В публикациях и музейных экспозициях российское прошлое этих людей, ставшее достоянием еврейской коллективной памяти, преобразуется так, чтобы соответствовать их новому образу сознательных строителей еврейского государства. Они репрезентируются как люди выдающиеся, выделяющиеся из общей массы полуграмотных русских крестьян. „В своих духовных исканиях“, минуя «секту субботников», они приходят к иудаизму, принимают его и во главе „своих последователей“ переселяются в Землю Израиля» [15].

Львов также замечал, что «в „официальной“ израильской культуре имеется вполне оформившийся образ этих русских крестьян-сионистов, поддерживаемый тель-авивским Музеем Диаспоры, музеем „Ферма Дубровина“ на севере Земли Израиля, газетами и другими популярными изданиями» [15].

Двое из этих крестьян стали настолько известны и важны для культурного наследия современного Израиля, что были упомянуты в «Российской еврейской энциклопедии» (см. [15]). Оба они происходили из Астраханской губернии. Это Авраам (Аврагам) Куракин (1822, с. Солодники Астраханской губернии – 1922, Седжара, Израиль) и Йоав Дубровин (1831–1935). Судьба и жизненный путь этих людей одновременно являются и типичными, и выдающимися.

Более из них известен Йоав Дубровин, о музее которого (точнее, о музее фермы которого) упоминал Львов. Дубровина называют и «астраханским мечтателем, русским крестьянином, настоящим сионистом» [11], и «символом поселенческого движения в Галилее в начале XX в.» [7].

Андрей (Антон) Кириллович (Петрович) Дубровин [15] родился в 1831 году в селе Пришиб Астраханской губернии. Он отличался высоким ростом и редкой физической силой, которую впоследствии унаследовал один из его сыновей. В молодости, работая пастухом, он заинтересовал своей незаурядностью одного из распорядителей местного помещика, и тот обучил его грамоте и чтению Библии (по другим сведениям – Танаха [7]). Набожность Дубровина привела его в секту субботников, где он принял имя Йоав.

Дубровин был уже довольно пожилым человеком семидесяти лет, когда, находясь в деловой поездке в Ковно (ныне Каунас), познакомился с двумя сионистскими эмиссарами в Восточной Европе, доктором Гилелем Яффе и Меиром Дизенгоффом. Те, в свою очередь, познакомили его с главой ковенской общины равом Ицхаком Эльхананом Спектором, у которого они остановились. По-видимому, после ежедневных бесед со Спектором, с которым он очень подружился, Дубровин принял решение пройти гиюр и выполнил его.

В 1903 г. Дубровин задался целью исполнить мечту своей жизни и поселиться на Земле Обетованной. К этому времени в Астраханской губернии он имел богатое хозяйство и большую семью – жену, четырех сыновей с невестками и внуками, всего 13 человек. Все они принадлежали к общине субботников. Перед отъездом все члены семьи Дубровина также прошли гиюр (есть информация, что в Царицыне, но об этом автор знает из устного рассказа и ссылку на источник привести не может. – Н. К.). То есть в Землю Обетованную отправлялись уже не астраханские сектанты-субботники русского происхождения, а вполне иудеи.

Итак, Дубровин продал все свое имущество и отправился через Одессу в Яффо и далее на север страны, которая называлась в то время Османская Сирия. По разным источникам с собой у олим¹ был еврейский молитвенник «Скрипка Сиона», напечатанный на иврите кириллицей с переводом на русский [6], или же свиток Торы, хранящийся ныне в синагоге мошава Йесод-а-Маала [7]. Кроме того, вроде бы у семьи были редкие транслитерированные молитвенники «Кинор Цион», которыми пользовались старшие [3].

Жизнь Дубровиных на Земле Обетованной была тяжёлой и трагичной. Достаточно сказать, что к концу жизни главы семьи – а прожил Йоав Дубровин 104 года – из тринадцати человек осталось четверо: сам Йоав, двое его внуков и сын-бобыль Ицхак. Большинство умерло от малярии, потому что ферма Дубровиных располагалась рядом с малярийными болотами. Однако все беды, выпавшие

на долю Йоава, он сносил с истинно библейским смирением и ни разу не пожалел о том, что эмигрировал. Но, когда умерло двое его сыновей, он прислушался к главе общины и решил переехать в Рош-Пину, подальше от малярийных болот, которые к тому времени уже назывались «болотами Дубровина» даже на английских картах, не говоря о еврейских [11]. Как пишет Вейвл Чернин, «во время выступления в синагоге перед отъездом он заявил местным жителям перед открытым Арон аКодеш [1], что он нисколько не сожалеет о своем гиуре и репатриации в Израиль» [7].

На старой ферме остался Ицхак, который, состарившись, завещал её Еврейскому Национальному фонду. С 1982 г. ферма Дубровина превращена в музей, названный именем Дубровиных, «который в деталях воссоздает историю повседневной жизни халуцим-поселения. Сегодня в этом центре действует также ресторан и зал торжеств. Потомки Йоава Дубровина живут сегодня в Герцлии и в других местах в Израиле» [7].

Так каков же вклад Йоава Дубровина и ему подобных халуцим в современное историческое наследие Израиля? Вначале отметим, что, несмотря на пройденный гиюр, Дубровин и его семья не были признаны в обществе как полноценные иудеи. Один яркий штрих показывает нам это: когда Дубровин в день своего отъезда из Йесод-а-Маалы проезжал мимо синагоги и остановился, не желая мешать уроку Геморы, то раву сказали: «На улице мул с телегой и старый субботник с белой бородой» [6]. Иными словами, пройдя гиюр, придерживаясь заповедей и прожив почти тридцать лет на Земле Обетованной, Дубровин в глазах общины так и оставался «старым субботником».

Автор провёл небольшой опрос среди нескольких жителей Израиля и членов астраханской еврейской общины, выбранных произвольно. Главными и, как осознаёт автор, чрезвычайно субъективными критериями послужили готовность к диалогу и желание узнать об иудействующих. Вопрос, задаваемый респондентам, был один: «Что вы знаете об Йоаве Дубровине?»

Один из респондентов, Владислав Воробьёв, проживающий в Израиле, рассказал, что его предки были молоканами-субботниками

¹ Олим (ивр. עולימ – репатрианты, от «алия» (ивр. עלייה – восхождение) – евреи, переселившиеся на историческую родину [14].

из Ростовской области, но, к сожалению, о Дубровине он не слышал и в музее «Ферма Дубровина» не был. Владислав репатриировался в Израиль как галахический еврей по матери, никакой связи с предками-молоканами репатриация не имела.

Галина Кемпер, репатриантка из России, проживающая в Ришон-ле-Цион, в музее «Ферма Дубровина» была и о Дубровине знает. На вопросы автора о том, много ли бывает там экскурсантов и знают ли они, кто такой Дубровин, Галина ответила: «Место посещаемое. Школьные экскурсии бывают. Израильтяне ан-масс не знают тонкостей. Для них это образец крестьянского хозяйства и быта русских людей, вера которых не отрицала иудаизм и которые хорошо относились к евреям. То есть это один из вариантов халуцим. Только с русским лицом».

Молодая семья, тоже из Ришон-ле-Цион, Роман и Ирина Гликин, ничего не слышали ни о Дубровине, ни о музее. Роман уроженец Израиля, Ирина репатриировалась из России.

Наконец, активная представительница современной астраханской еврейской общины Анна Ауслендер, неоднократно бывавшая в Израиле, также ничего не знает об Йоаве Дубровине.

Итак, результат неутешительный. Из пяти респондентов только один знает о Дубровине и побывал в музее «Ферма Дубровина». Разумеется, этот небольшой опрос не может претендовать на статистическую достоверность, но всё же. (При этом автор прекрасно осознаёт, что, учитывая крайне малое количество опрошенных, делать далеко идущие выводы и претендовать на объективность полученной картины было бы некорректно. Автор надеется продолжить свои исследования в этом направлении, привлечь большее количество респондентов и, возможно, совместно с представителями еврейской общины Астрахани провести цикл лекций об астраханских иудействующих.)

Немногим более отрадная картина создается из прочтения заметок в «Ж Ж». Автору удалось найти статьи о посещении музея «Ферма Дубровина» в четырех интернет-дневниках: Посторонним В. (marusya1961), Шауля Айзека Андрущак, Darya Mitina/monigo, Lina

Malamant/malamant. Двое из авторов – израильтяне, двое побывали на бывшей ферме Дубровина в рамках путешествия по Израилю. У всех, даже учитывая несколько саркастический тон Андрущак, положительные отзывы. И все в той или иной форме восхищаются Йоавом Дубровиным, его целеустремленностью и волей, твердостью характера, позволившей выстоять перед ударами судьбы. Но только Андрущак понимает, что своим для евреев Дубровин так и не стал, иронически замечая: «Новичка там ласково прозвали субботником. Как сказано „не притесняй гера“» [3].

Как же можно подытожить эту статью? С одной стороны, память о субботниках-иудействующих XIX в., бросивших налаженное хозяйство в Астраханской губернии и осуществивших на склоне лет свою мечту о Земле Обетованной, в Израиле сохраняется, причём на государственном уровне: имя Дубровина занесено в Еврейскую энциклопедию, существует музей, куда возят школьников и экскурсантов, рассказывают им о «халуцим с русским лицом». По утверждению Львова, уже приводившему выше, «в „официальной“ израильской культуре также имеется вполне оформившийся образ этих русских крестьян-сионистов» [15]. Да и мечта самого Дубровина, в сущности, исполнена. Когда в трагический момент отъезда из Йесод-а-Маалы он стоял перед синагогой, а глава общины спрашивал его: «Скажи, Йоав, перед святыми свитками Торы скажи, перед всей общиной скажи: не жалеешь?.. Что сделал гиюр? Что бросил всё в России? Что терпел здесь такие тяготы?.. Что похоронил тут сыновей? И теперь в 94 года ночью уезжаешь, почти голый и босый, в какую-то Рош-Пину? Не жалеешь?» [3], Дубровин, не найдя сил высказаться, смог только написать: «Братья мои! ... Одно утешение у меня в этом мире: мои внуки будут читать ТАНАХ на святом языке. А то, что я поднялся на Святую Землю не ради богатства или лёгкой жизни, а только из любви ко Всевышнему, вам известно и так» [3]. И всё сбылось – потомки Дубровина живут на Святой Земле и читают Танах на иврите. Может, большего и не надо ждать?

Итак, в заключение следует сделать вывод, что память об Йоаве Дубровине как одном из ярких представителей халуцим в современ-

ном Израиле поддерживается на государственном уровне: музеефицирована ферма, принадлежавшая семье Дубровиных, имя Дубровина занесено в Еврейскую энциклопедию. Вместе с тем в результате проведенного опроса и обзора публикаций в «Живом журнале» выяснено, что имя Дубровина и других иудействующих неизвестно большинству респондентов, однако отмечен интерес к «халуцим с русским лицом».

Данной статьей впервые вводятся в научный оборот сведения о выдающихся личностях, являвшихся лидерами движения иудействующих в Астраханской губернии конца XIX – начала XX в. Предложенный анализ фактографии, связанной с эмиграцией семейства И. Дубровина в Палестину и последующей жизнью на новом месте пребывания, также

проведен автором впервые. Для дальнейшей разработки проблемы необходима совместная научная и просветительская работа с главами еврейской общины Астрахани, ставящая своей целью сохранение памяти астраханских иудействующих, внесших свой вклад в культурное наследие этого российского региона и оказавших влияние на историю Израиля.

Благодарности

Автор выражает глубокую, искреннюю благодарность респондентам опроса Галине Кемпер (Израиль), Владиславу Воробьеву (Израиль), Анне Ауслендер (Россия, Астрахань), Ирине и Роману Гликин (Израиль), а также авторам и читателям «Ж Ж» Посторонним В., Шауля Айзека Андруцака, Дарии Митиной и Лины Маламант.

Natalya S. KANATYEVA

Cand. Sci. (Hydrobiology), M. Sci. (History), Assoc. Prof.,
Astrakhan State University,
Astrakhan, Russian Federation,
nessy71@mail.ru

The Subbotnik Emigrants from Astrakhan Province in the Historical Memory of Modern Israel and Russia: Perception and Interpretation

Abstract. The aim of the article is to determine the peculiarities of the perception and interpretation of the heritage of the Subbotnik emigrants from Astrakhan Province in the historical memory of our contemporaries living in Israel and Russia. The author used the ideographic (descriptive-narrative), comparative-historical, and retrospective methods, as well as the survey method in the study. The materials were articles by 19th-century Orthodox missionaries; research by historians, religious scholars, and culturologists; the content of online blogs on the livejournal.com platform; and the results of an Internet survey that the author conducted. The author examines the factual record of the emergence and data on the settlement of sectarians in Astrakhan Province and analyzes the attitude of provincial officials and eparchy missionaries towards them. She does a detailed analysis of the manifestations of religious identity among the Judaizers, pointing out the generally calm attitude of the latter towards the professed teaching. The author also determines the circumstances of the spread of eschatological and émigré aspirations among them in the 1880s against the background of the nascent Zionist movement and notes the emergence of individuals who were active conductors of these ideas. In modern Israeli culture, the carriers of such sentiments (“grassroot Zionism”) appear to be outstanding people who stand out from among their contemporaries by the very fact of their involvement in Judaism. The author reconstructs the biography of one of such people, Yoav Dubrovin. He became one of the first participants in the movement of Halutzim, pioneers of the development and settlement of the future territory of the State of Israel. Already in old age, he emigrated to the Promised Land with his family. The author describes the difficulties the migrants encountered, which led to the death of many family members, as well as to the subsequent resettlement of the remaining Dubrovins to a new place of residence. At present, a museum is located in the former estate of the Dubrovins. The author

reveals the various aspects of the perception of Dubrovin by today's contemporaries, characterizes the degree of his popularity in modern Israel and among members of the Jewish community of Astrakhan, determines his role in creating the image of pioneers and in the modern cultural heritage of Israel. The author concludes that the majority of the respondents do not know the names of Dubrovin and of other Judaizers, but they show interest in "Halutzim with a Russian face".

Keywords: sectarianism, Subbotniks, Judaizers, Gery, emigration, Promised Land, Halutzim.

Использованная литература:

1. Арон аKодеш [Электронный ресурс] // Иудаизм и евреи. URL: <https://toldot.ru/aronAkodesh.html> (дата обращения: 7.04.2020)
2. Бобров П. Приходская летопись села Пришиб, Царевского уезда, Астраханской губернии // Астраханские епархиальные ведомости. 1875. № 5. С. 14–16.
3. Дубровины [Электронный ресурс] // [Шалуй Айзек Андрущак] Самая большая ложь – это неверно понятая правда : Живой Журнал. URL: <https://andrutchak.livejournal.com/308367.html> (дата обращения 11.04.2020).
4. Клущин А.А., Будков И.О. Забытые судьбы: памятная книга священнослужителей Царевского и Черноярского уездов Астраханской епархии (в границах Калачевской епархии Волгоградской митрополии): биограф. справочник: конец XVIII-начало XX вв. Волгоград: Станица-2, 2016.
5. Львов А.Л. Соха и Пятикнижие: русские иудействующие как текстуальное сообщество. СПб: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2011.
6. Музей-усадьба Дубровиных в Йесод-а-Маала [Электронный ресурс] // Занимательный Израиль: Живой Журнал. URL: <https://all-israel.livejournal.com/388301.html> (Дата обращения 07.04.2020).
7. Русские геры в истории России и Израиля по материалам д-ра Велвля Чернина [Электронный ресурс] // Subbotnik Jews. URL: <https://subotnikjews.wordpress.com/2013/07/09/russkie-gery-v-istorii-rossii-i-izraila> (дата обращения 02.04.2020).
8. Саввинский И. Очерки истории Астраханской епархии с 1602 по 1902 гг. Ростов н/Д: Фолиант, 2002.
9. Сионизм [Электронный ресурс] // Электронная еврейская энциклопедия. URL: <https://eleven.co.il/zionism/general-information/13819/#0201> (дата обращения: 24.02.2020).
10. Тифлов М. Из записок и дневников. О переселении сектантов-жидовствующих в Палестину // Миссионерское обозрение. 1904. № 5. С. 534-536.
11. Усадьба Дубровиных в долине Хула [Электронный ресурс] // Посторонним В.: Живой Журнал. URL: <https://marusya1961.livejournal.com/97447.html> (дата обращения 07.04.2020).
12. Халуцим [Электронный ресурс] // Электронная еврейская энциклопедия // URL: <https://eleven.co.il/zionism/general-information/14427/> (дата обращения 11.04.2020).
13. Хижая Т. И. Движение иудействующих в России во второй половине XIX в. Часть 1. [Электронный ресурс] // Символ веры. URL: [#### References:](http://simvol-veri.ru/xp/dvijenie-

</div>
<div data-bbox=)

1. Judaism and Jews. (n.d.) *Aron aKodesh* [Aron Hakodesh]. [Online] Available from: <https://toldot.ru/aronAkodesh.html>. (Accessed: 07.04.2020)
2. Bobrov, P. (1875) *Prikhodskaya letopis' sela Prishib, Tsarevskogo uezda, Astrakhanskoj gubernii* [The Parish Chronicle of Prishib Village, Tsarevsky District, Astrakhan Province]. *Astrakhanskije eparkhial'nye vedomosti*. 5. pp. 14–16.
3. Andrutchak. (2007) *Dubroviny* [The Dubrovins]. [Online] Available from: <https://andrutchak.livejournal.com/308367.html>. (Accessed: 11.04.2020).
4. Klushin, A.A. & Budkov, I.O. (2016) *Zabytye sud'by: pamyatnaya kniga svyashchennosluzhiteley Tsarevskogo i Chernoyarskogo uezdov Astrakhanskoj eparkhii (v granitsakh Kalachevskoy eparkhii Volgogradskoy mitropolii): biograf. spravochnik: konets XVIII-nachalo XXvv.* [Forgotten Destinies: A Reference Book of Clergymen of Tsarevsky and Chernoyarsky Districts of Astrakhan Eparchy (Within the Boundaries of Kalachevsky Eparchy of Volgograd Metropolitanate): A Biographical Reference Book: Late 17th – Early 20th Centuries]. Volgograd: Stanitsa-2.
5. L'vov, A.L. (2011) *Sokha i Pyatiknizhie: russkie iudeystvuyushchie kak tekstual'noe soobshchestvo* [Sokha and the Pentateuch: Russian Judaizers as a Textual Community]. Saint Petersburg: European University at Saint Petersburg.
6. ALL_ISRAEL. (2012) *Muzey-usad'ba Dubrovinykh v Yesod-a-Maala* [Museum-Estate of the Dubrovins in Yesud HaMa'ala]. [Online] Available from: <https://all-israel.livejournal.com/388301.html> (Accessed: 07.04.2020).
7. Subbotnik Jews. (2013) *Russkie gery v istorii Rossii i Izrailya po materialam d-ra Velvly Chernina* [Russian Gery in the History of Russia and Israel Based on the Materials of Dr. Velvl Chernin]. [Online] Available from: <https://subotnikjews.wordpress.com/2013/07/09/russkie-gery-v-istorii-rossii-i-izraila>. (Accessed: 02.04.2020).
8. Savvinskiy, I. (2002) *Ocherki istorii Astrakhanskoj eparkhii s 1602 po 1902 gg.* [Essays on the History of Astrakhan Eparchy From 1602 to 1902]. Rostov-on-Don: Foliant.
9. The Jewish Encyclopedia in Russian on the Web. (1994) *Sionizm* [Zionism]. [Online] Available from: <https://eleven.co.il/zionism/general-information/13819/#0201>. (Accessed: 24.02.2020).
10. Tiflov, M. (1904) *Iz zapisok i dnevnikov. O pereselenii sektantov-zhidovstvuyushchikh v Palestinu* [From Notes and Diaries. On the Resettlement of Judaizer Sectarians to Palestine]. *Missionerskoe obozrenie*. 5. pp. 534–536.

iudeiestvuyushix-v-rossii-vo-vtoroie-polive-xix-v-chast-1.html (дата обращения 08.03.2020).

14. Что такое Алия? [Электронный ресурс] // IsraLove. URL: <https://isralove.org/load/2-1-0-2210> (дата обращения 07.04.2020).

15. Эмиграция иудействующих в Палестину [Электронный ресурс] // В поисках русского еврея: страница Александра Львова. URL: <http://lvov.judaica.spb.ru/emigration.shtml> (дата обращения: 02.03.2020).

11. Marusya1961. (2010) *Usad'ba Dubrovinykh v doline Khula* [The Dubrovins' Estate in Hula Valley]. [Online] Available from: <https://marusya1961.livejournal.com/97447.html>. (Accessed: 07.04.2020).

12. The Jewish Encyclopedia in Russian on the Web. (1999) *Khalutsim* [Halutzim]. [Online] Available from: <https://eleven.co.il/zionism/general-information/14427/>. (Accessed: 11.04.2020).

13. Khizhaya, T.I. (2007) *Dvizhenie iudeystvuyushchikh v Rossii vo vtoroy polovine XIX v. Chast' 1* [The Judaizer Movement in Russia in the Second Half of the 19th Century. Part 1]. [Online] Available from: <http://simvol-veri.ru/xp/dvijenie-iudeiestvuyushix-v-rossii-vo-vtoroie-polive-xix-v-chast-1.html>. (Accessed: 08.03.2020).

14. Bok, A. (n.d.) *Chto takoe Aliya?* [What Is Aliyah?]. [Online] Available from: <https://isralove.org/load/2-1-0-2210>. (Accessed: 07.04.2020).

15. L'vov, A. (2004) *Emigratsiya iudeystvuyushchikh v Palestinu* [Judaizers' Emigration to Palestine]. [Online] Available from: <http://lvov.judaica.spb.ru/emigration.shtml>. (Accessed: 02.03.2020).

Полная библиографическая ссылка на статью:

Канатьева Н. С. Эмигранты-субботники из Астраханской губернии в исторической памяти современного Израиля и России: восприятие и интерпретация / Н. С. Канатьева // *Наследие веков*. – 2020. – № 3 – С. 96–104. DOI: 10.36343/SB.2020.23.3.007

Full bibliographic reference to the article:

Kanatyeva, N.S. (2020) The Subbotnik Emigrants from Astrakhan Province in the Historical Memory of Modern Israel and Russia: Perception and Interpretation. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 3. pp. 96–104. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2020.23.3.007

АНТРОПОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

ANTHROPOLOGY OF CULTURE

САЛАМЗАДЕ Эртегин Абдулвагаб оглы

член-корреспондент Национальной академии наук Азербайджана,
доктор искусствоведения, профессор, директор Института
архитектуры и искусства Национальной Академии Наук
Азербайджана,
Баку, Республика Азербайджан

Artegin A. SALAMZADE

Corresponding Member, Azerbaijan National Academy of Sciences,
Dr. Sci. (Theory and History of Arts), Prof., Director,
Institute of Architecture and Art,
Azerbaijan National Academy of Sciences,
Baku, Republic of Azerbaijan,
ertegin.salamzade@mail.ru

АБДУЛЛАЕВА Рена Габиб кызы

доктор искусствоведения, профессор, заведующая отделом
культурологии и теории искусства Института архитектуры
и искусства Национальной Академии Наук Азербайджана,
Баку, Республика Азербайджан

Rena H. ABDULLAYEVA

Dr. Sci. (Theory and History of Arts), Prof., Head,
Institute of Architecture and Art,
Azerbaijan National Academy of Sciences,
Baku, Republic of Azerbaijan,
cult_rena@yahoo.com

УДК [008-027.521:339.924]:159.955.4-027.521
ГРНТИ 13.11.44
ВАК 24.00.01

DOI: 10.36343/SB.2020.23.3.008

**Национальная культура
в условиях глобализации:
проблемы идентичности
и диверсификации**

**National Culture
in the Conditions of Globalization:
Problems of Identity
and Diversification**

Исследование посвящено разработке модели, характеризующей внутренний баланс национальной культуры, функционирующей в условиях глобализации между противоположными полюсами идентичности и диверсификации. Материалами послужили исследования азербайджанских и российских философов, культурологов и искусствоведов, произведения художников XX в. В процессе исследования на основе принципа бесфоновой организации изобразительных форм (БОИФ), разработанного Х. Мамедовым и С. Дадашевым, визуализирована мультикультурная модель. Отмечено, что язык БОИФ обладает свойствами комплементарности и полиэпиконичности, то есть бесконечно интегрирует элементы в систему. Модель устойчива и структурно отражает идеи мультикультурализма. Комплементарность организует внешние формы культур, не затрагивая их содержания, что отвечает формуле «моя свобода заканчивается там, где начинается ваша». Баланс внутри национальной культуры достигается кристаллизацией этнических особенностей и внутренним разнообразием системы.

Ключевые слова: идентичность, диверсификация, национальная культура, мультикультурная модель, визуальный язык, бесфоновая организация изобразительных форм, комплементарность, симметрия.

Введение. Проблема существования национальных культур в условиях глобализации содержит целый комплекс актуальных вопросов, изучаемых различными гуманитарными дисциплинами. Однако некоторые ее аспекты остались за пределами внимания специалистов. Речь идет об эффективной модели этнокультурного взаимодействия внутри мультикультурного общества. Поэтому целью настоящего исследования является разработка модели, обеспечивающей баланс внутри национальной культуры, действующей между полюсами идентичности и диверсификации. Общественная значимость работы сводится к тому, что предложенная модель может быть использована при формировании государственной культурной политики в мультикультурных обществах. Исходным положением для разработки обсуждаемой модели послужили идея Л. Гумилева о симбиозе культур, принцип бесфоновой организации изобразительных форм (БОИФ) Х. Мамедова и С. Дадашева, а также результаты, полученные Г. Иванченко при изучении принципа необходимого разнообразия в культуре, и, наконец, итоги анализа культурной идентичности в проектной деятельности, опубликованные Н. Ковешниковой. Методология основана на компаративном подходе, использующем аналогии и параллели; конкретным инструментом исследования выступает сравнительный метод. Научная

новизна и значимость работы определяются тем, что впервые предложена мультикультурная модель, сконструированная с помощью принципов организации форм изобразительного искусства.

Основная часть. Усложнение картины сохранения и развития национальных культур в условиях глобализации стало общим местом культурологических работ начала XXI в. Противопоставляют глобализм и традиционализм, поликультурность и идентичность. Так, может быть, прав был О. Шпенглер, около ста лет назад утверждавший, что культуры непроницаемы друг для друга и что всегда «феномен других культур говорит на другом языке» [10, с. 155]?

Все свидетельствует о том, что национальная культура оказалась запертой между идентичностью и полным растворением в глобальном мире. Вспомним и Л. Гумилева, который доказал, что отсутствие многообразия приведет к обнулению культуры как таковой [2, с. 181–182]. Причем речь идет не столько об этническом, расовом многообразии, сколько о диверсификации стереотипов поведения представителей различных национальностей. Однако в социально-биологической системе, которой является этнос, стереотип поведения — это исключительно культурный фактор, результат накопленного и транслированного социального опыта. Именно этот опыт

позволяет идентифицировать, а значит, сохранять себя в окружающем мире.

Л. Гумилев исследовал и выводил закономерности теории этногенеза на материале истории прежде всего тюркских народов. В рамках обсуждаемой нами темы самой интересной особенностью тюркской культуры древности и раннего Средневековья была высокая степень толерантности. Эта черта позволяла древним тюркам не только аннексировать, но и надолго интегрировать гигантские территориальные и людские ресурсы в систему своей государственности. Гораздо позднее, в XIII в., идеи толерантности были зафиксированы в письменном документе Ясе (Джасаке) Чингисхана. Здесь от имени правителя самой большой в истории человечества империи (28 млн. кв. км) говорится: «Уважаю и почитаю всех четырех — Будду, Моисея, Иисуса, Магомета...» [8, с. 295].

Но через три-четыре поколения после Чингисхана гигантская тюркская империя ушла в историю. Ее погубила толерантность. Выходит, толерантность не является универсальным инструментом сохранения стабильности, она хороша на стадии создания больших этнокультурных общностей, но сильно хромает на этапе их фиксации, сохранения и дальнейшего развития. Вероятно, как и во многих других сферах биологического и социального развития, мы имеем дело с волновым процессом. Толерантность должна сменяться кристаллизацией идеалов новой общности.

На разных исторических этапах идеалы создаются на основе различных сфер культуры: религии, государственных, экономических или национальных интересов и т.д. Разумеется, мы не можем формулировать идеалы и приоритеты развития той или иной национальной культуры в рамках религиозных доктрин. Современной ситуации и культурологическому подходу больше соответствует создание определенных программ, нацеленных на национальные интересы.

Несмотря на то что термины «идентичность» и «идентификация» происходят от одного корня, их все же следует различать. «Идентичность — результат, отстаивание и защита себя, идентификация — приспособление, процесс постоянного выбора, принятие норм,

традиций, установок» [6, с. 45]. Один из первых теоретиков идентичности, американский социальный психолог Э. Эриксон считал, что обладать идентичностью значит «ощущать себя неизменным независимо от ситуации» [6, с. 37]. Итак, идентификация — это процесс выбора, а идентичность — его результат.

Когда мы говорим, что группа людей или целый народ хочет себя идентифицировать, это означает, что они стремятся быть одинаковыми между собой и отличаться от других. Волей исторических судеб сегодня механизм идентификации призван разделить людей на своих и чужих. Идентичность предполагает собирание, концентрацию, кристаллизацию всех характерных особенностей данного этноса, народа, национальности. Иными словами, идентичность — это единообразие, сходство совокупности свойств тех или иных групп людей или отдельных культур.

Напротив, диверсификация — это разнообразие, несходство, различие и даже пестрота признаков в пределах той или иной системы, социальной либо биологической. Таким образом, идентичность и диверсификация являются еще двумя противоположными полюсами существования национальных культур в условиях глобализации.

Давно подмечено, что искусство, принадлежащее к внутренним слоям культуры, представляет собой «феномен культуры в предельно „чистом“ виде» [3, с. 172]. Искусство выступает в качестве определенной модели культуры, мерила состояния и уровня развития последней. Общие закономерности развития культуры очень часто примеряли на всю систему искусства в целом, на отдельные виды творчества или на конкретные историко-художественные тренды. Но никогда не происходило наоборот. Никто не пробовал объяснить или спрогнозировать культурные процессы с помощью моделей, построенных на основе искусства. Скажем то же самое, но другими словами: нам не известны попытки смоделировать культуру с помощью искусства.

Нами была предпринята попытка визуализации мультикультурной модели, но не с помощью графиков и схем, а на основе художественно-образного языка. Отправ-

ной точкой здесь послужило такое явление, как кризис изобразительности в искусстве, стартовавший в начале XX столетия. В это же самое время на обширном географическом пространстве разразился глобальный кризис идентичности, ставший результатом распада всех империй, кроме Британской, по итогам Первой мировой войны.

Кризис изобразительности нашел отражение как минимум в трех художественных явлениях. Первое из них носило характер единичного акта: это «Черный квадрат» Казимира Малевича (1912), символизирующий смерть живописи, поскольку живопись есть цвет, а черный цвет — это отсутствие цвета. Данный акт соответствует отсутствию или отрицанию идентичности в культуре. Второе явление получило широкое распространение и хорошо известно нам как нефигуративное искусство, то есть искусство, размывающее объект изображения, фигуру. Его можно сопоставить с размыванием идентичности в культуре, сопровождающим процессы глобализации. Наконец, третье явление связано с поисками новых принципов организации изобразительного языка.

Эти поиски вошли в историю вместе с именем голландского художника Мориса Эшера и были направлены на собирание, кристаллизацию базовых приемов и методов создания изображения в искусстве. В своих произведениях Морис Эшер создает особую систему симметрии изобразительного языка.

Понятие симметрии в искусстве чаще всего рассматривается в сравнении с категорией пропорции. «Пропорция есть понятие равного, одинакового, однородного изменения. Симметрия есть понятие равного, одинакового, однородного строения, т.е. сохранения» [9, с. 7]. Симметрия, как и пропорция, является средством упорядочения изобразительного языка в искусстве. Подобно тому, как в живой и неживой природе симметрия выступает средством упорядочения самой жизни и информационных процессов. Иными словами, симметрия представляет собой фундаментальную основу визуального языка, определяющую и его синтаксис, и семантику, и прагматику. Причем это не зависит от видов симметрии — зеркальная, осевая и др.

Особый вид симметрии, примененный М. Эшером в его творчестве, был исследован азербайджанскими учеными Худу Мамедовым и Сиявушем Дадашевым. Они установили, что подобный принцип организации присущ различным кристаллическим структурам. Кроме того, оказалось, что характерный визуальный язык, основанный на обсуждаемом принципе, имеет давнюю традицию и довольно обширный ареал распространения, включающий географические пространства Крайнего Севера, Средней и Малой Азии, Азербайджана и др. [7, с. 7–10].

Исследованный этими авторами визуальный язык направлен на создание такого типа изображения, при котором фигура равна фону. Данный принцип был определен исследователями как бесфоновая организация изобразительных форм, сокращенно БОИФ. Свойствами такого типа изображения являются комплементарность (взаимодополняемость) и полиэйконичность (многоизобразительность). При таких свойствах композиция, созданная на основе БОИФ, в любой момент может считаться завершенной и в любой точке может быть возобновлена и продолжена. Принцип БОИФ предполагает бесконечную интеграцию элементов в рамках целостной композиции. Нетрудно заметить, что рост системы, созданной на основе БОИФ, имеет исключительно горизонтальный характер и потому снимает вопрос об иерархии элементов. В определенном смысле снятым можно считать и аспект времени, поскольку система такого типа создает ситуацию «Вечного Сейчас».

Совершенно очевидно, что описанная система обладает стабильностью и устойчивостью. Но в то же самое время она не отрицает роста, расширения. А это очень привлекательные характеристики для модели социально-культурного развития. Полиэйконичность изобразительного языка выступает, несомненно, аналогом диверсификации культур, их многообразия. Этот принцип позволяет интегрировать в общую картину (систему) все новые и новые элементы (культуры). Причем их развитие и распространение не имеют ограничений ни во времени, ни в пространстве.

Комплементарность языка соответствует тем нормам и правилам, по которым культуры взаимодействуют друг с другом и на основе которых, собственно, и образуют единую целостность мультикультурного организма. Принцип комплементарности очерчивает контуры элементов (культур), организует их внешние формы, не затрагивая внутреннего содержания. Суть такого подхода замечательно выражается фразой: «Моя свобода заканчивается там, где начинается ваша».

Для подкрепления своей идеи отметим, что возможность влияния языка формообразования на типы и способы организации культуры недавно подмечена в других видах художественного творчества. Так, например, Наталья Ковешникова считает, что определенные культурные модели способен выдвинуть дизайн. По ее мнению, интернациональный стиль, распространившийся в дизайне XX века, представлял реальную угрозу обесценивания и фактического уничтожения «национального своеобразия, или этнокультурной идентичности предметного мира, окружающего современного человека» [5, с. 189]. Но уже в начале XXI столетия «проблемы культурной идентичности заняли одно из ведущих мест в сфере практического и теоретического развития проектной» [5, с. 190] деятельности. И тогда на первое место в дизайне вышла региональная проблематика, представленная специалистами из Японии, Италии, Финляндии. Этот процесс противостоит глобальным тенденциям стирания идентичности, подтягивает к себе весь организм национальной культуры в целом.

Справедливости ради надо сказать, что рассматриваемая нами проблема отчасти находила определенное освещение на общем философском, культурологическом уровне. Однако принцип необходимого разнообразия (диверсификации) в культуре исследовался в отрыве от проблемы идентичности. В работе Г. В. Иванченко возрастание разнообразия трактуется как глобальная тенденция. Здесь делается вывод о том, что «концепция разнообразия может эффективно использоваться при анализе взаимоотношений различных субкультур, их возникновения и развития» [4, с. 8]. Более того, разнообразие в человеческом

сообществе выступает «экологическим императивом, требованием, связывающим возможность выживания с решением многообразных и сложных задач» [4, с. 13]. При этом «психика по своему разнообразию должна по меньшей мере не уступать многообразию сущего» [4, с. 14]. Однако, «разнообразие может быть связано с определенными этапами циклических процессов», где за так называемой «цветущей сложностью» следует упрощение, «смещение и выравнивание свойств и качеств культурных организмов» [4, с. 15]. Разумеется, подготовленный читатель за этими формулировками увидит закономерности теории этногенеза Л. Гумилева с ее чередованием подъемов и спадов пассионарности, а за спиной Л. Гумилева смену энтропийных и неэнтропийных процессов.

Заключение. Каково же в конечном итоге соотношение идентичности, разнообразия и как формула их взаимодействия может помочь построить работающую, действенную модель национальной культуры в условиях глобализации? Именно многочисленные идентичности субъектов культуры и составляют ее разнообразие. Построенная на принципах комплементарности и полиэконичности система наиболее близка модели мультикультурализма. Согласовывая внутри себя идентичности различных субкультур и сообществ, своими внешними пазлами она обращена к остальному миру. Таким образом, язык культуры выступает матрицей национальной идентичности, а ее памятники — многочисленными формами выражения этой идентичности.

В ходе исследования компаративный анализ показал, что принципы организации этноса у Л. Гумилева и изображения у авторов БОИФ во многом совпадают. В обеих концепциях одним из ключевых понятий является «комплементарность». И здесь, и там активно работают дихотомии «фон и фактор» (Л. Гумилев), «фигура и фон» (БОИФ), слегка различающиеся терминологически. Поскольку описываемые названными терминами закономерности выведены независимо и на принципиально различном материале, можно предположить, что они имеют универсальный характер и для организации систем жизнедеятельности, и для «неживых» систем, которыми

являются изобразительные формы. Это обстоятельство подтверждает действенность привнесенных из искусства конструкций для мо-

делирования культуры и, в то же самое время, открывает дальнейшие направления исследований в культурологии и искусствознании.

Artegin A. SALAMZADE

Corresponding Member, Azerbaijan National Academy of Sciences,
Dr. Sci. (Theory and History of Arts), Prof., Director,
Institute of Architecture and Art,
Azerbaijan National Academy of Sciences,
Baku, Republic of Azerbaijan
ertegin.salamzade@mail.ru

Rena H. ABDULLAYEVA

Dr. Sci. (Theory and History of Arts), Prof., Head,
Department of Culturology and Theory of Art,
Institute of Architecture and Art,
Azerbaijan National Academy of Sciences,
Baku, Republic of Azerbaijan
cult_rena@yahoo.com

***National Culture in the Conditions of Globalization:
Problems of Identity and Diversification***

Abstract. The article is devoted to the development of a model that ensures the internal balance of national culture, which, in the context of globalization, functions between the opposite poles of identity and diversification. The materials are results of the studies of Azerbaijani and Russian philosophers, culturologists, and art historians, works of artists of the 20th century. The methodology is based on a comparative approach using analogies and parallels. The authors define identity as the gathering, concentration, crystallization of all the characteristic features of a given ethnic group with the uniformity, similarity of the totality of its properties. In this case, diversification is understood as diversity, dissimilarity, difference and even diversity of features within one system. It is noted that researchers often projected the laws of cultural development onto the art system as a whole, but they never inverted this scheme, trying to model the processes in culture with the help of art. The article examines the crisis of figurativeness in art expressed in the works of Kazimir Malevich, non-figurative art and works of Maurits Cornelis Escher, which are characterized by a special type of symmetry interpreted as the fundamental basis of the visual language. In the authors' opinion, this phenomenon corresponds to the global identity crisis that resulted from the collapse of all empires (except for the British one) following the results of World War I. The parallelism of the discussed phenomena made it possible to use the pictorial language studied by Kh. Mamedov and S. Dadashev for modeling cultural processes. Based on their concept of a backgroundless organization of pictorial forms (such as an image in which the drawing is equal to the background), the authors of the article created the visualization of a multicultural model. The model's properties and features are described, among which stability, complementarity, and polyiconicity (infinite equal integration of elements within an integral system) are distinguished, after which this model is projected by analogy on culture and various aspects of intercultural interaction. The authors note that this model, in terms of its structure, reflects the ideas of multiculturalism. The principle of complementarity organizes the external forms of cultures without affecting their internal content. This corresponds to the formula "my freedom ends where yours begins". It is concluded that the balance within the national culture is achieved, on the one hand, by the crystallization of ethnic characteristics with which the culture identifies itself and, on the other, by the diversity that is preserved within the system.

Keywords: identity, diversification, national culture, multicultural model, visual language, backgroundless organization of pictorial forms, complementarity, symmetry.

Использованная литература:

1. Абдуллаева Р. Национальная концепция развития культуры // *İncəsənət və mədəniyyət problemləri* [Проблемы искусства и культуры]. 2011. №3(37). С. 107–111.
2. Гумилев Л. Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. М.: Экспрос, 1993.
3. Ермакова Г. А. Искусствознание и культурология // Проблемы методологии современного искусствознания. М.: Наука, 1989. С. 159–176.
4. Иванченко Г. В. Принцип необходимого разнообразия в культуре и искусстве: автореф. дисс. ... д-ра филос. наук. М., 1999.
5. Ковешникова Н. А. Дизайн: история и теория. М.: Омега-Л, 2005.
6. Кондаков И. В., Соколов К. Б., Хренов Н. А. Цивилизационная идентичность в переходную эпоху: культурологический, социологический и искусствоведческий аспекты. М.: Прогресс-Традиция, 2011.
7. Мамедов Х., Дадашев С. Черное – это белое. Бесфонное искусство // Декоративное искусство СССР. 1988. № 8. С. 7–10.
8. Хара-Даван Э. Чингисхан как полководец и его наследие. Казань: Татарское кн. изд., 2008.
9. Шевелев И. Ш. Принцип пропорции. М.: Стройиздат, 1986.
10. Шпенглер О. Закат Европы. М.: Мысль, 1993.

References:

1. Abdullaeva, R. (2011) *Natsional'naya kontseptsiya razvitiya kul'tury* [The National Concept of Cultural Development]. *İncəsənət və mədəniyyət problemləri – Problems of Arts and Culture*. 3 (37). pp. 107–111.
2. Gumilev, L.N. (1993) *Ritmy Evrazii: epokhi i tsivilizatsii* [Rhythms of Eurasia: Eras and Civilizations]. Moscow: Ekopros.
3. Ermakova, G.A. (1989) *Iskusstvoznanie i kul'turologiya* [Art Studies and Cultural Studies]. In: *Problemy metodologii sovremennogo iskusstvoznaniya* [Problems of Methodology of Modern Art History]. Moscow: Nauka. pp. 159–176.
4. Ivanchenko, G.V. (1999) *Printsip neobkhodimogo raznoobraziya v kul'ture i iskusstve* [The Principle of Required Diversity in Culture and Art]. Abstract of Philosophy Dr. Diss. Moscow.
5. Koveshnikova, N.A. (2005) *Dizayn: istoriya i teoriya* [Design: History and Theory]. Moscow: Omega-L.
6. Kondakov, I.V., Sokolov, K.B. & Khrenov, N.A. (2011) *Tsivilizatsionnaya identichnost' v perekhodnuyu epokhu: kul'turologicheskiy, sotsiologicheskiy i iskusstvovedcheskiy aspekty* [The Civilizational Identity in a Transitional Era: Aspects of Cultural, Social and Art Studies]. Moscow: Progress-Traditsiya.
7. Mamedov, Kh. & Dadashev, S. (1988) *Cherno – eto beloe. Besfonovoe iskusstvo* [Black Is White. Backgroundless Art]. *Dekorativnoe iskusstvo SSSR*. 8. pp. 7–10.
8. Khara-Davan, E. (2008) *Chingis khan kak polkovodets i ego nasledie* [Genghis Khan as a Commander and His Legacy]. Kazan: Tatarskoe kn. izd.
9. Shevelev, I.Sh. (1986) *Printsip proporsii* [The Principle of Proportion]. Moscow: Stroyizdat.
10. Spengler, O. (1993) *Zakat Evropy* [The Decline of the West]. Translated from German. Moscow: Mysl'.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Саламзаде, Э. А. Национальная культура в условиях глобализации: проблемы идентичности и диверсификации / Э. А. Саламзаде, Р. Г. Абдуллаева // *Наследие веков*. – 2020. – № 3 – С. 105–111. DOI: 10.36343/SB.2020.23.3.008

Full bibliographic reference to the article:

Salamzade, A.A. & Abdullaeva, R.H. (2020) National Culture in the Conditions of Globalization: Problems of Identity and Diversification. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 3. pp. 105–111. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2020.23.3.008

МОХТАРИ Сейедех Резванех Сейед Реза
аспирант кафедры культурологии
Астраханского государственного университета,
Астрахань, Российская Федерация
Seyedeh Rezvaneh Seyed Reza MOKHTARI
Postgraduate student,
Astrakhan State University,
Astrakhan, Russian Federation,
srezvanehmokhtari@gmail.com

МОХТАРИ Бехруз Мохаммад Таги
Ph.D. в области международных отношений,
отделение исследований Исламского университета Азад
Министерства иностранных дел,
Тегеран, Исламская Республика Иран
Behrooz Mohammad Taghi MOKHTARI
Ph.D. (International Relations),
Islamic Azad University, Science and Research Branch,
Ministry of Foreign Affairs,
Tehran, Islamic Republic of Iran,
behrozmokhtari@gmail.com

УДК 347.627-044.922:008(55)
ГРНТИ 13.11.25
ВАК 24.00.01

DOI: 10.36343/SB.2020.23.3.009

Культурная трансформация развода в доисламском и исламском Иране

The Cultural Transformation of Divorce in Pre-Islamic and Islamic Iran

Целью исследования является сравнительный анализ культурных диахронных изменений института развода в конкретные исторические эпохи развития иранского общества. Материалами послужили исторические источники, работы иранских культурологов, философов, историков и социологов. Исследовано влияние зороастризма на практику разводов в древнем Иране. Рассмотрены изменения в культуре развода, произошедшие с принятием ислама. Определено, что культурную трансформацию развода, наряду с религиозной догматикой, определяли распространение арабской и тюркской культур, а также западной культуры. Парадигмы шиитской религии и дискурс революции влияли на культуру иранской семьи и институт развода после 1979 г. Сделан вывод, что отношение различных поколений иранцев к разводу всегда было негативным, но в разные исторические периоды имело свою специфику. Иранская семья до конца не утратила своих традиций, что не позволяет расценивать процессы трансформации развода как детрадиционализацию.

Ключевые слова: Иран, развод, культура, религия, общество, история, семья, брак, нормы.

Введение. Развод — одно из важнейших явлений в культурной и социальной жизни человечества. Это явление оказывает существенное влияние на институт семьи и имеет различные психологические, экономические, социальные и культурные аспекты. Причем история развода генетически восходит к истории брака. Анализ динамики отношения к разводу в Иране позволяет изучить его воздействие на социум, а также оценить масштабы культурного и экономического ущерба, наносимого им стране, живущей традиционными ценностями.

Культура брака формируется в процессе становления национальной культуры. Создание семьи и ее распад в результате развода являются одними из наиболее значимых культурных аспектов исторического развития иранского общества. К настоящему времени проведено достаточное количество исследований, базирующихся на материале разных исторических периодов и попутно затрагивающих проблемы семьи и развода. При этом многие из них выполнены в последние десятилетия. Так, Афгами с соавторами в работе «Положение женщин в империи Ахеменидов» [8] были исследованы культурные модели брака в соответствующую историческую эпоху. М. Бойс в монографии «Зороастрийцы, их религиозные убеждения и обычаи» затронула культурное влияние зороастризма на развод [9]. Назари («Жизнь женщин в эпоху иранских династий») [22], Мансурбахт с соавторами («Брачные обычаи иранцев») [18], а также Гафарифард [11] и Тораби [30] изучили культурные аспекты развода в Иране исламского периода. Развод в период Исламской Республики и его особенности анализировали Мохатгег-Дамад («Семейное право: брак и его расторжение») [21], Сарухани и Рафатджах («Эффективные социологические факторы в переосмыслении социальной идентичности женщин») [29], Камели («Описательное исследование причин и факторов, влияющих на появление социальной патологии развода в иранском обществе») [13], Хагшенас («Патология семейных отношений») [35] и Форутан («Вызовы современной семьи и модернизм») [33].

Исторические исследования показывают, что культурные аспекты развода в иранском обществе варьировались от абсолютного табу и порицания в разные периоды до восхваления и даже празднования в новейшее время. Мы попытаемся ответить на вопрос, обойденный вниманием большинства исследователей: повлияли ли эти изменения на распространение развода в Иране или же, наоборот, послужили причиной укрепления иранской семьи? Таким образом, основной целью данного исследования является диакронный анализ изменений культурных характеристик развода и его трансформаций за весь период тысячелетней истории Ирана в условиях доминирования различных религиозных систем. Материалами при этом послужили исторические источники, работы иранских культурологов, философов, историков и социологов.

Для рассмотрения культурных различий и общих черт развода в данной работе использованы историко-генетический, историко-сравнительный методы и метод эмпирических наблюдений.

Сложность настоящего исследования и одновременно его новизна заключаются в том, что культурные конфигурации развода прослеживаются на протяжении длительной истории Ирана¹ и включают как зороастрийский (550 г. до н.э. — 651 г.н.э.), так и исламский периоды (суннитский Иран доэры Сефевидов — 1501г., шиитский Иран до настоящего времени). Это привносит и некоторые исследовательские проблемы², при том что идеология и религиозные перемены в Иране, его оккупация иноземцами оказали огромное влияние на культурные аспекты развода.

Культура развода в древнем Иране. С учетом особенностей двух культур, зороастрийской и исламской, историю Ирана

¹ Ранние археологические находки относятся к периоду палеолита (12 000 лет назад). Это составляет время правления примерно сорока исторических династий.

² Следует упомянуть, что по причине отсутствия исторических источников в области семьи, периоды истории Ирана, связанные с Эламским царством (2700–2004 гг. до н.э.) и Мидийской империей (120 лет после Эламского царства) не рассматривались.

можно разделить на два крупных периода: до и после принятия ислама. Принципы политики, общества и культурные ценности в древнем Иране были взяты из религиозных учений, и зороастризм — дуалистическая религия — занимал особое место в иранской жизни. Такие институты, как семья и общество, были тесно переплетены с религиозными учениями. Нет никакой достоверной информации о разводе в период Ахеменидов. Большая часть наших сведений по этой теме взята из вавилонских источников [8, с. 531].

Развод существовал в империи Ахеменидов (550–220 г. до н.э.) — первой персидской империи той эпохи, — но как достаточно редкое культурное явление. Зороастрийские жрецы осуществляли его в соответствии со своим уставом/кодексом. Согласно книге «Сад Дар Бандэхэш» — в то время одному из самых авторитетных социально-религиозных текстов, — развод обычно происходил по причине измены, сокрытия менструального цикла, занятий колдовством и бесплодия [23, с. 14]. В самом начале ахеменидского периода весьма неблагоприятным, если не сказать омерзительным, поступком считался брак с родственниками (кровосмешение). Зороастрийцами также крайне осуждалась полигамия — как противоречащая их религиозному учению (книга «Авеста» и «Ардавирафнаме»). Это могло стать причиной незначительного количества разводов. Кроме того, согласно некоторым источникам женщин в Ахеменидской империи было гораздо меньше, чем мужчин. (Хотя по сведениям, оставленным греческим историком Геродотом, в то же время аристократы имели в официальном браке несколько жен, но число женщин, не состоявших в официальном браке с аристократами, было даже больше [24, с. 1535].)

Тем не менее со временем ситуация изменилась, и в позднюю ахеменидскую эпоху, а также в эпоху Селевкидов и Парфянского царства все отчетливее стала проявлять себя тенденция к вступлению в кровосмесительный брак (и, как следствие, дистанцированию от женщин из других племен). Такие браки, особенно среди королевских семей, неоднократно упоминались в древне-

иранских источниках периода Античности. Наиболее ранними из них являются исторические источники древнего Элама. Согласно им, кровосмесительные браки продолжались в поздний ахеменидский, парфянский и сасанидский периоды. Вступление в родственный брак считалось благородным поступком и поощрялось, как и развод с женщинами из других племен [9, с. 81].

После окончания правления династии Ахеменидов, во времена империи Сасанидов (224–651) — последней персидской империи до прихода ислама, — иранская цивилизация достигла пика своего величия. В эпоху Сасанидов именно зороастризм как государственная религия регламентировал отношения между мужчиной и женщиной. Эти отношения включали в себя ролевые статусы первых и вторых, брачные обычаи и права женщин в обществе (1, с. 25). Нравственные принципы, структура супружеской жизни и социальные нормы определялись религиозными текстами и законами того времени (3, с. 18).

По сведениям, почерпнутым из таких важных для рассматриваемого периода книг, как «Матикан Хезар Датсетан» и «Бандэхэш», написанных на языке пехлеви¹, развод в семьях народов этой империи имел свои культурные особенности, о которых следует упомянуть [27, с. 34].

Согласно зороастрийским текстам, если женщина теряла супруга (вдовела) или же находилась на грани развода в связи с его бесплодием, она могла, не разводясь, выйти замуж за другого мужчину, и тогда дети от этого брака переходили под опеку ее первого супруга. По-видимому, это явление, называемое *чакарзани*, было одной из причин снижения количества бракоразводных процессов [14]. (С другой стороны, *чакарзани* считавшийся фиктивным и крайне неустойчивым браком, мог способствовать и увеличению числа разводов.)

Поскольку женское население в то время преобладало над мужским, кровосмеси-

¹ Этот язык назывался среднеперсидским. Он был распространен в эпоху Сасанидов в качестве официального языка всей Персидской империи вплоть до прихода в Иран ислама.

тельные браки (*ховидудех*¹), а также популяризация чакарзани считались вполне приемлемыми. Но статистика разводов оставалась на низком уровне еще и из-за того, что мужчины, несмотря на приверженность своим женам, могли удовлетворять собственные сексуальные и эмоциональные потребности другими способами — в распространенных тогда типах браков. В зависимости от обстоятельств женщин, вступавших брак в эпоху Сасанидов, называли падешах зан², айюк зан³, сезар зан⁴, чакар зан⁵ и ходсарай зан⁶.

Тенденцию к полигамности можно рассматривать как одну из отличительных черт эпохи. Мужчина мог иметь несколько жен. Но многобрачие считалось привилегией знати и придворных. У простолюдинов же, как правило, была одна жена. В патриархальной семье описываемого времени мужчины пользовались привилегированным положением [6, с. 46]. Тем не менее женщина играла ключевую роль в семье, и в основном на ней лежали обязанности по воспитанию и обучению детей [26].

В отличие от всех древних обществ, где женщинам не разрешалось разводиться, в сасанидском Иране обоим полам предоставлялось такое право. Как мужчина мог подать в суд на свою жену и потребовать развод, так и женщина имела те же самые полномочия. Однако стоит отметить, что суд не разрешал супругам разводиться до тех пор, пока не получал от кого-либо из них весомых, документально подтвержденных доказательств невозможности дальнейшей совместной

жизни. Если муж хотел под недопустимым предлогом развестись с женой, она могла подать жалобу судье, и в случаях, когда вина мужчины была неопровержимой, его наказывали и отправляли в тюрьму [20, с. 147]. После развода до следующего брака жена находилась под опекой своих родителей [37, с. 53].

Еще раз подчеркнем, что полигамия, чакарзани и кровосмешение, были обычными явлениями в эпоху Сасанидов [5, с. 24].

Что касается кровосмесительного брака, то он, по всей вероятности, в патриархальных империях древнего Ирана был направлен на легитимизацию власти и со смелой идеологии в постисламском Иране был искоренен.

Культура развода в исламском Иране.

С завоеванием Ирана арабами-мусульманами в 651 г. политические, социальные и культурные структуры государства были полностью преобразованы. В стране постепенно распространился ислам, и все законы, регулирующие жизнь иранцев, подверглись влиянию этой религии. Институт семьи также формировался в соответствии с новыми догмами.

С 651 по 1501 г. центральная власть в Иране переживала упадок. В этот 850-летний период религией иранцев был суннизм, а страной управляли слабые арабские и иранские династии. В суннитской религиозной традиции, не препятствовавшей, хотя и с определенными ограничениями, многоженству (каждый мужчина мусульманин мог взять четыре жены, но не мог их держать в одном доме по этическим соображениям [25, с. 50]), развод воспринимался как нечто циничное и отнюдь не поощрялся. Тем не менее в ряде случаев расторжение брака допускалось.

Несмотря на то, что право на развод было преимущественно у мужчины, женщина также могла рассчитывать на «Талаг Мобарат и Хал'э» — развод без требования удовлетворения своих прав или с выплатой супругу определенной суммы из-за утраты чувств к нему.

Развод (мобарат), происходил, когда у жены и мужа отсутствовало влечение друг

¹ Кровосмесительные браки (с сестрой или матерью) в конце эпохи Сасанидов.

² Падешах зан — женщина, которая впервые выходила замуж с разрешения своих родителей.

³ Айюк зан — женщина, которая выходила замуж, будучи единственным ребенком своих родителей.

⁴ Сезар зан — женщина, жених которой, достигнув половозрелого возраста, умирал до свадьбы, после чего его родители готовили для нее приданое и выдавали замуж за другого мужчину.

⁵ Чакар зан — женщина, вступавшая в повторный брак после смерти своего мужа.

⁶ Ходсарай зан — женщина, выходящая замуж без согласия родителей.

к другу и обе стороны требовали удовлетворения своих прав. [21, с. 424]. Один из наиболее важных культурных аспектов развода в исламе (имеющий место по сей день) состоит в том, что женщины не могут вступать в новый брак сразу после расторжения предыдущего и должны ждать три месяца. Это так называемый «закон времени» — идда, дающий женщине шанс все хорошо обдумать и, возможно, вернуться в свою прежнюю семью. Также, если женщина забеременела в этот период, важно сохранение плода и недопущение прерывания беременности. После трех месяцев она может выйти замуж. Период выжидания идда был известен еще до прихода ислама [38, с. 439–440].

Возвращаясь к социально-политической ситуации в Иране времен захвата его арабскими, тюркскими, татарскими, монгольскими завоевателями, стоит отметить, что режим правления в стране тогда был патриархальным; женщины не имели практически никаких прав.

Когда Иран захватили турки и была основана ирано-турецкая империя Сельджукидов (1037–1194), естественным явлением стало считаться многоженство, а также получили распространение внутрплеменные браки. Девушки часто вступали в брак в раннем возрасте. Общепринятой нормой был брак с вдовами и женщинами, разлученными со своими мужьями. Кроме того, в период правления династии Сельджукидов браки, как и разводы, часто способствовали устранению враждебности между двумя племенами или укреплению существующей дружбы. Иными словами, культурные аспекты развода получили политический оттенок [17, с. 281–283].

После прихода к власти Хорезмшахов (1098–1219) женщины, владевшие ранее крепостями или земельными наделами, для укрепления своего положения вступали в брак с представителями династии и, передавая имущество во владение мужей, продолжали жить прежней жизнью и имели огромное влияние в государственном аппарате [7, с. 224]. Мужчине разрешалось жениться

на его горничной, женщине, которую он купил и предпочел своей жене [7, с. 302].

Захват Ирана монголами (1219–1256) не лучшим образом сказался на иранском семейном укладе. Но в конце концов монголы погрузились в богатую культуру Ирана и создали государство Ильханидов. В нем было неприемлемым, когда дочь оставалась в семье отца незамужней. При этом было настолько распространено многоженство, что между женщинами одного мужчины почти не было ревности и споров. Мужчины могли вступать в брак со всеми своими родственницами, за исключением сестер, матерей, дочерей и невесток. Следует отметить, что ханы и султаны, были собственниками не только земельных угодий и водных ресурсов, но и всех женщин на подвластных им территориях. Они могли жениться на любой понравившейся им девушке [22].

Во времена Тимуридов (1370–1500) положение женщин улучшилось и к их праву на развод в обществе стали относиться с уважением. Они же, в свою очередь, начали демонстрировать недовольство патриархальным укладом жизни и отказываться вступать в повторный брак [22, с. 23].

Шахиншах Исмаил I, основатель империи Сефевидов (1500–1736), после 850 лет ослабления Ирана, вновь привел страну к процветанию, сменив суннизм в качестве основной религии на шиизм. Но по-настоящему могущественной империю сделал Шах Аббас I, установив иные принципы управления государством, обновив основы общества и политики. Сказались эти нововведения и на семейном укладе. Женщинам вернули все их права, вступление в брак и развод стали официальными. Тем не менее развод в шиитской теологии воспринимался как ужасное явление. Авторитетные высокопоставленные лица предпочитали смерть разводу с женой и скорее склонялись к тому, чтобы оборвать жизнь супруги, чем расторгнуть брак с ней. Низшие слои общества также почти никогда не одобряли развод [11, с. 65]. Одной из наиболее оправданных причин развода было женское бесплодие.

Отличительной особенностью получения развода в этот период стало предоставление денежной компенсации [15, с. 151]. В эпоху Сефевидов, в основном когда мужчины разводились со своими женами, последним выплачивалось денежное вознаграждение — махр. Махр, предусмотренный шиитскими законами, до сих пор считается нормой в иранском обществе. Как правило, его сумма определяется в начале брака для финансовой поддержки женщины, в том числе в случае развода. [36, с. 347–349].

После завоевания империи Сефевидов афганскими племенами и оккупации ими Ирана к власти пришли сначала Афшариды, а затем Зенды — династии, которые опять вернули страну к суннизму.

Во времена правления Афшаридов (1736–1751) иранское государство стало намного сильнее, чем при Сефевидах. Однако в связи с постоянными военными походами Надер-шаха — основателя династии — главной целью брака было рождение детей для военных нужд. Бесплодным женщинам в спешном порядке выдавался развод. В патриархальном обществе Афшаридов и Зендов (1751–1794), в основном по причине преобладания в Иране суннизма (особенно в эпоху Афшаридов), было чрезвычайно распространено многоженство и, соответственно,росло числа разводов.

Во время правления династии Каджаров (1794–1925) Иран обрел свою территориальную целостность. Каджары были тюрками, поэтому в иранской культуре начали проследиваться тюркские тенденции. Общество в ту пору составляли многочисленные группы и племена. Религиозные деятели фактически определяли социальную жизнь страны. [32, с. 35]. Каджары были исламскими фундаменталистами и поощряли раннее (с девяти лет) вступление девушек в брак. Такая позиция сложилась на основании строгих религиозных указаний. Женатый мужчина свободно мог вступать в брак с другими женщинами и поэтому меньше всего думал о разводе [18, с.124]. Женщины имели право требовать развод только в трех случаях: во-первых, если муж не способен был содер-

жать жену, во-вторых, если он имел отклонения, и, в-третьих, если был не способен к нормальной половой жизни. Но все это супруга должна была доказать с произнесением клятвы. Женщина, которая получала развод, перевозила в свой дом приданое и все то, что в браке дарил ей супруг. Кроме того, она имела право потребовать махр, при условии, что больше не будет стремиться выйти замуж [12, с. 113–114]. Следует отметить, что и мужчина имел определенные ограничения: в случае если он трижды давал развод своей жене, он больше не мог на ней жениться [34, с. 202].

Иногда даже людские суеверия о том, что жена может принести в дом несчастье, становились причиной развода. Но это вовсе не означало, что после расторжения брака жизнь женщины улучшится. В то время иранки сталкивались со множеством трудностей. Экономическая зависимость, отсутствие возможности трудоустройства, поведенческие ограничения, давление социальных норм делали их положение незавидным. А возвращение в отцовский дом могло повлечь за собой еще и духовной кризис. Чаще всего разводились представители бедных слоев общества. В семьях же с достатком, даже если развод случался, женщины испытывали меньшие сложности [30].

Несмотря на то, что в конце периода правления Каджаров в Иране наблюдались конституционные трансформации и был учрежден парламент, женщины по-прежнему сталкивались с реалиями патриархального образа жизни. Непрерывающиеся войны с Россией, влияние России и Великобритании в Иране в конечном итоге привели страну к упадку, что, безусловно, отразилось и на иранской семье.

С приходом к власти династии Пехлеви (1925–1979) Иран ступил на путь модернизации. По завершении оккупации Ирана британскими и русскими войсками после Второй мировой войны он постепенно начал сближаться с западными странами, особенно с США, и это привело к культурным преобразованиям в обществе [19, с. 217]. В первый период правления Пехлеви (Реза-шах,

1925–1943) были систематизированы многие институты гражданского общества. Многоженство стало считаться неподобающим явлением, а бракоразводные документы приобрели законную силу. Реза-шах освободил женщин от ношения хиджаба и внедрил западные модели одежды и поведения. [31, с. 130]. В 1934 г. он побывал в Турции. Результатом этой поездки стала реализация в Иране реновационной модели Ататюрка, где в качестве образца была принята европейская модель. [16, с. 295]. Сохранившиеся документы о положении семьи в первый период эпохи Пехлеви говорят о том, что число разводов в Иране, когда общество еще не до конца модернизировалось и супружеские отношения в большинстве своем сохранили свой традиционный уклад, было огромно. Его основные причины нужно искать в культурных проблемах, вытекающих из традиционной маскулинно ориентированной идеологии, и в почти неограниченной свободе мужского пола по отношению к противоположному. Во многих случаях супруг действовал разными способами, принуждая жену к одностороннему разводу,— проявлял жестокость или выгонял из дома, прибегал к различным ухищрениям, чтобы не платить ей махр. Он также мог сам покинуть дом. Внезапный уход мужа от супруги и детей без выплаты компенсаций, или, лучше сказать, его побег из семьи, был одним из главных оснований для прекращения супружеских отношений и развода. Причиной увеличения числа разводов были также экономические трудности, которые испытывало все (а особенно бедное) население Ирана. Засилье коррупции, неэффективное управление страной, основанное на огромном разрыве между властной верхушкой и большинством, тоже сыграло в этом свою роль.

Приведем серию примеров. Разведенная жена Абдолрасула обратилась в суд, чтобы пожаловаться на действия бывшего супруга — незаконный арест приданого и неуплату махра. Или другая ситуация: молодая девушка, получившая развод, подала иск на некоего Хаджи Хасана, который склонил ее, вследствие неопытности, к браку,

но менее чем через год неоправданно подал на развод, чтобы не оплачивать ее финансовые требования. Еще один пример: женщина из северо-западного региона пожаловалась на внезапный уход супруга из дома, невыплату средств на ее содержание, несмотря на то, что она осталась с несовершеннолетней дочерью, пребывание в отдаленном городе на севере Ирана и вступление там в новый брак [10, с. 46–62].

Часто женщины из нестабильных семей для относительного улучшения своего положения старались удовлетворять любые потребности мужчины, выполнять все выдвигаемые им условия и даже прибегали к колдовству. Потому что развод, как и раньше, не способствовал обретению ими счастья и обеспеченности. Большинство женщин того времени считали брак единственным способом удовлетворения своих жизненных нужд [10]. Из положительных моментов нужно отметить знакомство женщин в первый период правления династии Пехлеви с новыми культурными, правовыми и социальными концепциями.

Когда к власти пришел Мухаммед Реза (1943–1979), сын Резы-шаха и последний шах Ирана (свергнутый в результате исламской революции в феврале 1979 г.), усилился процесс модернизации и вестернизации иранского общества. С появлением таких атрибутов общественной жизни, как бары, ночные клубы и магазины, предлагающие западную продукцию, многие иранцы испытали серьезный культурный шок, и поскольку данный процесс проходил достаточно интенсивно, так и не смогли принять эти перемены.

Естественно, претерпел изменения и институт семьи. Иранская женщина, следуя за новой идентичностью, видела в разводе способ ухода от патриархальной жизни [26, с. 71–91]. Западные модели, представленные в киноиндустрии, пропагандировали свободу любви и внебрачные связи. Демонстрируемые фильмы были в целом эмоциональными и романтическими, что противоречило традиционной иранской культуре. Следование образам из этих фильмов в реальной жизни

вызывало кризис в иранской семье, особенно среди молодежи, и способствовало распространению разводов. Проведение фестивалей и конкурсов красоты «Мисс Ирана», активное участие женщин в образовательном процессе, пропаганда феминистских ценностей были факторами коренных изменений в социальной жизни иранских женщин.

Они получали высшее образование, постигали основы правовой грамотности. Гражданские законы и семейные права в Иране приобрели законную силу и стали исполняться, в том числе с учетом культурных преобразований, которые начались в 1925 г. Постепенно произошли изменения в структуре семьи — от ее расширенной модели к нуклеарной. Темпы прироста населения сократились, число разводов увеличилось. Правовые изменения впервые начали доминировать над традициями. В 1967 г. был принят закон о защите семьи. До этого момента мужчина имел право развестись с женой по собственному желанию при любых обстоятельствах. Расторжение брака осуществлялось в присутствии двух свидетелей, миссией которых было примирение мужа и жены. Но в действительности присутствие свидетелей не обеспечивалось [28, с. 146–153, 208]. Женщина могла подать в суд заявление о разводе только в ограниченных обстоятельствах, к которым относились мужское половое бессилие, психическое расстройство, неспособность обеспечить жену, плохое обращение и инфекционные заболевания. Согласно закону о защите семьи 1967 г., развод осуществлялся лишь с разрешения суда, и именно суд, убедившись в невозможности примирения сторон, выдавал свидетельство о разводе [28, с. 146–153].

В целом роль семьи как ячейки общества в иранском социуме осталась очень заметной, а общее отношение к разводу было негативным. Однако если семейная жизнь супружеской пары не складывалась, эта проблема разрешалась расторжением брака. Жена также получала махр. Как правило, во втором периоде правления Пехлеви, если женщина не была из религиозной семьи и не имела надлежащего экономического по-

ложения, после развода ее можно было привлечь в центры, которые оказывали мужчинам услуги сексуального характера. Подобные центры существовали в основном в крупных городах — Тегеране, Ширазе и др.— и были заполнены такими женщинами. Развод в богатых семьях приводил к большей личной свободе. В семьях же среднего класса женщины обычно вступали в повторный брак с вдовыми или разведенными мужчинами. Таким образом, концепция брака, развода и совместной жизни во втором периоде правления династии Пехлеви претерпела большие изменения, несопоставимые ни с одним из исторических периодов Ирана.

Культурные изменения в разводе после Исламской революции. С победой Исламской революции в феврале 1979 г., в политической, экономической, социальной и культурной сферах страны произошли существенные изменения. После тысячелетнего монархического правления Иран начал строить демократию на основе ислама. Священнослужители во главе с аятоллой Хомейни, недовольные культурной и политической ситуацией в шахском Иране, при поддержке среднего класса и академического сообщества подняли волну протестов, завершившихся установлением новой системы, которая действует и по сей день.

Шиитское учение стало главным законом страны. Многоженство было объявлено скверным и противоправным действием. Нуклеарная семья довольно быстро получила распространение. В связи с этим появились новые социокультурные предпосылки развода и изменился его процессуальный характер.

Конечно, все эти перемены произошли не сразу — на это потребовалось сорок лет. И каждое из четырех десятилетий имело свои особенности касательно развода. В первом периоде (1979–1989) страна, находясь в стадии революционных преобразований, столкнулась с вторжением соседнего Ирака и на протяжении восьми лет вела навязанную войну. Мужчины участвовали в битвах, а женщины помогали им (и очень эффективно) в тылу. В эти годы иранское общество было крайне

идеализированным. Семейный институт считался священным, и роль женщин в сохранении и развитии семьи подчеркивалась особо. В стране были приняты конкретные законы, способствовавшие увеличению рождаемости и приросту населения. В некоторой степени семьи сохранили традиционную структуру, супружеские пары среднего и низшего класса начинали совместную жизнь в доме своих родителей. В целом в первое десятилетие революции иранская семья была моральным эталоном. В учебниках развод представлялся как наследие западного общества, требующее осуждения. Поэтому мужчины и женщины для сохранения своей чести и чести детей старались избегать развода. Он имел место в основном в городах, и только в тех случаях, если у супружеских пар были серьезные, неразрешимые проблемы. Как правило, против развода более резко выступала семья жены. Если женщина разводилась, она была вынуждена вернуться в родительский дом, и ее шансы на следующий брак были невелики. По сути, она могла выйти замуж (чаще всего не сразу) за мужчину либо намного старше себя, либо разведенного (или вдовца с детьми), либо недостаточно экономически обеспеченного. Эти условия были еще тяжелее для женщины с ребенком.

Во втором десятилетии революции (1989–1999) Иран, пострадавший в результате войны, подвергся характерным для кризисных периодов культурным трансформациям. Модель иранской семьи тоже претерпела изменения. Общество стало биполярным, а семья — полностью нуклеарной. Развод в основном происходил из-за изменения образа жизни и перемен в культурных моделях общества и постепенно вошел в семьи среднего и высшего класса, хотя и продолжал считаться непристойным поступком. С другой стороны, беспрецедентный рост числа женщин на рынке труда привел к их экономической независимости, что сделало перспективу развода для тех из них, кто был неудовлетворен своей супружеской жизнью, более обнадеживающей. Проведенные исследования показывают, что в крупных городах число заявлений

на развод от работающих женщин намного превышало число таковых от безработных.

В третьем десятилетии революции (1999–2009) в Иране сформировался новый дискурс под названием «реформы». Роль женщин стала более заметной. В результате повсеместного развития университетов и преобразований в сфере культуры вырос образовательный и интеллектуальный уровень молодежи. Новый образ мышления и стиль жизни молодых людей, а также критерии в выборе супруга(и) полностью отличались от критериев их родителей. Международные отношения Ирана с западными странами улучшились, культурное и политическое развитие вошло в повестку дня работы правительства. Проблемы семьи стали рассматриваться в университетском курсе под названием «Планирование семьи», и иранское общество опять начало вестернизироваться. Менее чем через три десятилетия после революции число зарегистрированных браков постепенно уменьшилось, а количество разводов возросло. Исследования также указывают на то, что тенденция изменений в браке и разводе больше не была присуща исключительно крупным городам [13]. Разведенные супруги, как правило, уже не возвращались в дом родителей, а жили самостоятельно. Родители не так, как в прежние времена, вовлекались в процесс принятия решения своими детьми относительно развода, так как их влияние на детей уменьшилось.

В четвертое десятилетие революции (2009–2020), которое можно назвать периодом современной семьи, мы наблюдаем новые модели и стиль жизни, полностью отличающиеся от всей предшествующей истории Ирана. Фактически в этот период в связи с принятием новых законов в области семьи, женщины получили больше социальных и экономических прав, они могут подать на развод в судебные инстанции, получить его и добиться своих прав за время супружеской жизни. Развод перестал считаться чем-то непристойным, и некоторые молодые пары после развода, приглашают своих друзей и знакомых, чтобы отметить это событие [4, с. 143].

В современном обществе, с учетом увеличения числа разводов, влияние старших в семье уменьшилось. Уменьшилась также и сплоченность членов семьи [35, с. 28–29, 197]. Институт брака уже не так священен, как раньше, и молодые супружеские пары легко разводятся. После развода, как правило, не вступают в брак или делают это слишком поздно, а в некоторых случаях снова разводятся. Повторение брака и развода для супружеских пар в нынешнем Иране стало обычным делом. Махр, консультации с родителями, религиозные учения, прежние строгие законы полностью утратили свое влияние и функциональность в предотвращении развода. «Развод по обоюдному согласию» является очень распространенным явлением, и супруги получают его легко, в течении одной недели. Согласно последним статистическим данным, максимальная продолжительность совместной жизни не достигает пяти лет. В Тегеране, как показывают исследования, на три зарегистрированных брака случается один развод [35, с. 129–150]. В крупных городах некоторые пары, не придерживающиеся религиозных устоев, после развода вступают в «гражданский брак». Изменения в области культуры в современном иранском обществе привели к глубоким, ранее не наблюдавшимся изменениям на личностном уровне.

Заключение. Подводя итог, следует сказать, что богатая на социально-политические потрясения история Ирана дает нам все основания называть эту страну «перекрестком событий». Прямое влияние этих событий на иранскую культуру и семью было повсеместным. Развод, история которого восходит к истории брака, был одним из неотъемлемых аспектов культурной и общественной жизни Ирана.

Религия всегда играла ключевую роль в функционировании иранской семьи — со времен правления династии Ахеменидов и зороастрийского вероисповедания до принятия ислама как в суннитской, так и в шиитской форме. На протяжении всей истории Ирана институт семьи в этой стране был

священным и ценным, а развод почти во все периоды считался нежелательным явлением.

Тем не менее наряду с преобразованиями семьи наблюдались изменения и в культуре развода. Иранская семья до прихода ислама и арабского господства в целом имела иное представление о браке и разводе. В период же, известный как исламский, в Иране полностью изменились концепции, дискурсы и культурные ценности семьи. В течение первых 850 лет после победы ислама в стране господствовали суннитские религиозные ценности, а арабские, тюркские и монгольские племена, правившие Ираном, распространили здесь многоженство, и культурные аспекты развода стали меняться от периода к периоду. С того момента, как иранские династии вновь взяли бразды правления в свои руки, до революции 1979 г. иранская семья претерпела ряд трансформаций. Из полностью патриархальной, превратившей женщин в домохозяйек и препятствовавшей разводу в эпоху Каджаров, она с началом второго периода правления Пехлеви, на который пришелся пик модернизма в Иране, стала нуклеарной, все больше напоминающей западные модели.

После исламской революции сформировались новые дискурсы в отношении брака и развода. На протяжении этих сорока лет восприятие развода колебалось от крайнего неприятия до его празднования в иранских семьях. В начале революции иранская семья была основой системы национальных ценностей и настойчиво сопротивлялась разводу, однако через четыре десятилетия ситуация полностью изменилась.

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Несмотря на значительные изменения, происходящие в иранском обществе, отношение различных поколений к разводу всегда было негативным, хотя в разные периоды истории оно имело свою специфику. Мы также можем констатировать, что иранская семья до конца не утратила своих традиций, и этот факт не позволяет нам расценивать процессы трансформации развода как детрадиционализацию.

Seyedeh Rezvaneh Seyed Reza MOKHTARI

Postgraduate student,
Astrakhan State University,
Astrakhan, Russian Federation,
srezvanehmokhtari@gmail.com

Behrooz Mohammad Taghi MOKHTARI

Ph.D. (International Relations),
Islamic Azad University, Science and Research Branch,
Ministry of Foreign Affairs,
Tehran, Islamic Republic of Iran,
behrozmokhtari@gmail.com

***The Cultural Transformation of Divorce
in Pre-Islamic and Islamic Iran***

Abstract. The aim of this article is a comparative analysis of cultural diachronic changes in the phenomenon of divorce in specific historical periods of the development of Iranian society. The study employs historical-genetic and historical-comparative methods, and the method of empirical observations. The materials are historical sources, works of Iranian cultural scientists, philosophers, historians, and sociologists. The culture of divorce in ancient Iran is investigated, the rarity of this phenomenon in the Achaemenid era is noted, its causes are indicated, and the social reaction to incest and polygamy is revealed. The influence of Zoroastrianism on the practice of marriage and divorce in the Sassanid Empire is studied. In this era, consanguine marriages (xwedodah) and chakar zani (divorce of a woman from a man with the subsequent adoption by him of children born by a woman in the next marriage), as well as the prevalence of polygamy in aristocratic circles, are noted. The changes in the culture of divorce that took place in Iran with the adoption of Islam (650) are considered, the established mechanism of Islamic divorce is described. The peculiarities of divorce are noted during the seizure of Iran by the Turks, the rise to power of the Khorezmshahs, the Mongol conquest, and the rule of the Timurids. Various aspects of divorce in the Safavid era are analyzed, the significance of mahr (the remuneration that a wife received upon marriage) for financial support of a woman in case of divorce is determined. An increase in the number of divorces during the reign of the Afsharids and their decrease in the era of the Qajars, who were adherents of Islamic fundamentalism, are noted. The influence on marriage and divorce of the modernization processes that took place during the reign of the Pahlavi dynasty is considered. It has been found that as these processes deepened, the number of divorces increased. The procedures for divorce and the possible consequences of divorce for a woman at that time are described. The cultural changes that affected the institution of divorce after the Islamic revolution are examined. It is determined that the attitude of society towards divorce has been progressively changing from rejection and condemnation to a widespread “divorce by mutual consent” in recent years. It is concluded that the attitude of different generations of Iranians to divorce has always been negative, but in different historical periods this attitude had its own specifics. At the same time, the Iranian family has not completely lost its traditions, which does not allow regarding the processes of transformation of divorce as detraditionalization.

Keywords: Iran, divorce, culture, religion, society, history, family, marriage, norms.

Использованная литература:

1. Ahmed L. *Women and Gender in Islam*. New Haven&London: Yale University Press, 1992.
2. Daryaee T. *The Oxford Handbook of Iranian History*. Oxford: Oxford University Press, 2012.

References:

1. Ahmed, L. (1992) *Women and Gender in Islam*. New Haven & London: Yale University Press.
2. Daryaee, T. (2012) *The Oxford Handbook of Iranian History*. Oxford: Oxford University Press.

3. Nashat G. & Beck L. *Women in Iran from the Rise of Islam to 1800*. Urbana and Chicago: University of Illinois Press, 2003.
4. عابدینی، مهدی. تغییرات فرهنگی اجتماعی ایران. تهران: روش شناسان و جامعه شناسان، 1396.
4. Абедини М. Социально-культурные изменения Ирана. Тегеран: Методисты и социологи, 2017.
5. آذرگشسب، موبد اردشیر. مقام زن در ایران باستان. تهران: بی نا. چاپ دوم. 1354.
5. Азаргашсб М. А. Положение женщины в древнем Иране. Изд 2-е. Тегеран: Бина, 1975.
6. آموزگار، ژاله. ارداویرافنامه، تهران: معین، 1372.
6. Амузгар Ж. Ардавирафнаме. Тегеран: Муин, 1993.
7. زیدری نسوی، شهاب الدین. سیرت جلال الدین منکبرنی. تصحیح و مقدمه مجتبی مینوی. تهران: شرکت انتشارات علمی و فرهنگی، 1394.
7. Shihab al-Din Muhammad al-Nasawi. (2015) *The Biography of Sultan Jalal ad-Din Mingburnu*. Tehran: Scientific and Cultural Publications. (In Persian).
7. زیدری نسوی، شهاب الدین. سیرت جلال الدین منکبرنی. تصحیح و مقدمه مجتبی مینوی. تهران: شرکت انتشارات علمی و فرهنگی، 1394. ص. 224.
8. افخمی بهروز. زینی زاده تقی. حسینی نیا، سید مهدی. مطالعه جایگاه زن در دوره هخامنشی. مجله زن در فرهنگ و هنر. شماره 4. زمستان 1397.
8. Afkhami, B., Ziniazadeh, T. & Hosseyninia, S.M. (2018) Women's Position in the Achaemenian and Assyrian Period based on Archaeological Evidence. *Journal of Women in Culture and Arts*. 4. pp. 527-548. (In Persian). DOI: 10.22059/JWICA.2019.262553.1109
9. بویس، مری. زرتشتیان، باورها و آداب دینی آنها. ترجمه عسکر بهرامی. تهران: ققنوس، 1386.
9. Boyce, M. (2007) *Zoroastrians: Their Religious Beliefs and Practices*. Translated from English by A. Bahrami. Tehran: Gognus. (In Persian).
9. بویس، مری. زرتشتیان، باورها و آداب دینی آنها. ترجمه عسکر بهرامی. تهران: ققنوس، 1386. ص. 81.
10. غفاری فرد، عباسقلی. زن در تاریخ نگاری صفویه. تهران: امیر کبیر، 1387.
10. Pourghanbar, M., Akbari, M. (2017). Divorce in Iran During the 1920s and 1930s. *Ganjine-ye Asnad*. 27(3). pp. 42-46. (In Persian).
10. غفاری فرد، عباسقلی. زن در تاریخ نگاری صفویه. تهران: امیر کبیر، 1387. ص. 65.
11. Гафарифард А. Г. Женщины в эпоху Сефевидов и Каджаров. Тегеран: Амир кабир, 2008.
12. دروویل، گاسپار. سفر در ایران. ترجمه منوچهر اعتماد مقدم. تهران: شباویز، 1367.
12. Drouville, G. (1988) *Voyage en Perse* [Travel to Iran]. Translated from French by E. Moghaddam. Tehran: Shabaviz. (In Persian).
12. دروویل، گاسپار. سفر در ایران. ترجمه منوچهر اعتماد مقدم. تهران: شباویز، 1367. صص. 113-114.
13. کاملی، محمد جواد. بررسی توصیفی علل و عوامل موثر در بروز آسیب اجتماعی طلاق در جامعه ایران // فصلنامه دانش انتظامی، 1386، شماره 35. صص. 180-195.
13. Kameli, M.J. (2007) A Descriptive Study of the Causes and Factors Affecting the Incidence of the Social Harm of Divorce in Iranian Society. *Danesh-E-Entezami*. 35. pp. 180-195. (In Persian).
13. کاملی، محمد جواد. بررسی توصیفی علل و عوامل موثر در بروز آسیب اجتماعی طلاق در جامعه ایران // فصلنامه دانش انتظامی، 1386، شماره 35. صص. 180-195.
14. Камели М. Дж. Описательное исследование причин и факторов, влияющих на появление социальной патологии развода в иранском обществе // Данеше Энтезами. 2007. №35. С. 180-195.
14. Karimi Zanjani, Asl.M. (1999) Marriage in Ancient Iran: Typology and Customs. *Chista*. 158-159. pp. 663-674. (In Persian).
14. کاملی، محمد جواد. سفرنامه کمپفر / ترجمه کیکاووس جهانداری تهران: خوارزمی، 1363. ج. 3.
15. Kempfer Э. Путевой очерк Энгельберта Кемпфера / Пер. К. Джохандари. Тегеран: Харазми, 1983. Т.3.
15. Kempfer Э. Путевой очерк Энгельберта Кемпфера / Пер. К. Джохандари. Тегеран: Харазми, 1983. Т.3.

14. کریمی زنجانی اصل، محمد. ازدواج در ایران باستان: گونه شناسی و آداب و رسوم. ماهنامه چیستا، 1378. شماره 158 و 159، صص. 674-663
15. Kaempfer, E. (1983) *Die Reistagebuecher Engelbert Kaempfers* [Engelbert Kaempfer's Travel Diaries]. Translated from German by K. Jahandari. Tehran: Kharazmi. (In Persian).
15. کمپفر، انگلبرت. سفرنامه کمپفر/ ترجمه کیکاووس جهاننداری تهران: خوارزمی، 1363 ج 3. ص. 151.
16. Cronin, S. (ed.) (2004) *The Making of Modern Iran: State and Society under Riza Shah*. Translated from English by Morteza Saqebfar. Tehran: Jami. (In Persian).
16. کرونین، استفانی. رضا شاه و شکل گیری ایران نوین/ ترجمه مرتضی ثاقب فر. تهران: جامی، 1383. ص. 295.
17. Lambton, A. (1993) *Continuity and Change in Medieval Persia*. Translated from English by Yaghoob Azhand. Tehran: Ney Publication. (In Persian).
17. لمبتون، آن. تداوم و تحول در تاریخ میانه ایران/ ترجمه یعقوب آژند. تهران: نشر نی، 1372. صص. 281-283
18. Mansourbakht, G. & Hoseini, M. (2015) *Customs of Iranian Marriage in Qajar Period from the Perspective of Travel Diaries. Kheradname-ye Sadra*. 2015. 15. pp. 117-142. (In Persian).
18. منصور بخت قباد. حسینی معصومه. آداب ازدواج ایرانیان از منظر سفرنامه ها. // خردنامه. شماره: 15. پاییز و زمستان 1394. ص. 124.
19. Mahdavi, H. (2010). *Iran's Foreign Policy During Pahlavi Era*. Tehran: Peykan. (In Persian).
19. مهدوی، عبدالرضا هوشنگ. سیاست خارجی ایران در دوران پهلوی. تهران: پیکان، 1393. ص. 217.
20. Shushtari, A. (1970) *Ruling and Society in Iran in the Sassanid Period*. Tehran: Atae Press. (In Persian).
20. مهرین شوشتری، عباس. کشورداری و جامعه ایران در زمان ساسانیان. تهران: موسسه مطبوعاتی عطایی، 1349. ص. 147.
21. Mohaghegh Damad, S.M. (1387). *Family Law, Marriage and Its Dissolution*. Tehran: Center for Publication of Islamic Studies. (In Persian).
21. محقق داماد، سید مصطفی. حقوق خانواده: نکاح و انحلال آن. تهران: مرکز نشر علوم انسانی، 1379. ص. 424.
22. Nazari, S. (2016) *The life of women in the era of Iranian dynasties. Shabak*. May. 3. pp. 22-23. (In Persian).
22. نظری، ساره. روزگار زنان در سلسله های ایرانی. سال دوم. شماره: 3. خرداد 1395. ص. 22-23.
23. Nasarvanji, E.B. (ed.) (1919) *Saddar Nasr and Saddar Bandehes*. Sec. 14. Paragraph 1. Tehran: Sarparasti Parsi. (In Persian).
23. ادوارد بامانجی نساوانجی. صد در بندهش. تهران: سرپرستی پاریسی، 1909. فصل 14، بند 1.
24. Pirnia, H. (1996) *History of Ancient Iran: An Abridged Version*. Vol. 6. Tehran: Dunya-yi ketab. (In Persian).
24. پیرنیا، حسن. تاریخ ایران باستان. تهران: دنیای کتاب. جلد ششم. چاپ جیبی، 1375. ص. 1535.
25. Pishvayi, M. & Pishvayi, F. (2010) *Types of Divorces in the Jahiliyyah Period and the Transformation of the Divorce System of the Jahiliyyah Period After the Advent of Islam. Tārikh dar Āyene-ye Pazhuheh*. 7 (3). (In Persian).
25. پیشوایی مهدی. پیشوایی فریده. گونه های طلاق در جاهلیت و تحول نظام طلاق جاهلی با ظهور اسلام// تاریخ در آینه پژوهش. سال هفتم. شماره: 3، پاییز، 1389. ص. 50.
26. Rabizadeh, A. & Hassani, M. (2017) *Study of the Structure of the Institution of the Family during the Sassanid Period by the Book of Arda Viraf. History*. 84. pp. 53-72. (In Persian).
26. رابیزاده، آ.، حاسانی م. *تحقیق در ساختار نهاد خانواده در دوره ساسانی به استناد کتاب ارداویراف نامه// فصلنامه علمی- پژوهشی، پژوهشنامه تاریخ. شماره: 84، پاییز 1396. ص. 53-72.*
26. Рабизаде А., Хасани М. *Исследование структуры института семьи в период Сасанидов по книге Ардавирафнаме // Научно-исследовательский журнал «История»*. 2017. № 84. С. 53-72.
27. راوندی، مرتضی. تاریخ اجتماعی ایران. تهران: انتشارات امیرکبیر، 1354. جلد 2. ص.
27. Ravandi M. *Социальная история Ирана*. Тегеран: Амир Кабир, 1975. Т.2.

26. ربیع زاده، علی. حسنی، محمد. بررسی ساختار نهاد خانواده در دوره ساسانی به استناد کتاب ارداویراف نامه// فصلنامه علمی- پژوهشی، پژوهشنامه تاریخ. شماره: 84، پاییز 1396. ص. 53-72
27. Ravandi, M. (1975) *Social History of Iran*. Tehran: Amirkabir Publication. (In Persian).
27. راوندی، مرتضی. تاریخ اجتماعی ایران. تهران: انتشارات امیرکبیر، 1354. جلد 2. ص. 34
28. Sanasarian, E. (2005) *Women's Rights Movement in Iran: Mutiny, Appeasement, and Repression From 1900 to Khomeini*. Translated from English by M.A. Khorasani. Tehran: Akhtarani. (In Persian).
28. ساناساریان، الیز. جنبش حقوق زنان در ایران (طغیان، افول و سرکوب از 1280 تا 1375) / ترجمه نوشین احمدی خراسانی. تهران: نشر اختران، 1384. 146-153
29. Saroukhani, B., & Rafatjah, M. (2004) Effective Sociological Factors in Rethinking the Social Identity of Women. *Women in Development and Politics*. 1. pp. 71-91. (In Persian).
29. ساروخانی باقر، رفعت جاه مریم. عوامل جامعه شناختی موثر در بازتعریف هویت اجتماعی زنان// فصلنامه زنان در توسعه و سیاست. شماره: 1، 1383. ص 71-91
30. Torabi Farsani, C. (2009) The Endeavor of Qajar Women: Individuality, the World of Tradition and Its Transition. *Journal of History of Islam and Iran*. 2. pp. 1-22. (In Persian). DOI: 10.22051/HII.2014.741
30. ترابی فارسانی، سهیلا. تکاپوی زنان عصر قاجار: فردیت، جهان سنت و گذار از آن. فصلنامه علمی- پژوهشی علوم انسانی دانشگاه الزهرا (تاریخ اسلام و ایران). شماره: 2، تابستان 1388. ص. 1-22
31. Farman Farmaian, S. & Munker, D. (1999) *Daughter of Persia*. Translated from English by A. Tabatabaya. Tehran: Karang. (In Persian).
31. فرمانفرمایان، ستاره و دیگران. دختری از ایران// ترجمه ابوالفضل طباطبایی. تهران: کارنگ، 1378. ص. 130
32. Floor, W. (1989) *Change and Development in the Judicial System of Qajar Iran (1800-1925)*. Translated from English by A. Seri. Vol. 2. Tehran: Tus. (In Persian).
32. فلور، ویلم. جستارهایی از تاریخ اجتماعی ایران در عصر قاجار/ ترجمه ابوالقاسم سری. تهران : نشر توس، 1368. ج 2.
33. Foroutan, Y. (2012) The Challenges of Contemporary Family and Modernization: An Emphasis on Divorce in the Process of Demographic Transition. *Social Problems of Iran*. 2. pp. 129-150. (In Persian).
33. فروتن، یعقوب. چالش های خانواده معاصر و نوگرایی با تاکید بر طلاق. فصلنامه مسایل اجتماعی ایران. شماره: 2، زمستان 1392. ص. 129-150
34. Furukawa, N. (2005) *Perusha kikō* [Journey to Persia]. Translated from Japanese by H. Rajabzāda and K. Eura. Tehran: Association of Cultural Works and Honors. (In Persian).
34. فوروکاوا، توبویوشی. سفرنامه فوروکاوا// ترجمه هاشم رجب زاده. تهران: انجمن آثار و مفاخر فرهنگی، 1384. ص. 202
35. Hagshenas, S.J. (2009) *Pathology of Family Relations*. Tehran: Center for Women and Family Issues under the President. (In Persian).
35. حق شناس، سید جعفر. آسیب شناسی خانواده. تهران: مرکز امور زنان و خانواده ریاست جمهوری، 1388. ص. 28-29، 197
28. ساناساریان، الیز. جنبش حقوق زنان در ایران (طغیان، افول و سرکوب از 1280 تا 1375) / ترجمه نوشین احمدی خراسانی. تهران: نشر اختران، 1384.
28. Санасариян Э. Движение за права женщин в Иране (восстание, закат и подавление от 1901 до 1996 гг.) / Пер. Н. А. Хорасани. Тегеран: Ахтаран, 2005.
29. ساروخانی باقر، رفعت جاه مریم. عوامل جامعه شناختی موثر در بازتعریف هویت اجتماعی زنان// فصلنامه زنان در توسعه و سیاست. شماره: 1، 1383. ص 71-91
29. Сарухани Б., Рафатджах М. Эффективные социологические факторы в переосмыслении социальной идентичности женщин // Женщины в развитии и политики. 2004. № 1. С. 71-91.
30. ترابی فارسانی، سهیلا. تکاپوی زنان عصر قاجار: فردیت، جهان سنت و گذار از آن. فصلنامه علمی- پژوهشی علوم انسانی دانشگاه الزهرا (تاریخ اسلام و ایران). شماره: 2، تابستان 1388. ص. 1-22
30. Тораби Ф. С. Борьба женщин эпохи Каджаров: индивидуальность, мир традиций и переход // Журнал гуманитарных наук ун-та Альзахра (История ислама и Ирана). 2009. №2. С. 1-22. DOI: 10.22051/HII.2014.741
31. فرمانفرمایان، ستاره و دیگران. دختری از ایران// ترجمه ابوالفضل طباطبایی. تهران: کارنگ، 1378.
31. Фарманфармаиун С. Девушка из Ирана / Пер. А. Табатабаии. Тегеран: Каранг, 1999.
32. فلور، ویلم. جستارهایی از تاریخ اجتماعی ایران در عصر قاجار/ ترجمه ابوالقاسم سری. تهران : نشر توس، 1368. ج 2.
32. Флур В. Очерки социальной истории Ирана в эпоху Каджаров / Пер. А. Сери. Тегеран: Тус, 1989. Т.2.
33. فروتن، یعقوب. چالش های خانواده معاصر و نوگرایی با تاکید بر طلاق. فصلنامه مسایل اجتماعی ایران. شماره: 2، زمستان 1392. ص. 129-150
33. Форутан У. Вызовы современной семьи и модернизм // Социальные проблемы Ирана. 2012. №2. С. 129-150.
34. فوروکاوا، توبویوشی. سفرنامه فوروکاوا// ترجمه هاشم رجب زاده. تهران: انجمن آثار و مفاخر فرهنگی، 1384.
34. Фурукава Н. Путевой очерк Фурукавы // Пер. Х. Раджабадзе. Тегеран: Сообщество произведений и видных деятелей культуры, 2005.
35. حق شناس، سید جعفر. آسیب شناسی خانواده. تهران: مرکز امور زنان و خانواده ریاست جمهوری، 1388.
35. Хагшенас С. Дж. Патология семейных отношений. Тегеран: Центр по вопросам женщин и семьи при Президенте, 2009.
36. شاردن، جان. سیاحتنامه شاردن. ترجمه محمد علی عباسی. تهران: امیر کبیر، 1350.
36. Шарден Ж. Журнал для путевых заметок Жана Шардина / Пер. Мохамад Али Абаси. Тегеран: Амир кабир, 1976.
37. رستم شهزادی، موبد. ترجمه گفتاری درباره ماتیکان هزاردانستان. تهران: انتشارات فروهر، 1386.
37. Шахзади Р. Разговорный перевод Матикан Хезар Датастан. Тегеран: Форухар, 2007.
38. امامی، سید حسن. حقوق مدنی. تهران : کتابفروشی اسلامیة، 1340. جلد. 4.
38. Эмами С. Х. Гражданское право. Тегеран: Книжный магазин Эсламийе, 1961. Т.4.

36. Chardin, J. (1976) *Journal du voyage du chevalier Chardin* [Journal of the Travel of the Cavalier Chardin]. Translated from French by M.A. Abasi. Tehran: Amirkabir Publication. (In Persian).
36. شاردن، جان. سیاحتنامه شاردن. ترجمه محمد علی عباسی. تهران: امیر کبیر، 1350. ص. 347-349.
37. Shahzadi, R. (2007) *Oral Translation of Mâtikân ê hazâr Dâtastân, or The Digest of a Thousand Points of Law*. Tehran: Forouhar. (In Persian).
37. رستم شهزادی، موبد. ترجمه گفتاری درباره ماتیکان هزاردانستان. تهران: انتشارات فروهر، 1386. ص. 53.
38. Emami, H. (1961) *Civil Law*. Vol. 4. Tehran: Eslamieh. (In Persian).
38. امامی، سید حسن. حقوق مدنی. تهران: کتابفروشی اسلامیة، 1340. جلد. 4. ص. 439-440.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Мохтари, С. Р. С. Р. Культурная трансформация развода в доисламском и исламском Иране / С. Р. С. Р. Мохтари, Б. М. Т. Мохтари // Наследие веков. – 2020. – № 3 – С. 112–126. DOI: 10.36343/SB.2020.23.3.009

Full bibliographic reference to the article:

Mokhtari, S.R.S.R. & Mokhtari, B.M.T. (2020) The Cultural Transformation of Divorce in Pre-Islamic and Islamic Iran. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 3. pp. 112–126. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2020.23.3.009

MUSEION: ВЫСТАВКИ, ФОНДЫ, КОЛЛЕКЦИИ

MUSEION: EXHIBITIONS, FUNDS, COLLECTIONS

БАТЫРЕВА Светлана Гарриевна

доктор искусствоведения,
ведущий научный сотрудник отдела истории,
археологии и этнологии Калмыцкого научного центра
Российской Академии наук,
Элиста, Российская Федерация

Svetlana G. BATYREVA

Dr. Sci. (Fine and Applied Art and Architecture),
Leading Researcher,
Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,
Elista, Russian Federation,
sargerel@mail.ru

ORCID: 0000-0003-4268-0705

УДК [74+75]06.064(470.47+517.3)"1980/2000"
ГРНТИ 18.31.17
ВАК 24.00.03

DOI: 10.36343/SB.2020.23.3.010

**Монголия в искусстве Калмыкии
80-90-х годов XX века:
по материалам выставок¹**

**Mongolia in the Art of Kalmykia
of the 1980s and 1990s:
Based on the Materials
of Art Exhibitions²**

Цель исследования – социокультурный анализ искусства Калмыкии 1980–1990-х гг. в системе отечественной художественной культуры. Материал: изобразительное искусство, представленное в экспозициях «Дорогами дружбы. Москва-Элиста-Улан-Батор» (1986) и объединения «Джунгария» (1989–1990). В культурологической призме междисциплинарного исследования рассматривается мировосприятие личности, создающей в творчестве художественный образ Монголии, анализируется традиционное наследие, активизируемое в переходных условиях

¹ Статья подготовлена в рамках Приоритетного направления Программы фундаментальных исследований государственных академий наук на 2013–2020 гг. (XII.186. Комплексное исследование этногенеза, этнокультурного облика народов, современных этнических процессов, историко-культурного взаимодействия в России и мире).

² The article was prepared within the framework of the Priority Direction of the Program of Basic Research of State Academies of Sciences for 2013–2020 (XII.186. A comprehensive study of ethnogenesis, ethnocultural appearance of peoples, modern ethnic processes, historical and cultural interaction in Russia and the world).

культуры России рубежа XX–XXI вв. Историческая память, генерирующая этническую идентичность художника, воплощается в произведениях. Эпические мотивы одухотворены обращением к фольклору, приобщение к единым культурным истокам питает этническую идентичность авторов. В социокультурном подходе исследования произведений установлено общее и этнические особенности изобразительного искусства Калмыкии 1980–1990-х гг., рассматриваемого в системе художественной культуры России.

Ключевые слова: культура, искусство, художественное наследие, Монголия, этническое самосознание, социокультурный анализ.

Введение. Международная выставка «Дорогами дружбы. Москва — Элиста — Улан-Батор», состоявшаяся в Москве в выставочном зале Союза художников СССР в июле — августе 1986 г., была организована в рамках культурного сотрудничества между Союзом художников МНР и СССР. Традицией были обменные командировки художников из СССР в Монголию и из Монголии в СССР (Калмыкию). В 1980 г. через Элисту, Москву и Улан-Батор был проложен маршрут творческой группы в составе калмыцких живописцев О. Кикеева, В. Ургадулова, А. Поваева и московского графика Н. Богородской в Западную Монголию. Ответным стало посещение Калмыкии монгольскими художниками Г. Дунбурээ, Д. Болд, Р. Алтанхояг и Э. Суухэ в 1981 г. В 1985 г. по приглашению СХ МНР в Монголию был командирован заслуженный художник РСФСР Г. Рокчинский. В поездке по стране живописца сопровождали монгольские художники, побывавшие в Калмыкии.

Импульсом, послужившим к установлению тесных связей между калмыцкими и монгольскими художниками, явились выставки «Графика Монголии» в Элисте и «Произведения художников Калмыцкой АССР» в Улан-Баторе в 1979 г. Традиционными в советское время были культурные связи республики с Убур-Хангайским аймаком МНР. Непосредственное общение и сотрудничество в совместных поездках, обмен творческими замыслами содействовали развитию искусства. Тему для творчества подсказывала сама жизнь во время поездок и встреч с героями труда, ветеранами войны, деятелями культуры. Истории и современности Монголии и СССР были посвящены многожанровые произведения

живописи и графики. Совместная выставка явилась творческим отчетом художников, проехавших «Дорогами дружбы. Москва — Элиста — Улан-Батор».

Поездки расширили социалистическое сотрудничество стран, став основой международных связей творческих союзов МНР и СССР. Интернациональная дружба активизировала интерес авторов к истории, фольклору, искусству монгольских народов, к истокам культуры Калмыкии. Глазами братьев была воспринята, понята, точнее, вновь узнана Западная Монголия, этническая прародина, нашедшая художественное отображение в произведениях калмыцких художников.

Калмыцкое искусство последних десятилетий XX в. не впервые становится объектом научных изысканий [5, с. 98–111; 6, с. 72–75; 15, с. 83–87; 10]. Его изучение способствует более глубокому осмыслению современного художественного процесса (об этом пишут в своих работах В. А. Коренько [15; 16] и С. Г. Батырева [4; 5; 6]). Вместе с тем более пристального внимания требует поиск этнической идентичности авторов, активизируемый в русле советско-монгольского культурного сотрудничества и в перипетиях «перестройки» художественной культуры России на рубеже XX–XXI вв. В данной работе рассматриваются тематические аспекты проблемы, отраженные в блоках исследования, посвященных анализу материала выставок, развитию изобразительного искусства Калмыкии в эпоху перестройки и Калмыцкой ассоциации художников «Джунгария» как значимому явлению российской культуры конца XX в.

Объектом исследования является художественная культура России, *предметом* —

изобразительное искусство Калмыкии в системе российской культуры. Цель научного поиска — социокультурный анализ изобразительного искусства Калмыкии последней четверти XX в. как исторически обусловленного явления художественной жизни, установление факторов его развития. При этом автор обращается к истории калмыцкого изобразительного искусства второй половины XX в., не последнюю роль в развитии которого сыграли культурные связи с Монголией и организация международных художественных выставок. Период конца 1980-х — начала 1990-х гг. можно охарактеризовать как *переходный*, приведший к ряду серьезных социально-экономических и политических изменений в стране. Это определяет актуальность изучения изобразительного искусства Калмыкии указанного временного отрезка, отразившего мировоззренческие основы и роль этнической идентичности личности в творческой деятельности.

Материалом исследования являются произведения художников Калмыкии конца 1980-х — начала 1990-х гг., посвященные Монголии (стране, природе, народу и культуре) и экспонировавшиеся на выставках в Элисте, Москве и Улан-Баторе. *Методология* исследования искусства выражена в культурологическом подходе, объясняющем развитие художественного процесса во взаимосвязях культуры, личности и искусства. В анализе искусства важно его понимание как способа бытия человека, как «образной модели» и самосознания культуры [12, с. 6–22; 7, с. 135–142; 25, с. 25–29]. Мифопоэтический «код» культуры обуславливает «воспроизводство целостности наследия» в постоянстве и неизменности ритмов развития [3; 2, с. 116]. Генезис искусства «сомкнул в истории человечества индивидуальное и общественное развитие... обеспечивая его новый качественный уровень» [20, с. 33–35]. Мировоззренческие основы в осмыслении явлений «перехода» в культуре [11; 22, с. 11–15] предполагают системный подход в историко-культурном исследовании калмыцкого искусства [1, с. 159–180; 13, с. 44–52; 14, с. 179]. Анализ художественного процесса реализуется методами искусствознания и культурологии, этносоциологии и философии. Этим обуслов-

лено комплексное междисциплинарное изучение изобразительного искусства 1980–1990-х гг. в пространстве российской художественной культуры XX в.

Выставка сквозь призму кросскультурных взаимовлияний художественного процесса. В интегрированном социокультурном поле исследования необходимо обращение к выставочному материалу международной деятельности МНР и СССР. Это произведения художников, созданные в обменных творческих поездках в Монголию и Калмыкию. *Экспозиция* как сфера отображения историко-культурных явлений времени представила художественный образ Монголии. Тема *центральноазиатских истоков культуры* объединила красной нитью произведения живописи и графики калмыцких художников.

«Сказ о Монголии» — эпическое обобщение цикла монгольских пейзажей Г. Рокчинского 1980–1990-х гг.: «Овкнрин газр» («Земля предков»), «Шин бууре» («Новое кочевье»), «Узгдл» (Видение) и др. Сокровенным мифопоэтическим началом связаны образы «Вечного Синего Неба» (рис. 1) и «Матери — земли родной» в живописи автора. Архаичен культовый сюжет горы, воспроизводящий в архетипах творческого сознания первозданную структуру мира [17, с. 247; 9, с. 43–44], переданную радужными переливами цветов народного орнамента в изображении горного ландшафта. Парящий в небе орел, распластавший в полете огромные крылья, — гордый символ свободы в мироощущенииномада. Величественный образ прародины одухотворен культурной памятью, концентрирующей «глубину мысли и чувства... сопереживание истории своего народа, изобиловавшей драматическими событиями. <...> В последние годы путь к философскому обобщению мира в творчестве автора становится все отчетливее и шире. Он ведет на Восток — в неисчерпаемый мир тысячелетней духовной культуры... заново открывающей нам вход в прошлое» [15, с. 83–84; 16].

Произведение «Сказ о Монголии» (рис. 3) — квинтэссенция народных представлений о мироздании. «Обобщенный образ Монголии в моем восприятии... это единство духа народа и земли, на которой народ возник

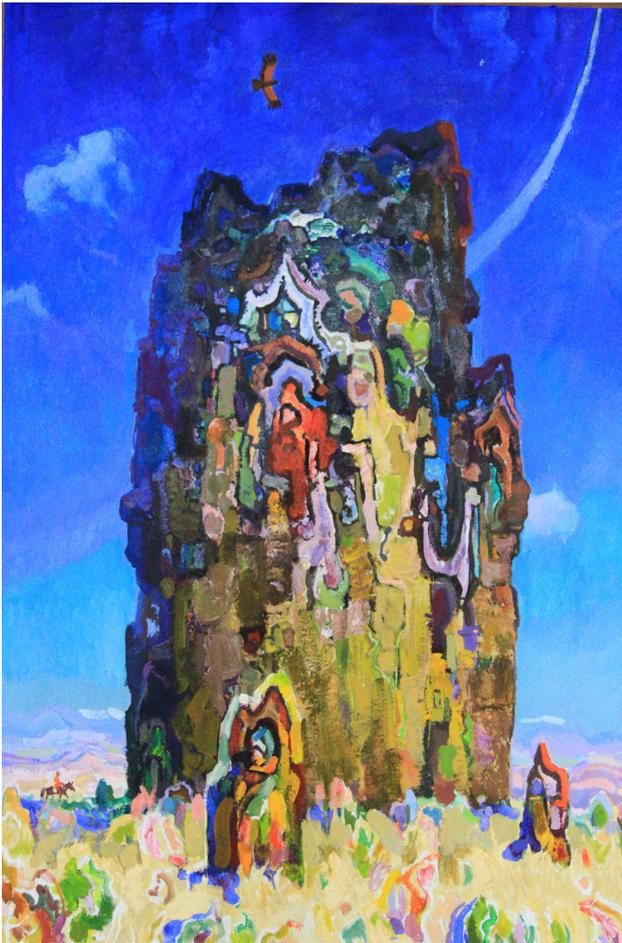

Рис. 1. Рокчинский Г. О. Вечное Синее Небо Монголии. 1987; двп. масло, тушь. Национальный музей Республики Калмыкия им. Н.Н.Пальмова

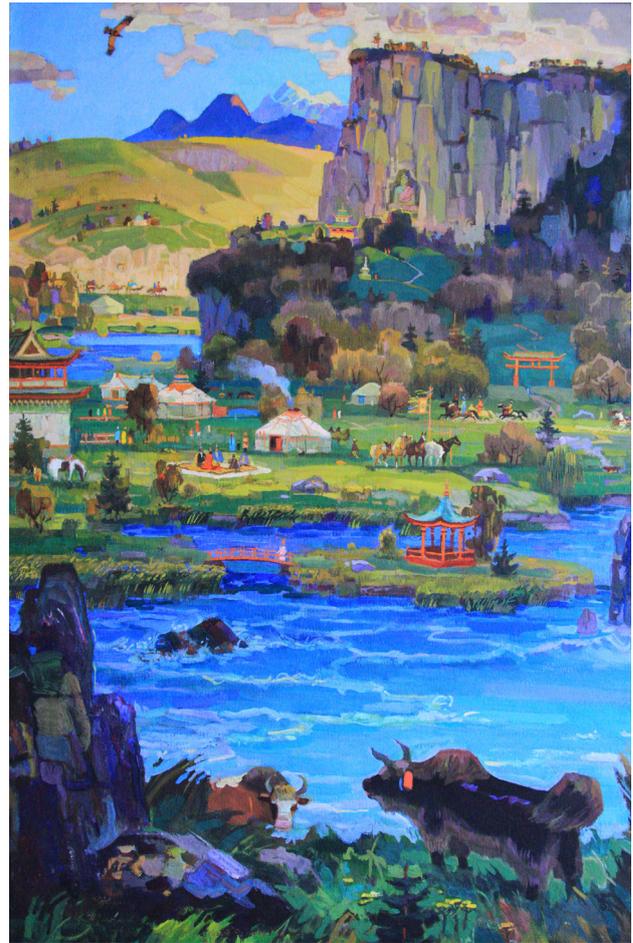

Рис. 2. Рокчинский Г. О. Джунгария. 1990; оргалит, масло. Частное собрание.

и пережил долгую, сложную историю в борьбе с суровыми условиями природы и за свою независимость. <...> Гармония человека и природы — так можно определить... идею, воплощенную в портрете «Наранцэцэг из Улангома»... глубинные свойства степного характера, выросшие из осознания человеком себя как частицы природы», — делился художник [15, с. 84]. Природе посвящено большинство работ Г. Рокчинского на выставке «Дорогами дружбы» («Монгольский Алтай», «Увс Нур», «Яки», «Небо Монголии», «Ночной пейзаж», «На просторах Монголии»), воспринимаемых символом традиционного благопожелания. Палитра живописи изысканна в насыщенном колорите произведений, представляющих оптимистичной этнической картиной мира в противовес «сумеркам социальной жиз-

ни... и идеологического кризиса переходных времен» [21, с. 58–81].

В произведениях российских художников органично превалирует пейзаж, запечатлевший монгольскую природу во всей ее первозданной красоте. Об этом пишет в воспоминаниях график из Москвы Н. Богородская, участвовавшая в поездках и отметившая в качестве национального достояния «впечатляющие картины художника Шаравы, являющегося гордостью монгольской школы. В тонких по цвету и виртуозных в рисунке полотнах, проходит перед нами вся жизнь монгола от рождения до самой смерти, приоткрывая перед зрителем монгольский национальный характер... Природа Монголии изумительна. Огромное небо. Здесь оно кажется особенно бескрайним... Впереди, среди бескрайней ро-

Рис. 3. Рокчинский Г. О., народный художник РСФСР (1923-1993). Сказ о Монголии. 1986; двп., масло, тушь. Национальный музей Республики Калмыкия им. Н.Н.Пальмова

зоватой земли, лежит селение. Вдоль горизонта тянется полоска гор, за ней другая, и еще, и еще... К вечеру земля становится красной, тени изумрудными, горы легкими, прозрачными, а потом и вовсе заливаются ослепительными лучами заходящего солнца. Закаты здесь яркие, сочетания красок фантастические» [10, с. 5–7].

Графические серии «По Калмыкии» и «По Монголии» (1980–1981) Н. Богородской воспроизведены в технике пастели. Неизгладимые впечатления у нее оставил народный праздник в селении Улан Гом: «Люди на мотоциклах, конях, машинах. Борьба, горловое пение, скачки. У финиша... группы старцев в нарядных национальных костюмах, сидя кругом, покуривают длинные трубки. Для художника такое зрелище — подарок! Сколько живописных групп, колоритных фигур, интересных поз! А красавцы кони!» [10, с. 5].

Многообразна Западная Монголия в произведениях художников Калмыкии, и у каждого из авторов она своя. Так, например, в графической серии «На земле предков» В. Ургадурова она запечатлена в мотивах «Та-

нец орла» (рис. 4), «Лучники» (рис. 5), «Победитель». Обобщенные до лаконизма образы философичны и изначально просты в композиции и цветовой палитре. «Монументальная выразительность превалирует в пейзажах автора: „Старая роща“, „Пейзаж с верблюжьими колючками“, „На праздник в Сагил“. Произведения „Тишина“, „Уголок Улан-Батора“, „Наадом“, „У подножия Алтая“ 1983–1984 гг. написаны на бумаге темперой или гуашью плотным красочным слоем. Предельно четкие и лаконичны образы древней земли. Величественное спокойствие природы как символ ушедшего времени, одиночество перед природой и стремление к слиянию с нею, ощущение прошедшей жизни — в целом медитативную сосредоточенность Востока несет его грустно-лирическое восприятие мира» [15, с. 85]. Контрастом пейзажу воспринимаются оптимистично звучащие картины народного праздника с традиционными соревнованиями всадников, стрелков из лука и борцов.

Важной частью экспозиции явились живописные и графические произведения, выполненные в жанре портрета. Многочислен-

Рис. 4. Ургадулов В.И. (род. 1948 г.), заслуженный художник Республики Калмыкия. Серия «По Монголии». Лучники. 1984; бумага, темпера.

Рис. 5. Ургадулов В.И. (род. 1948 г.), заслуженный художник Республики Калмыкия. Серия «По Монголии». Танец орла. 1984; бумага, темпера.

ные встречи с тружениками Монголии послужили материалом для портретных зарисовок, сделанных в полевых условиях. Спокойные и уверенные араты в работах В. Ургадулова, «Животновод Ожилда» А. Поваева, могучий борец Балсандоржид и обаятельная Наранцэцэг Г. Рокчинского — это живые конкретные люди, современники авторов. В череде портретных образов выделяются произведения А. Поваева «Семья монгола», «Бинья» (рис. 6), «Шахматы». Объединяющим началом его

живописи являются полотна, посвященные Зая-пандите, ойратскому просветителю, основоположнику старокалмыцкой письменности «тодо бичиг». Это тематические композиции «Рождение Зая-пандиты», «Детство Зая-пандиты», «Зая-пандита Намкайджамцо» (1985) (рис. 7), воспринимаемые триптихом.

В пейзажной живописи А. Поваева — «Праздник в Сагиле», «Табунщики», «Дойка верблюдицы», «Стадо верблюдов», «Ворота в Гоби» (1986) — ощущается сильное воздействие больших панорамных картин монгольского иконописца Марзана Шаравы «Один день Монголии», «Праздник кумыса» (Музей изобразительных искусств им. Занабазара, МНР, Улан-Батор). В основе всех работ А. Поваева лежит поэтическое восприятие Монголии, романтическая влюбленность в эту страну и ее людей. Автор рассказывает: «Монголия, наверное, создана для художника: широта, глубина, простор... Главная черта монголов, которая меня привлекает, — это то, что они не суетятся, не спешат. В Монголии я встретил животновода Ожилду и его жену Бинью. В них нет ничего лишнего, они как степь, воздух, горы, вода. Вот такими я и захотел их написать» [15, с. 86].

Исследователь В. Коренько считает: «Новые произведения А. Поваева — уникальный для Калмыкии опыт создания живописной манеры, имеющей явные истоки в лучших традициях старинного центральноазиатского искусства, но не сводящейся к набору иконописных приемов, а связанный с мировоззрением... поиски в этом направлении еще не завершены... остается возможность совершенствования столь удачно найденных изобразительных средств» [15, с. 87]. Едины корни художественной культуры монгольского и калмыцкого народов. О прямой преемственности живописной традиции свидетельствуют тематические композиции А. Поваева 1980-х гг. Не случаен, например, выбор исторического сюжета в произведениях об ойратском просветителе Зая-пандите, объединяющем культурной и политической деятельностью историю калмыков и ойратов, западных монголов. В совмещении элементов плоскостного монгольского письма и реалистической живописи видится путь развития художественной

традиции в современном изобразительном искусстве Калмыкии [5, с. 120].

Самобытно выражена творческая индивидуальность каждого из авторов — экспонентов международной выставки. В художественном пространстве СССР 1970-х гг. живописец Очир Кикеев известен произведениями «Счастье», «Весна в Калмыкии», «У колодца» и др. Динамичную манеру живописания художника отличают линейная выразительность письма и контрастная цветовая гамма произведений, наполненных оптимистичной патетикой эпохи социализма. Приподнятый эмоциональный строй несут его монгольские пейзажи 1980-х гг. Монументально выразительна живопись полотен «Убса-Нур» и «Воспоминание о Хиргис-нуре», «Красная гора в Улан-гоме» (рис. 8). Затаенная печаль ощущается в «Вечерней песне. Джунгария» (рис. 9), выполненной автором в эмоциональном порыве, на одном дыхании. Есть в этих монгольских пейзажах О. Кикеева «надвременное» ощущение истории, ее древних истоков в живописном переосмыслении образа этнической прародины. Монголы ближе других народов к природе: в единстве и противоборстве с могущественной стихией сформирован характер народа. Калмыцкие художники смогли уловить это близкое, трудно передаваемое словами чувство единых истоков, воплотив величественный и многокрасочный образ Монголии.

В процессе обобщения впечатлений от поездок в МНР калмыцкими художниками созданы произведения, составившие запоминающийся экспозиционный ряд международной выставки «Дорогами дружбы. Москва — Элиста — Улан-Батор». В метафорической трактовке, поэтической приподнятости и эпической простоте образов каждому из них удалось воплотить свое глубоко целостное и емкое видение Монголии. В. Кореняко, автор статьи «Взгляд с перевала. Размышления после выставки», характеризует их творчество следующим образом: «Новые произведения Г. Рокчинского, В. Ургадулова, А. Поваева, О. Кикеева — чрезвычайно интересное явление в калмыцком искусстве. Переживаешь ощущение (вместе с художниками. — С. Б.) взятого рубежа, как будто каждый из живописцев взошел на свой перевал и, всматриваясь

Рис. 6. Поваев А.М. (род.1948 г.), народный художник Республики Калмыкия. Животновод Бинья. 1985. бумага, картон.

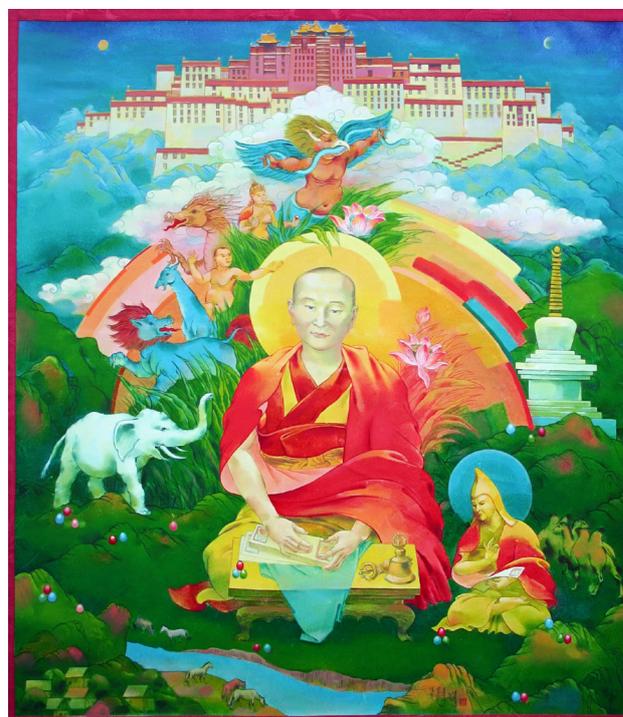

Рис. 7. Поваев А.М., род.1948 г., народный художник Республики Калмыкия. Зая-пандита Намкайджамцо. 1990; холст, масло.

в открывшиеся дали, готовится решительно идти вперед. Каким будет путь, зависит только от самих мастеров» [15, с. 86].

Рассматривая творчество калмыцких художников «на перевале», реальном в условиях западно-монгольского горного ландшафта, исследователь вместе с тем подчеркивает, что авторами владеет «не ностальгическая тоска по земле предков», поскольку память «размыта минувшими столетиями» истории народа, ставшими временем обретения российского отечества. В размышлениях о калмыцком изобразительном искусстве В. Кореняко справедливо замечает и тонко обосновывает это поэтическими образами калмыцких народных песен, в которых не Монголия, а приволжские степи России являются отечеством калмыков [15, с. 83–87]. Дополним — и их самобытной культуры, органично совместившей в изобразительном искусстве евразийские традиции.

Художники Калмыкии вспоминают родину предков-ойратов чутко, проникновенно и каждый раз глубоко по-своему, запечатлев в произведениях образ далекой и одновременно близкой Монголии. Многообразны в творческой трактовке ее ландшафт, люди и культурные истоки исторической прародины. Калмыцкими художниками создан ее запоминающийся образ, который можно назвать поэтическим «Воспоминанием о Джунгарии», в творческом осмыслении наследия пережитым и найденным на дорогах дружбы и братства советского времени.

В обзоре значимого международного события нельзя обойти вниманием живопись и графику монгольских художников как составную часть интернациональной экспозиции. Гаадангийн Дунбурээ, автор произведений «Утро Каспия», «Художник Г. Рокчинский», «Народная артистка Калмыцкой АССР В. Гаряева», «Красная площадь», «Звуки домбры», «Командировка в Эрдэнэт», «Улица в Кобдо», «Гора Ээж Хаирхан», «Гоби» (1980–1986) и многих других, соединив в живописи монгольские мотивы с калмыцкими впечатлениями, вспоминает: «Волнующим событием для нас стала выставка „Дорогами дружбы. Москва — Элиста — Улан-Батор“, приуроченная к 65-й годовщине победы Народной революции.

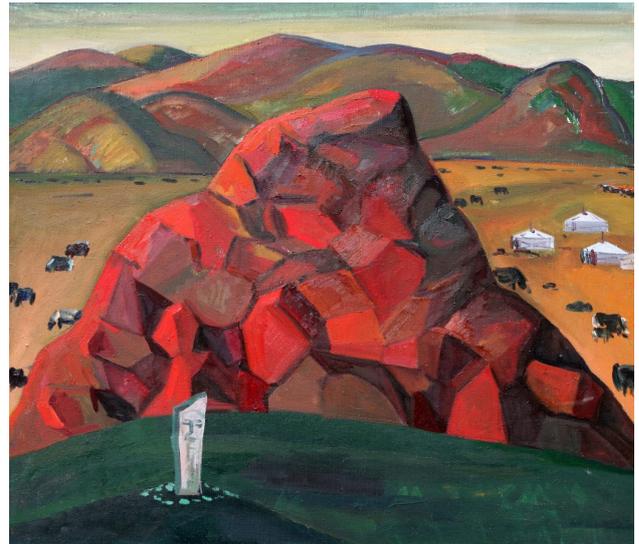

Рис. 8. Кикеев О. Х., заслуженный художник РСФСР (1940-2001). Красная гора в Улан-Го́ме. 1982. холст, масло; Национальный музей Республики Калмыкия им. Н.Н.Пальмова

В практике совместных командировок было много интересных встреч. В деятельности СХ МНР и СССР в 1981 г. осуществлена первая выставка монгольских и советских художников (итоги творческой поездки по Монголии и Сибири). Следующей была «Алтай — Баганур — Гоби». Настоящая выставка — результат поездки в 1980 г. в Западную Монголию и в 1981 г. в Калмыкию» [10, с. 2]. Заметим, творческие поездки монгольских авторов охватывали, помимо Калмыкии, еще Алтай и Сибирь, сопредельные и близкие в историко-культурном плане к Монголии регионы России, а также Москву, столицы СССР.

Впечатления от поездок отразились также в живописных и графических произведениях Д. Болда («Утро в Москве», «Горная местность Увса», «У яшкульских колхозников», «Портрет калмыцкого поэта Аксена Сусеева»), Р. Алтанхояга («Учительница», «Портрет партизана Л. Бембеева»), Э. Суухэ («Нефтяная вышка», «Горы Хархира», «На праздник»). В рамках культурного обмена между Союзом художников МНР и СССР целенаправленно организовывались поездки калмыцких художников в Западную Монголию, став доброй традицией эпохи советского интернационализма. «Возвращение к истокам» благотворно влияло на творческий рост и этническое самосо-

Рис. 9. Кикеев О.Х., заслуженный художник РСФСР (1940-2001). *Вечерняя песня. Джунгария. 1983;* холст, масло. Национальный музей Республики Калмыкия им. Н.Н.Пальмова

знание художников, о чем свидетельствуют произведения искусства.

Изобразительное искусство Калмыкии 1980–1990-х гг. — в период преобразований художественной культуры России. Исторически сформирован творческий потенциал культуры народа в средоточии фольклора и духовности, этических и эстетических ценностей буддизма и искусства. Деятельность калмыцких художников реализуется в появлении произведений, дифференцируемых по десятилетиям XX в. В сороковые годы, до депортационного периода, закладываются реалистические основы изобразительного искусства, в шестидесятые реконструируется живописное поле искусства после депортации [5, с. 19–28; 29–34], в семидесятые, с приходом нового поколения профессионалов в творческий коллектив, оформляясь, зреет этническое самосознание авторов, успешно представляющих калмыцкое искусство на зональных, российских и международных выставках, в восьмидесятые этнический компонент в их творчестве достигает наибольшего выражения. Предчувствие приближающихся социальных перемен характеризует в целом переходное состояние российского общества и его культуры. Под

влиянием новых веяний период 1980-х гг. качественно преобразуется в этническом поле самосознание творческой личности.

Сложны и противоречивы этнокультурные процессы 1980–1990-х гг. XX в., происходящие в полиэтничной России, адаптирующейся в условиях кардинальных социальных перемен. В искусстве эти процессы выражаются в поисках этнической идентичности творческой личности «в призме рефлексии на перестроечные явления, субъективного переживания переходной эпохи» [26, с. 136; 18]. В динамике развития культуры меняются психологические установки, связанные со стереотипами поведения личности. В художественной культуре переходного периода зреет и находит отражение глубинная архетипическая потребность в утверждении так называемой самости [23, с. 35], до сих пор недостаточно исследованной. Наблюдение и изучение поля этнической идентичности на материале антропологии цвета (маркера традиционного мироощущения в искусстве. — С. Б.), характеризуют состояние российской художественной культуры [19, с. 154] на рубеже веков во взаимобусловленной взаимосвязи многих явлений социокультурного характера.

В период перестройки, постепенно отказывающейся от идеологических установок советского общества, особую значимость приобретает социальный опыт этнической культуры, несущей традиционное мировоззрение предков. Стремление опереться на него в водовороте бурных постсоветских событий приводит к «перестройке» в культурной и образовательной сферах. Искусство выступает феноменом, требующим изучения с обращением к материалу регионально-этнических культур и систем общего и высшего образования 1990-х гг. [24, с. 25–29]. В их содержании соединяются универсализм, идея единого отечества и исторические традиции культуры народов России.

Калмыцкая Ассоциация Художников «Джунгария» — значимое культурное явление рубежа XX–XXI вв. Ощущение взятого рубежа на выставке «Дорогами дружбы» (1986) действительно можно сравнить с «перевалом», преодолев который, художники смогли увидеть «открывшиеся дали» развития искусства. Ответом на приведенный выше вопрос исследователя В. Коренько «Каким будет этот путь?» служат события 1989-го — 1990-х гг. в истории калмыцкой культуры. Во взаимосвязях традиций и новаций, в перипетиях развития российской художественной культуры конца XX в. формировалось ясное осознание европейской судьбы калмыцкого этноса, сохраняющего историческую и образную память предков.

Полстолетия отделяет юбилейную выставку «Джангар» (1940), приуроченную к 500-летию калмыцкого эпоса, от перестроечных событий 1990-х гг., связанных с созданием в 1989 г. Калмыцкой ассоциации художников «Джунгария» во главе с О. Х. Кикеевым, заслуженным художником России. Экспозиция КАХ, объединившая произведения авторов разных поколений, — показатель зрелости этнической идентичности профессиональных кадров республики. Символическое название объединения обусловлено творческим — через века — посылом авторов, реализованным в тематическом содержании экспозиции (Элиста, 1990). Произведения 1980–1990-х гг. представляют собой новый этап развития художественной культуры, охарактеризованный исследователями как явление «этнической мобилизации»

в регионах России [23]. Отметим, что выставки содружества «Джунгария» 1990–1992 гг., сыгравшие этноконсолидирующую роль, имели очень важное значение для калмыцких художников и в целом для творческой интеллигенции республики. Их содержанием были «высокохудожественные произведения изобразительного искусства... (необходимые. — С. Б.) в укреплении связи художников с жизнью народа... в содействии развитию калмыцкого искусства и художественной культуры... эстетическом и культурном воспитании общества» [5, с. 105–106]. Высокие цели творческой интеллигенции рубежа XX–XXI вв. были одухотворены празднованием 550-летия калмыцкого эпоса «Джангар», его ментальной значимостью для культуры народа.

Структурообразующая роль культурного наследия очевидна при анализе художественного образа: творчество, выполняющее миссию «самосознания культуры», определяет индивидуальное своеобразие произведений. Образным ключом к пониманию искусства является этническая картина мира как совокупный концентрат творческого самовыражения. Воссозданная выразительными средствами живописи структурированная модель мироздания воплощает в себе ценностные доминанты культуры в тематической направленности художественного образа, стилистике композиционного решения и колористических особенностях его воспроизведения. Этническое своеобразие произведений, выраженное в той или иной степени, позволяет говорить о формировании школы изобразительного искусства Калмыкии XX в. Происходит это в поисках этнической идентичности художников, активизируемых исторической памятью в переходный период развития отечественной культуры.

Судьбоносное самоопределение этноса в его средневековом монгольском прошлом и российском настоящем — отправные вехи калмыцкой истории. Они и ориентируют авторов в творческой деятельности. Поиски формовыражения памяти позволяют видеть в мировосприятии и деятельности личности инструмент адаптации и саморегуляции культуры. В художественном процессе происходит приращение культурных смыслов бытия,

общего и специфичного. Образное решение исторической темы воспроизводится в структуризации мировидения, выявляя тенденции искусства, проецирующие зрелость творческой личности. Обращение к культурному наследию реализуется в значимых произведениях изобразительного искусства Калмыкии 1980–1990-х гг.

История и самобытная культура народа насыщает произведения разных поколений художников, собранных в творческий союз. Ядром «Джунгарии» явились участники Международной выставки «Дорогами дружбы. Москва — Элиста — Улан-Батор» (1986). В целенаправленной ориентации и приобщении к культурному наследию виделось дальнейшее развитие изобразительного искусства. На одноименной выставке Калмыцкой ассоциации художников это получило выражение в появлении эпического цикла Г. Рокчинского «Джангариада», произведений на историческую, монгольскую и современную темы авторов разных поколений, образующих самобытную живописную картину мира. В синтезе художественных традиций реализма О. Кикеева, В. Ургадулова и плоскостной выразительности старокалмыцкой живописи А. Поваева, скульптуры в образе ойратского сказителя Парчена С. Ботиева, эмоционального пафоса произведений молодых С. Болдырева, Э. Сангаджиева, В. и Н. Монтышевых и др. воспринимается творчество художников.

Историческая память и мифопоэтическое мировидение в образной сути произведений сопряжены с «эпическим наследием народа, вершиной этнической культуры, которую можно интерпретировать в многочисленных и взаимодополняющих аспектах, полно

раскрывающих творческую активность этноса» [8, с. 29]. Выставки произведений членов КАХ «Джунгария» 1990-х гг. несли мощное евразийское содержание искусства, объединившего творческий коллектив художников Калмыкии.

Заключение. Выводы. Духовные ценности евразийского поля художественной культуры России зримо проецируются в изобразительном искусстве Калмыкии конца XX в. В данной статье впервые проводится социокультурный анализ материалов советско-монгольских выставок «Дорогами дружбы. Москва — Элиста — Улан-Батор» (1986) и экспозиций Калмыцкой ассоциации художников «Джунгария» (1990). Важное для понимания художественного процесса рубежа веков исследование будет продолжено в обращении к современному изобразительному искусству Калмыкии.

Результаты исследования позволяют сделать следующие выводы:

— формообразующим, стабилизирующим и регулирующим фактором развития изобразительного искусства Калмыкии в изучаемый период явилось художественное наследие, осуществляющее процесс преемственности культуры;

— историческая память в этническом самосознании калмыцкого художника выступает стабилизирующим и генерирующим фактором творчества в реконструкции культурного наследия, активизируемой в переходный период рубежа веков;

— развитие изобразительного искусства Калмыкии в последней трети XX в. является исторически обусловленным процессом, в анализе которого важны социальные аспекты бытия художественной культуры России.

Svetlana G. BATYREVA

Dr. Sci. (Fine and Applied Art and Architecture),

Leading Researcher,

Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,

Elista, Russian Federation,

sargerel@mail.ru

ORCID: 0000-0003-4268-0705

***Mongolia in the Art of Kalmykia of the 1980s and 1990s:
Based on the Materials of Art Exhibitions***

Abstract. The aim of this study is a sociocultural analysis of the fine arts of Kalmykia in the last quarter of the 20th century as a historically conditioned phenomenon of artistic life and the establishment of the factors of its development. The Eurasian content of national art in the context of the artistic culture of Russia was analyzed within the framework of an interdisciplinary approach with a combination of methods of history and art history, cultural studies, philosophy, and museology. The research was carried out on the basis of materials from exhibitions of Kalmyk artists that took place in the 1980s and 1990s; the works of ethnographers, culturologists, and philosophers were also used. The author characterizes the works presented at the international exhibition “The Roads of Friendship. Moscow–Elista–Ulaanbaatar” (Moscow, July–August 1986). The author gives an extensive description and detailed analysis of the paintings by G. Rokchinsky, N. Bogorodskaya, V. Urgadulov, and determines the characteristic features of the exhibited works of A. Povaev and O. Kikeev, masters of landscape painting. The author considers the periodization of the development of Kalmyk art in the 1940s–1980s, characterizes the period of the 1980s as the time of transformations, and determines the role of heritage, ethnic originality, and ethnic culture in the development and formation of the school of fine arts in Kalmykia. The author thoroughly examines the activity of the Kalmyk Association of Artists “Dzungaria”, describes the preconditions of its formation and the significance of the organization. The author also analyzes the expositions of exhibitions presented by the Kalmyk Association of Artists (“The Roads of Friendship. Moscow–Elista–Ulaanbaatar” and the anniversary exhibition of 1990), identifies the main thematic, philosophical, and worldview motives of the exhibited works with an emphasis on the Eurasian content of the works by Kalmyk artists and the integrity of the traditional heritage of the ethnos. The author comes to the conclusion that the appeal to the image of Mongolia in paintings and graphics activates the ethnic self-consciousness of the artists who created the fine arts of Kalmykia at the turn of the 21st century. A stabilizing and regulating factor in the development of the fine arts of Kalmykia in the period under study is the artistic heritage that implements cultural continuity. In the ethnic self-consciousness of Kalmyk artists, historical memory acts as a factor of creativity that reconstructs the cultural heritage and intensifies in the transition period at the turn of the century.

Keywords: culture, art, artistic heritage, Mongolia, ethnic self-consciousness, sociocultural analysis.

Использованная литература:

1. Афасизhev М. Н. Системно-исторический анализ искусства // Актуальные вопросы методологии современного искусствознания. М.: Наука, 1983. С.159–180.
2. Ахиезер А.С. Социокультурные механизмы циклов культуры // Искусство в ситуации смены циклов. Междисциплинарные аспекты исследования художественной культуры в переходных процессах. М.: Наука, 2002. С. 116–135.
3. Батракова С.П. Искусство и миф: из истории живописи XX века. М.: Искусство, 2002.
4. Батырева С.Г. Изобразительное искусство Калмыкии 60–90-х гг. XX в. (К проблеме этнической идентичности творческой личности) // Культурная жизнь Юга России. 2008. № 3. С. 9–13.
5. Батырева С.Г. Изобразительное искусство Калмыкии (1957–2000 гг.). Монография [Текст]. Элиста: Калмыцкий ин-т гуманитар. исследований Рос. Акад. наук, 2014.
6. Батырева С. Г. Этническая идентичность творческой личности: социокультурологический анализ // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2017, № 2. С. 72–75.

References:

1. Afasizhev, M.N. (1983) Sistemno-istoricheskiy analiz iskusstva [A System-Historical Analysis of Art]. In: Zis', A.Ya. (ed.) *Aktual'nye voprosy metodologii sovremennogo iskusstvoznaniya* [Topical Issues of Contemporary Art History Methodology]. Moscow: Nauka. pp. 159–180.
2. Akhiezer, A.S. (2002) Sotsiokul'turnye mekhanizmy tsiklov kul'tury [Sociocultural Mechanisms of Cultural Cycles]. In: Khrenov, N.A. (ed.) *Iskusstvo v situatsii smeny tsiklov. Mezhdistsiplinarnye aspekty issledovaniya khudozhestvennoy kul'tury v perekhodnykh protsessakh* [Art in the Situation of Changing Cycles. Interdisciplinary Aspects of the Study of Artistic Culture in Transitional Processes]. Moscow: Nauka. pp. 116–135.
3. Batrakova, S.P. (2002) *Iskusstvo i mif: iz istorii zhivopisi XX veka* [Art and Myth: From the History of the Twentieth-Century Painting]. Moscow: Iskusstvo.
4. Batyreva, S.G. (2008) *Izobrazitel'noe iskusstvo Kalmykii 60–90-kh gg. XX v. (K probleme etnicheskoy identichnosti tvorcheskoy lichnosti)* [The Fine Arts of Kalmykia in the 1960s–1990s (On the Problem of the Ethnic Identity of a Creative Person)]. *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii – Cultural Life Russian South*. pp. 9–13.

7. Бернштейн Б.М. Пространственные искусства как феномен культуры // Искусство в системе культуры. Сост. и отв. ред. М. С. Каган. Л., Наука, 1987. С. 135–142.
8. Бичеев Б.А. Этнообразующие доминанты духовной культуры западных монголов (ойратов). Отв. ред. Авксентьев В.А. Элиста: КГУ, 2003.
9. Брудный А. Архетип – связь прошлого с настоящим // Декоративное искусство СССР. 1983. № 8. С. 43–44.
10. Дорогами дружбы. Москва-Элиста-Улан-Батор. Выставка произведений художников СССР и МНР. Авторы статей Батырева С. Г., Богородская Н. С., Гаанданчийн Д., сост. Прокофьева Н. Г. Каталог. М.: Советский художник, 1986.
11. Искусство в системе культуры. Сост. и отв. ред. М.С. Каган. Л.: Наука, 1987.
12. Искусство в ситуации смены циклов. Междисциплинарные аспекты исследования художественной культуры в переходных процессах. Отв. ред. Н.А. Хренов. М.: Наука, 2002.
13. Каган М.С. Искусство как феномен культуры. Сост. и отв. ред. М.С. Каган / Искусство в системе культуры. Л.: Наука, 1987. С.6–22.
14. Каган М.С. Системный подход к комплексному изучению искусства // Методологические проблемы современного искусствознания. Сборник. Вып. 3. Л., 1980. С. 44–52.
15. Каган М.С., Хилтухина Е.Г. Методологические принципы изучения взаимоотношения художественных культур Запада и Востока / Искусство в системе культуры. Л.: Наука, 1987. С.176–180.
16. Коренько В.А. Взгляд с перевала. Размышления после выставки. Теегин герл, 1987. № 4. С. 83–87.
17. Коренько В.А. Искусство народов Центральной Азии и звериный стиль / Культура народов Востока: материалы и исследования. М.: Восточная литература, 2002.
18. Неклюдов С.Ю. Ойрат-калмыцкая мифология / Мифы народов мира. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1992. С. 247–248.
19. Пелипенко А.А., Яковенко И.Г. Культура как система. М.: Наука, 1998.
20. Самарина Л.В. Традиционная этническая культура и цвет. Основные направления и проблемы зарубежных исследований // Этнографическое обозрение. 1992. №2. С. 147–157.
21. Системные исследования культуры. 2008 / Г.В. Иванченко, В.С. Жидков. СПб.: Алетейя, 2009.
22. Селиванов В.В. Проблемы генезиса культуры и искусства // Искусство в системе культуры. Сост. и отв. ред. М.С. Каган. Л.: Наука, 1987. С.29–35.
23. Соколов К.Б. Картина мира и искусство в периоды социальных перемен. Социологический аспект перехода в истории культуры и художественная жизнь // Искусство в ситуации смены циклов. Междисциплинарные аспекты исследования художественной культуры в переходных процессах. Отв. ред. Н.А. Хренов. М.: Наука, 2002. С. 56–81.
24. Хренов Н.А. Искусство в контексте XX века на фоне повторяющихся флуктуаций в больших длительностях исторического времени / Циклические ритмы в
5. Batyreva, S.G. (2014) *Izobrazitel'noe iskusstvo Kalmykii (1957–2000 gg.)* [The Fine Arts of Kalmykia (1957–2000)]. Elista: Kalmyk Scientific Center, RAS.
6. Batyreva, S.G. (2017) The Ethnic Identity of a Creative Person: A Sociocultural Analysis. *Byulleten' Kalmytskogo nauchnogo tsentra Ros. Akad. nauk – Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2. pp. 72–75. DOI: 10.22162/2587-6503-2017-2-2-72-75
7. Bernshteyn, B.M. (1987) Prostranstvennyye iskusstva kak fenomen kul'tury [Spatial Arts as a Cultural Phenomenon]. In: Kagan, M.S. (ed.) *Iskusstvo v sisteme kul'tury* [Art in the System of Culture]. Leningrad: Nauka. pp. 135–142.
8. Bicheev, B.A. (2003) *Etnoobrazuyushchie dominanty dukhovnoy kul'tury zapadnykh mongolov (oyratov)* [The Spiritual Culture of the Western Mongols (Oirats): Ethnos-Forming Dominants]. Elista: Kalmyk State University.
9. Brudnyy, A. (1983) Arkhetip – svyaz' proshlogo s nastoyashchim [Archetype: The Connection Between the Past and the Present]. *Dekorativnoe iskusstvo SSSR*. 8. pp. 43–44.
10. Prokof'eva, N.G. (1986) *Dorogami druzhby. Moskva-Elista-Ulan-Bator. Vystavka proizvedeniy khudozhnikov SSSR i MNR: Katalog* [The Roads of Friendship. Moscow–Elista–Ulaanbaatar. Exhibition of Works by Artists of the USSR and the Mongolian People's Republic: A Catalog]. Moscow: Sovetskiy khudozhnik.
11. Khrenov, N.A. (ed.) (2002) *Iskusstvo v situatsii smeny tsiklov. Mezhdistsiplinarnye aspekty issledovaniya khudozhestvennoy kul'tury v perekhodnykh protsessakh* [Art in the Situation of Changing Cycles. Interdisciplinary Aspects of the Study of Artistic Culture in Transitional Processes]. Moscow: Nauka.
12. Kagan, M.S. (1987) *Iskusstvo kak fenomen kul'tury* [Art as a Phenomenon of Culture]. In: Kagan, M.S. (ed.) *Iskusstvo v sisteme kul'tury* [Art in the System of Culture]. Leningrad: Nauka. pp. 6–22.
13. Kagan, M.S. (1980) *Sistemnyy podkhod k kompleksnomu izucheniyu iskusstva* [A Systematic Approach to the Comprehensive Study of Art]. In: Sokhor, A.N. (ed.) *Metodologicheskie problemy sovremennogo iskusstvoznaniya* [Methodological Problems of Contemporary Art History]. Vol. 3. Leningrad: LGITMiK. pp. 44–52.
14. Kagan, M.S. & Khiltukhina, E.G. (1987) *Metodologicheskie printsipy izucheniya vzaimootnosheniya khudozhestvennykh kul'tur Zapada i Vostoka* [Methodological Principles of Studying the Relationship of Artistic Cultures of the West and the East]. In: Kagan, M.S. (ed.) *Iskusstvo v sisteme kul'tury* [Art in the System of Culture]. Leningrad: Nauka. pp. 176–180.
15. Korenyako, V.A. (1987) *Vzglyad s perevala. Razmyshleniya posle vystavki* [A View From a Mountain Pass. Reflections After the Exhibition]. *Teegin gerl*. 4. pp. 83–87.
16. Korenyako, V.A. (2002) *Iskusstvo narodov Tsentral'noy Azii i zverinyy stil'* [Art of the Peoples of Central Asia and Animal Style]. Moscow: Vostochnaya literatura.
17. Neklyudov, S.Yu. (1992) *Oyrat-kalmytskaya mifologiya* [Oirat-Kalmyk Mythology]. In: Tokarev, S.A. (ed.) *Mify narodov mira* [Myths of the Peoples of the World]. Vol. 2. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya. pp. 247–248.
18. Pelipenko, A.A. & Yakovenko, I.G. (1998) *Kul'tura kak sistema* [Culture as a System]. Moscow: Nauka.
19. Samarina, L.V. (1992) *Traditsionnaya etnicheskaya kul'tura i tsvet. Osnovnye napravleniya i problemy*

истории, культуре, искусстве. Отв. ред. Н.А. Хренов. М.: Наука, 2004. С. 15–73.

25. Хренов Н.А. Опыт культурологической интерпретации переходных процессов // Искусство в ситуации смены циклов. Междисциплинарные аспекты исследования художественной культуры в переходных процессах. Отв. ред. Н.А. Хренов. М.: Наука, 2002. С. 11–55.

26. Художники Калмыкии. Элиста: ЗАОР «НПП «Джангар», 2009.

27. Червонная С.М. Все наши боги с нами и за нас. Этническая идентичность и этническая мобилизация в современном искусстве России. Под ред. М.Н. Губогло. Институт этнологии и антропологии РАН. М., 1999.

28. Щедрина Г.К. Искусство как этнокультурное явление / Искусство в системе культуры. Сост. и отв. ред. М.С.Каган. Л.: Наука, 1987. С.41–47.

29. Щедрина Г.К. Искусство как этнокультурный феномен // Проблемы изучения регионально-этнических культур России и образовательные системы. Тезисы докладов. СПб: РГПУ им. А.И. Герцена, 1995. С. 25–29.

30. Эткинд А.М. Искусство как самосознание культуры / Искусство в системе культуры. Сост. и отв.ред. М.С. Каган. Л.: Наука, 1987. С.85–92.

31. Яковенко И.Г. Переходные эпохи и эсхатологические аспекты традиционной ментальности // Искусство в ситуации смены циклов. Междисциплинарные аспекты исследования художественной культуры в переходных процессах / Отв. ред. Н.А. Хренов. М.: Наука, 2002. С. 136–148.

zarubezhnykh issledovaniy [Traditional Ethnic Culture and Color: The Main Directions and Problems of Foreign Studies]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 2. pp. 147–157.

20. Selivanov, V.V. (1987) Problemy genezisa kul'tury i iskusstva [Problems of the Genesis of Culture and Art]. In: Kagan, M.S. (ed.) *Iskusstvo v sisteme kul'tury* [Art in the System of Culture]. Leningrad: Nauka. pp. 29–35.

21. Sokolov, K.B. (2002) Kartina mira i iskusstvo v periody sotsial'nykh peremen. Sotsiologicheskii aspekt perekhoda v istorii kul'tury i khudozhestvennaya zhizn' [Picture of the World and Art in Periods of Social Change. Sociological Aspect of Transition in the History of Culture and Artistic Life]. In: Khrenov, N.A. (ed.) *Iskusstvo v situatsii smeny tsiklov. Mezhdistiplinarnye aspekty issledovaniya khudozhestvennoy kul'tury v perekhodnykh protsessakh* [Art in the Situation of Changing Cycles. Interdisciplinary Aspects of the Study of Artistic Culture in Transitional Processes]. Moscow: Nauka. pp. 56–81.

22. Khrenov, N.A. (2002) Opyt kul'turologicheskoy interpretatsii perekhodnykh protsessov [An Experience of a Culturological Interpretation of Transitional Processes]. In: Khrenov, N.A. (ed.) *Iskusstvo v situatsii smeny tsiklov. Mezhdistiplinarnye aspekty issledovaniya khudozhestvennoy kul'tury v perekhodnykh protsessakh* [Art in the Situation of Changing Cycles. Interdisciplinary Aspects of the Study of Artistic Culture in Transitional Processes]. Moscow: Nauka. pp. 11–55.

23. Chervonnaya, S.M. (1999) *Vse nashi bogi s nami i za nas. Etnicheskaya identichnost' i etnicheskaya mobilizatsiya v sovremennom iskusstve Rossii* [All Our Gods Are With Us and for Us. Ethnic Identity and Ethnic Mobilization in Russia's Contemporary Art]. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology, RAS.

24. Shchedrina, G.K. (1995) [Art as an Ethnocultural Phenomenon]. *Problemy izucheniya regional'no-etnicheskikh kul'tur Rossii i obrazovatel'nye sistemy* [Problems of Studying the Regional-Ethnic Cultures of Russia and Educational Systems]. Abstracts of the International Conference. Saint Petersburg: Poznanie. pp. 25–29. (In Russian).

25. Etkind, A.M. (1987) *Iskusstvo kak samosoznanie kul'tury* [Art as Self-Awareness of Culture]. In: Kagan, M.S. (ed.) *Iskusstvo v sisteme kul'tury* [Art in the Sytem of Culture]. Leningrad: Nauka. pp. 85–92.

26. Yakovenko, I.G. (2002) Perekhodnye epokhi i eskhatologicheskie aspekty traditsionnoy mental'nosti [Transitional Epochs and Eschatological Aspects of Traditional Mentality]. In: Khrenov, N.A. (ed.) *Iskusstvo v situatsii smeny tsiklov. Mezhdistiplinarnye aspekty issledovaniya khudozhestvennoy kul'tury v perekhodnykh protsessakh* [Art in the Situation of Changing Cycles. Interdisciplinary Aspects of the Study of Artistic Culture in Transitional Processes]. Moscow: Nauka. pp. 136–148.

Полная библиографическая ссылка на статью:

Батырева, С. Г. Монголия в искусстве Калмыкии 80-90-х годов XX века: по материалам выставок / С. Г. Батырева // Наследие веков. – 2020. – № 3 – С. 127–140. DOI: 10.36343/SB.2020.23.3.010

Full bibliographic reference to the article:

Batyreva, S.G. (2020) Mongolia in the Art of Kalmykia of the 1980s and 1990s: Based on the Materials of Art Exhibitions. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 3. pp. 127–140. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2020.23.3.010

САРКИСОВА Елена Геннадьевна
юриисконсулт Краснодарского краевого
художественного музея имени Ф. А. Коваленко
Краснодар, Российская Федерация
Elena G. SARKISOVA
Legal Adviser, Kovalenko Krasnodar
Regional Art Museum,
Krasnodar, Russian Federation,
gorlik93@mail.ru

УДК 069.271.1:[316.77-021.121+316.77-021.131]
ГРНТИ 13.51.07
ВАК 24.00.03

DOI: 10.36343/SB.2020.23.3.011

**Музейное пространство
в реальном и виртуальном
коммуникативных полях:
границы восприятия**

**Museum Space in Real and Virtual
Communicative Fields:
Facets of Perception**

Цель исследования – сравнительный анализ реального и виртуального музейных коммуникативных пространств в аспекте их восприятия посетителями музея. Материалами послужили результаты исследований, связанных с изучением невербальных коммуникаций, виртуальных музеев и коммуникативных музейных каналов. Исследованы основные коммуникационные характеристики виртуальных музеев и возможности использования «дополненной реальности». Выявлены ограничения, связанные с использованием технологий виртуальной музейной коммуникации. Рассмотрен процесс коммуникации в пространстве актуальной музейной реальности. Изучена невербальная коммуникация посетителей реальной музейной экспозиции. Установлено, что музейная коммуникация в реальных условиях является более эффективной, чем восприятие виртуальных моделей. Особенности музейной коммуникации в реальных условиях играют роль маркеров включенности в непрерывность исторического процесса, создавая у посетителя чувство сопричастности прошлому и настоящему.

Ключевые слова: музейная коммуникация, Интернет, коммуникативное поле, невербальная коммуникация, музейная экспозиция, виртуальный музей, дополненная реальность.

Многогранные процессы, происходящие в современной культуре, затрагивают не только учреждения, непосредственно реализующие культурную политику — весь социум

оказывается вовлеченным в эти масштабные изменения, выступая не только в качестве коллективного потребителя соответствующих услуг, но и строгого эксперта, оцениваю-

щего их качество, доступность и соответствие актуальным тенденциям.

Возрастающая роль цифровых технологий в социокультурной практике и рост соответствующих потребностей музейной аудитории вызывают необходимость постоянного расширения активности музеев в пространстве Интернет-коммуникации. История веб-представительств музейных учреждений насчитывает примерно четверть века, что является весьма значительным периодом для сферы высоких технологий. При этом музеи достаточно чутко реагировали на технологические новинки, органично и достаточно оперативно внедряя их в процесс виртуальной коммуникации с посетителями своих сайтов.

Значительным импульсом к развитию новых форматов музейных коммуникаций послужила ситуация с пандемией COVID-19 и связанным с ней режимом самоизоляции, введенным в большинстве стран мира для минимизации последствий распространения новой коронавирусной инфекции. Музеи в этих условиях фактически лишились посетителей, переведя общение с ними в плоскость удаленного взаимодействия. Данная ситуация с новой силой актуализировала проблему особенностей восприятия музейной экспозиции посетителями в виртуальном и реальном пространствах, представляющую важность с точки зрения развития теории коммуникации и перспектив развития музеев.

Концептуальное осмысление проблем музейной коммуникации в отечественной гуманитарной науке продолжается уже без малого четверть века. За это время достигнуты значимые результаты, определены методологические подходы и направления исследовательской деятельности, спектр которых достаточно широк. Так, достаточно глубоко изучены коммуникативный потенциал музейного пространства [1], образовательные аспекты музейной коммуникации [3] [4] [26] [32], ее лингвopsихологические основания [22], влияние на музейную аудиторию [9] и социум [12] [17], а также связи между музейной коммуникацией, культурным наследием и исторической памятью [24] [25]. Отдельную предметную область составляют исследования в области стратегий музейной коммуни-

кации [11] и управления коммуникативными процессами в музее [14] [15].

Между тем музейная сфера постоянно изменяется, отражая социокультурные трансформации и испытывая на себе воздействие вызовов современности. Одним из них стала интеграция в культурную жизнь цифровых технологий, потребовавшая научной оценки в аспекте исследования своих потенциальных возможностей. Активное изучение виртуальных аспектов музейной коммуникации началось сравнительно недавно, однако отечественные исследователи относительно быстро освоили новое предметное поле, уделив внимание анализу опыта внедрения цифровых технологий в коммуникативную практику современных региональных и местных музеев [5], изучению коммуникативных свойств виртуального музейного пространства [19], рассмотрению виртуальной музейной коммуникации в системе современных коммуникативных практик, в пространстве сетевой культуры [21] [10] [31] и ряду других тематических направлений. Однако в современной научной литературе остается практически нерешенной проблема выявления различий между пространствами реальной и виртуальной музейной коммуникации, имеющая, как представляется, серьезное значение для дальнейшей разработки методологических оснований внедрения цифровых технологий в музейную практику.

Целью исследования, таким образом, является проведение сравнительного анализа характеристик реального и виртуального музейных коммуникативных пространств в аспекте их восприятия лицами, пользующимися услугами музея. Рассмотрение данной проблемы с позиций теории коммуникации представляется достаточно актуальным в условиях нарастания темпов цифровизации и развития дистантной музейной деятельности в период пандемии COVID-19. Материалами послужили результаты исследований ученых, связанные с изучением невербальных коммуникаций (В. П. Морозов), виртуальных коммуникативных музейных каналов (В. В. Определенов и Д. Ю. Гук), виртуальных музеев (Т. Е. Максимова, Г. Гайя) и теоретических оснований «новых медиа» (М. Кастельс,

И. Манович). В анализе особенностей коммуникативных практик в современном музее используются методология изучения музейного коммуникативного пространства, разработанная британской исследовательницей Э. Хупер-Гринхилл и российским ученым Г. М. Гнездовским, и концепция форм капитала П. Бурдьё [33].

Научная новизна исследования состоит в концептуализации рассматриваемых в данной статье понятий, а также в выявлении новых аспектов коммуникативной деятельности музейных учреждений в условиях цифровизации.

Музейная коммуникация, теоретико-методологические основания которой имеют междисциплинарный характер, может пониматься как «процесс общения музейной аудитории с культурным наследием, аккумулирующим опыт материальной деятельности, духовных исканий и традиционную культуру как отдельного этноса, так и человечества в целом» [23, с. 45]. Данное определение, возможно, не носит исчерпывающего характера, однако представляется удачным, поскольку напрямую адресует исследователя к идее взаимодействия субъекта (посетителя музея) с наследием прошлого во всех его возможных формах и проявлениях, предполагая, в том числе, и виртуальное воплощение этого наследия.

Выработка новой стратегии развития коммуникационной политики музеев стала крайне актуальной уже в начале XXI в. — с развитием сети Интернет и социальных сетей в условиях трансформации средств массовой информации в электронные форматы. Так, например, у посетителей появилась возможность ознакомления с хранящимися в музеях экспонатами, не отраженными в действующих экспозициях. Параллельно с поиском перспективных методик популяризации музейных коллекций возникла потребность в расширении потенциальной аудитории за счет представителей социальных групп со специфическими характеристиками (семей с маленькими детьми, лиц с ограниченными возможностями здоровья, пользователей социальных сетей, жителей удаленных регионов, волонтеров, представителей бизнеса и обществен-

ности и др.). Данный вектор соответствовал формированию идеологии открытости и доступности музейного коммуникативного пространства с одной стороны и объективной необходимости цифровизации музейной среды как результата широкого внедрения высоких технологий в жизнь общества — с другой.

Сегодня коммуникационная политика музеев выражается не только в расширении возможностей доступа в их экспозиционные залы и развитии лекционно-просветительской деятельности. Свою лепту в процесс модернизации музейной сферы внесло развитие различных форм партнерства с общественными институтами и другими акторами социокультурных процессов [11, с. 103–104]. Происходит диверсификация каналов коммуникации музеев с научными учреждениями, бизнес-сообществом, некоммерческими организациями, мастерами народного творчества, волонтерами. Расширяется музейное присутствие в сфере современных культурных индустрий, что влечет за собой углубление сотрудничества музеев с арт-бизнесом, индустрией дизайна, любительскими объединениями. Все эти тенденции в конечном счете приводят к изменениям в доминантных функциях музейных учреждений: «В современном мире на первый план выходит социальная функция музея. Все большее значение он приобретает в качестве культурного и образовательного пространства, места проведения досуга для всей семьи» [26, с. 11].

В рамках инновационной урбанистики современные музеи рассматриваются как один из важных ресурсов воспроизводства и использования культурного, образовательного и человеческого капиталов, как опытные площадки реализации креативных проектов в сфере культуры и искусства [17, с. 68]. Е. Н. Мастеница справедливо полагает, что «раскрытие музейного пространства в городское с их последующим взаимопроникновением является ... эффективной стратегией решения колоссально трудной задачи реновации городской среды — превращения ее в социокультурное пространство, достойное современного человека» [17, с. 72].

Из многообразия методологических инструментов, позволяющих исследовать про-

цесс музейной коммуникации, следует выделить системный подход М. Б. Гнедовского [7], в рамках которого она рассматривается в качестве одного из видов социальных коммуникаций, направленных на передачу значимой информации с использованием специфических музейных форм и каналов (музейное пространство, музейные экспозиции и выставки, музейные предметы) [9, с. 43]. Такой подход позволяет охватить интеллектуальную коммуникацию, в русле которой взаимодействие осуществляется посредством знаков и их значений.

Некоторые исследователи утверждают, что современные музеи «вовлечены в процесс передачи эмоционального опыта» [25], однако неясно, насколько оптимально и эффективно этот опыт передается и какой методологический инструмент должен применяться для оценки эмоциональной коммуникации в пространстве музея. Учитывая множество достаточно спорных моментов, следует согласиться с оценкой уровня методологической разработки проблемы, данной Т. Ю. Юрневой, полагающей, что теория музейной коммуникации еще не сложилась и можно пока еще лишь говорить о коммуникационном подходе [30, с. 258].

Методология виртуальной музейной среды принадлежит к числу достаточно дискуссионных проблем современного гуманитарного знания. Концепции, составляющие ее смысловое ядро, можно отнести к трем достаточно объемным сегментам. В первую очередь, это идеи, связанные с обоснованием процесса взаимодействия пользователей с продуктами высоких технологий, среди которых наибольшее распространение (особенно среди представителей молодого поколения) получили мобильные устройства. Социокультурный резонанс их широкого использования был изучен в работах М. Кастельса [13], показавшего революционный характер воздействия мобильных технологий на всю систему коммуникаций.

В теоретико-методологическом плане важны также исследования разработчиков концепции так называемых новых медиа — комплекса новых форм и способов коммуникации, возникших на рубеже XX–XXI вв. Среди неотъемлемых свойств новых медиа выделя-

ется прежде всего интерактивность, влияющая на раскрытие творческого потенциала пользователей [16]. Технологии новых медиа должны обеспечивать простую и доступную оцифровку культурных объектов, и полнота такой репрезентации обеспечивается представлением предмета (экспоната) в различных ракурсах (вариантах). При этом машинная логика так или иначе влияет на человеческое восприятие, а следовательно, и на понимание оцифрованных объектов [39], доступность же означает не только простоту пользования, но и возможность для каждого человека, владеющего основами цифровых технологий, создания подобного контента [34].

Наконец, поле виртуальной музейной коммуникации неразрывно связано с глобальной сетью Интернет, являющейся информационно-коммуникационным пространством, обладающим определенной структурой и существующим на принципах самоорганизации. Отдельные элементы этого пространства связаны посредством гипертекстовых ссылок. Виртуальная музейная экспозиция по аналогии также предстает неким пространством коммуникации, в котором экспонаты тематически связаны между собой, хотя могут физически быть довольно удалены друг от друга. Данное наблюдение легло в основу концепции М. Виллингера [40], считавшего, что виртуальный музей не обязательно должен воспроизводить оригинал во всех его деталях, — он служит для реализации концептуального замысла создателей цифровой версии экспозиции. В определенной степени противоположная по направленности методология была выражена Т. Фюрстнером [35], полагавшим, что виртуальное музейное пространство должно служить расширению возможностей (в том числе и коммуникативных) реального музея за счет увеличения информативности экспозиции.

Таким образом, можно выделить ряд методологических оснований музейной коммуникации в виртуальном пространстве:

- неразрывная связь с сетью Интернет, являющейся технической основой этой формы коммуникации;
- органическая и отчасти генетическая связь с пространством реальной музейной

экспозиции, виртуальный прообраз которого создается посредством репрезентации;

— интерактивный характер коммуникации пользователей с экспонатами, опосредуемый (и отчасти ограничиваемый) техническими устройствами;

— возможность моделирования структуры виртуального пространства музейной коммуникации в зависимости от концепции, разработанной ее авторами;

— динамичность виртуальной репрезентации музейного пространства, возможность ее структурной перестройки в любое время;

— постоянная доступность пространства виртуальной музейной коммуникации.

Музейная коммуникация на основе цифровых технологий реализуется прежде всего в форме, получившей общее наименование «виртуальный музей». Основными признаками последнего считаются мультимедийность, интерактивный характер, наличие программной основы и функциональная привязка к музейной экспозиции, что позволяет представлять ее в электронном виде [27]. Иными словами, виртуальный музей позволяет пользователям (чаще всего пользователям глобальной сети Интернет) не просто осматривать сайт с представленными на нем экспонатами, но и взаимодействовать с ними.

Создание первых виртуальных музеев пришлось на 1990-е гг. и совпало по времени с началом массового распространения интернет-технологий в Западной Европе и Северной Америке. Постепенно складывалась их типология [36]. От достаточно простых экспериментов с размещением электронных копий живописных произведений на статических веб-страницах уже через десять лет музеи, накопив достаточный опыт и взяв на вооружение технологии Web 2.0, современные 3D-инструменты и мультимедийные возможности, перешли к режиму интерактивности, что позволило наладить виртуальный диалог пользователей с экспозицией. Особую роль в этом сыграли коммуникативные технологии социальных сетей, благодаря использованию которых во много раз увеличилась популярность музейных коллекций и возросла степень осведомлен-

ности общества о событиях, происходящих в музеях.

В России виртуальные коммуникативные технологии широко используются Государственной Третьяковской галереей Государственным Русским музеем, Государственным историческим музеем, Государственным центральным музеем современной истории России и многими другими федеральными и региональными музейными учреждениями.

Одним из специфических инструментов виртуальной музейной коммуникации, существенно модифицирующим традиционные формы взаимодействия посетителей в реальном музейном пространстве, является технология «дополненной реальности» (augmented reality). Она позволяет обогащать экспозицию, виртуально моделируя те или иные объекты с тем, чтобы реальные посетители музея воспринимали их через экран смартфона или другого подобного устройства. Без наличия цифровых устройств, снабженных соответствующими программными приложениями, восприятие таких объектов невозможно. Опираясь на прочтенный устройством QR-код, эти приложения могут предоставлять пользователю научно-справочный материал об экспонате или разделе экспозиции, фактически выполняя функцию индивидуального экскурсовода [37].

Такие технологии достаточно широко применяются российскими музеями, использующими систему Artefact, созданную под эгидой Минкультуры России. В начале сентября 2020 г. число участников данного проекта составило 211 музейных учреждений [2].

Пандемия коронавируса COVID-19, как показал опыт функционирования музеев в форс-мажорных обстоятельствах, нарушила привычные алгоритмы и протоколы работы (например, в сфере стратегического планирования). Вместе с тем вызовы самоизоляции активизировали деятельность по развитию различных форм музейных коммуникаций. Как отмечал руководитель Союза музеев России М. Пиотровский, «в условиях мировой пандемии и паники ... доступность временно переходит в online, что вполне соответствует духу времени» [20].

Внедрение подобных средств музейной коммуникации позволяет достичь сразу нескольких целей. Во-первых, многократно возрастает число посетителей, охваченных экскурсионной работой; во-вторых, освобождается рабочее время сотрудников музея, занятых в качестве гидов; в-третьих, закономерно увеличивается посещаемость, в том числе и за счет молодежи, представители которой очень восприимчивы к техническим новшествам; в-четвертых, тексты и изображения, сохраненные на устройствах в процессе посещения музея, могут быть (при наличии такой технической возможности) воспроизведены посетителем уже вне стен музея в процессе переосмысления увиденного экспозиционного материала.

Однако есть несколько существенных ограничений на использование таких инструментов. Подобные технологии достаточно сложны и поэтому могут успешно применяться только в музеях, имеющих соответствующую материально-техническую и кадровую базу. Кроме того, коммуникация между человеком-экскурсоводом и посетителем музея — процесс субъектно-субъектный, насыщенный личностными, индивидуальными характеристиками и эмоциями, процесс а priori интерактивный. Восприятие информации от электронного гида не может соперничать с полноценной межличностной коммуникацией. Таким образом, элемент музейно-педагогического воздействия экскурсовода на аудиторию полностью нивелируется. Пространство музейной коммуникации сужается до объема системы взаимодействий «человек — машина», фактически являющейся симулякрком общения экскурсовода с посетителями.

Задолго до связанного с пандемией временного перевода музеев на условия удаленной работы исследователи музейных коммуникаций начали задаваться далеко не праздным вопросом: «...проблема уникальности подлинной вещи и особой атмосферы музея: существует ли она на самом деле? Или музей можно превратить в виртуальные коллекции без ущерба для общечеловеческой культурной среды?» [1]. Причем главная проблема цифровой репрезентации музея в интернет-пространстве усматривалась в том, что «рас-

смотрение зрителем виртуальной коллекции в принципе не предполагает обратной связи и не может считаться музейной коммуникацией» [1]. Аргумент этот более чем спорный — он был приемлем, когда виртуальные коллекции представлялись в формате CD-дисков (подобная практика реализовывалась Эрмитажем и рядом ведущих музеев России в середине нулевых годов). Между тем, как было показано ранее, в настоящее время проблему обратной связи музеев и посетителей виртуальных экспозиций можно считать решенной с технологической точки зрения.

Как правило, проблема виртуализации музейного комплекса (преимущественно в экспозиционном его понимании) сводится к вопросу об уникальности подлинной вещи и наличии особой атмосферы музея, точнее, реальности ее объективного существования. Как полагает Т. Ю. Юренева, «основной содержательной единицей любой модели музейной коммуникации является общение двух субъектов — индивидуальных или коллективных — по поводу музейного собрания» [30, с. 257]. При этом посетитель воспринимает экспозицию «сквозь призму внутреннего мира личности», а для сближения понимания экспонируемого объекта создателями экспозиции и посетителем используются средства вербального комментирования смыслов, которыми наделяется этот объект [30, с. 257]. Подобный взгляд очень близок позиции Э. Хуппер-Гринхилл, которая считает, что музейный работник наделяет экспонаты, размещаемые в экспозиции, смыслами, после чего посетители интерпретируют образы музейных экспонатов в соответствии с персональным опытом, что позволяет рассматривать музейную коммуникацию как «двунаправленный процесс» [38, р. 53]. Кроме того, музей является своего рода «замкнутой, герметической системой вещей», существующей в физическом пространстве, принципы организации которого имеют особую важность [3].

Рассмотрим процесс музейной коммуникации в пространстве актуальной музейной реальности.

Музейное коммуникативное пространство начинается с музейного здания, которое

является физической оболочкой для хранения и экспонирования музейных объектов и средством визуальной коммуникации музея с посетителями, непосредственно участвуя в формировании его образа [28, с. 9, 11–12]. Внешний архитектурный облик музейного здания формирует общий имидж музея в городском пространстве, позиционируя его как храм артефактов истории культуры. Интерьер музея в определенной степени детерминирует алгоритмы поведения в его пространстве и «погружает» посетителя в мир музейных предметов, в ряде случаев самостоятельно выполняя функции экспоната (планировка, дизайн залов и экспозиций и т.п.) [29, с. 34–35].

Музейная коммуникативная система имеет антропоцентричную ориентацию, и главным ее содержанием является доступ общественности к музейным собраниям, что в большинстве случаев подразумевает экспонирование и интерпретацию аутентичных памятников в качестве важного элемента этой системы [8, с. 255]. При этом посетитель осматривает экспозицию, общается с сотрудниками музея, может проявлять интерес к изданиям (путеводителям, каталогам и пр.) и принимать участие в музейных мероприятиях (лекциях, мастер-классах, образовательных программах и др.) [8, с. 255]. Иными словами, в реальном коммуникативном поле посетитель непосредственно воспринимает музейное пространство, позиционируя себя по отношению к различным его координатным точкам.

В данном смысле также важен аспект невербальной коммуникации. Как отмечает российский психолог В. П. Морозов, видный специалист в данной области, такое взаимодействие, предполагающее одновременное восприятие разными органами чувств, имеет во многом подсознательный характер и при этом не зависит от семантики вербальной коммуникации и психологических «языковых фильтров»; оно обладает своими особенностями кодирования и декодирования [18, с. 24]. В невербальной коммуникации используются различные каналы, позволяющие передавать эмоциональные (образные и метафорические) и эстетические аспекты отношения субъекта ком-

муникации к другим участникам данного процесса¹.

Значимыми элементами невербальной коммуникации являются восприятие пространства коммуникации и ориентация в нем участника коммуникационного процесса. Немаловажным аспектом также следует признать формирование в сознании посетителя музея психологических портретов участников коммуникационного процесса.

При осмотре экспозиции в музейных залах важны все формы вербальных и невербальных коммуникаций, позволяющие осуществлять трансферы различных нематериальных форм капитала: человеческого (обогащение своих знаний и развитие личностных способностей к коммуникативным взаимодействиям с другими людьми), культурного (приобщение к артефактам культурного наследия, экспонируемым в музее), социального (новые знакомства, обмен опытом), символического (интерпретация смыслов музейных экспозиций и позиций по отношению к ней других посетителей и персонала музея), имиджевого (публичная репрезентация своего имиджа и знакомство с имиджем других посетителей и персонала), эстетического (реализация потребности в активном досуге). Невербальным коммуникативным контекстом посещения музея являются воспринимаемые различными органами чувств факторы, создающие его неповторимую атмосферу (ароматы музейных залов, фоновые шумы, создаваемые посетителями, их реплики и голоса сотрудников, обмен взглядами, наконец, особое течение музейного времени).

Итак, сравнение двух форм музейной коммуникации (в виртуальном и реальном музейных пространствах) приводит к следующим наблюдениям.

Во-первых, цифровая репрезентация воспринимается только при посредстве соответствующих устройств, подключенных к сети Интернет, в то время как коммуникация с реальной музейной экспозицией возможна без помощи каких-либо устройств-посредников.

¹ Настоящая статья опирается на результаты психолого-коммуникативных исследований, изложенных в работе В. П. Морозова [18], и данные социологических исследований, приведенные в статье В. В. Определенова и Д. Ю. Гук [19].

Во-вторых, в условиях реальной экспозиции посетитель наделен большей «свободой воли» по отношению к своим коммуникационным возможностям, он способен перемещаться по залам и производить осмотр музейного предмета почти из любой части экспозиционного пространства. В мире цифровых коммуникаций пространственное позиционирование зависит от акцентуации тех или иных координатных точек и объектов в результате режиссерско-операторской работы создателя цифровой репрезентации [6].

В-третьих, музейная экскурсия в реальных условиях представляет собой акт межличностного общения с экскурсоводом, специалистом, наделенным знаниями и соответствующим авторитетом. Виртуальный музей подразумевает лишь воздействие человека (посетителя) на программный комплекс, возвращающий ему через цифровое устройство запрошенную информацию в виде ответа. Конечно, человеку свойственно ошибаться, любой гид не свободен от оговорок или даже от более серьезных оплошностей, и в этом смысле выверенная информация из базы данных музейного приложения будет, безусловно, точнее, однако она ни в коей мере не заменит живого человеческого общения.

В-четвертых, виртуальная музейная среда более динамична в структурном плане, что позволяет создавать множество электронных выставок и перегруппировывать виртуальные экспонаты в соответствии с желанием их кураторов и техническими возможностями веб-сайтов.

В-пятых, несомненным плюсом виртуальной музейной коммуникации является постоянная доступность коммуникационного поля практически из любой точки земного шара и (в большинстве случаев) бесплатность процесса взаимодействия с виртуальной экспозицией.

В-шестых, степень эмоционального воздействия процесса реальной музейной коммуникации на личность посетителя значительно сильнее, чем впечатления от взаимодействия с виртуальной репрезентацией музейной коллекции в пространстве веб-сайта (по крайней мере, на текущий момент, поскольку не исключено, что с течением времени будут созда-

ваться все более реалистичные воплощения музейных предметов).

Наконец, в-седьмых, пребывание посетителя в реальном музейном пространстве способствует более эффективному формированию у него устойчивых и важных в социальном плане знаний, умений, навыков, поведенческих стереотипов, этических норм — всего того, что принято называть личностной культурой. При этом процесс музейной коммуникации в реальном пространстве служит своеобразным проводником, позволяющим налаживать трансфер различных нематериальных форм капитала, не только способствуя совершенствованию отдельных личностей, но и умножая интеллектуальные и социальные активности общества в целом.

Таким образом, несмотря на ряд достаточно выгодных преимуществ виртуальной музейной коммуникации, именно непосредственное пребывание посетителя в залах музея имеет определяющее значение для восприятия реального музейного пространства как собрания подлинных артефактов, в отличие от его цифровой презентации как формы публичного ознакомления с содержанием архитектуры, интерьеров музея и его коллекций. Это возможность эмоционально окрашенного визуального контакта с аутентичными экспонатами, подлинными свидетелями реальной жизни, которые удовлетворяют эмоциональную потребность человека в контакте с «живой» реальностью, подтвержденной музейным экспонированием. Таким образом, именно музейные предметы идентифицируют посетителя в потоке исторических событий, создавая у него чувство непосредственной сопричастности прошлому и настоящему.

Основным следствием выводов настоящего исследования, по мнению автора, является тезис о том, что при всех своих несомненных достоинствах виртуальная музейная коммуникация не обладает качеством самодостаточности, не может рассматриваться как нечто самостоятельное ни в какой из своих форм, пусть даже и самой совершенной. Тем не менее выводы не нужно трактовать как идеи, умаляющие значение виртуальной коммуникации, ведь без ее использования музеи

в нынешних условиях просто не смогут выжить. Результаты проведенной работы лишь указывают на то, что обе формы музейной коммуникации должны структурно допол-

нять друг друга, сочетаясь в различных пропорциях, выработка принципов для определения которых — актуальная задача будущих научных исследований.

Elena G. SARKISOVA

Legal Adviser, Kovalenko Krasnodar
Regional Art Museum
Krasnodar, Russian Federation,
gorlik93@mail.ru

***Museum Space in Real and Virtual Communicative Fields:
Facets of Perception***

Abstract. The aim of the study is to conduct a comparative analysis of the characteristics of real and virtual museum communication spaces in terms of their perception by museum visitors against the background of the growing pace of digitalization and the development of distant museum activities during the COVID-19 pandemic. The materials were the results of research by Russian scholars related to the study of non-verbal communication, virtual museums, and related communicative museum channels. The methodology of studying the museum communicative space (E. Hooper-Greenhill, G.M. Gnezdovsky), the concept of capital forms by P. Bourdieu, and concepts created by theorists of information technology (M. Castells, I. Manovich) are used. The methodological foundations of communication within the framework of a real museum exposition, as well as the methodology of a virtual museum environment, have been studied in detail. The main communication characteristics of virtual museums and the technological capabilities of “augmented reality” as means of modeling expositions and exhibits are investigated. The benefits of using these telecommunications tools in the work of the museum have been determined, including against the background of the challenges associated with the COVID-19 pandemic. The limitations associated with the use of virtual museum communication technologies are identified. The fact is emphasized that the device used in virtual communication is a mediating factor that largely limits the perception of a museum item. The process of museum communication in the space of actual museum reality is considered; the influence of the interior space of the museum and of the appearance of the museum building on the perception of museum collections is noted. Various aspects of non-verbal communication of visitors taking place in the space of a real museum exhibition are analyzed. It has been established that the non-verbal communicative context of visiting the museum is the environmental factors perceived by various senses. It is noted that in the real museum communication, intangible forms of capital are transferred. The communicative characteristics of a real museum exposition and the virtual representation of museum items are compared. It is concluded that museum communication in real conditions is more effective than the perception of virtual models. The author emphasizes that the peculiarities of museum communication in real conditions play the role of identifying markers of an individual’s involvement in the continuity of the historical process, creating a sense of belonging to the past and present in the visitor.

Keywords: museum communication, Internet, communicative field, non-verbal communication, museum exposition, virtual museum, augmented reality.

Использованная литература:

1. Алимаева О.И Коммуникативное пространство современного музея // Образование в современном мире: сб. статей. / Под ред. Ю. Г. Голуба. Саратов: Сара-

References:

1. Alimaeva, O.I. (2011) Kommunikativnoe prostranstvo sovremennogo muzeya [The Communicative Space of a Modern Museum]. In: Golub, Yu.G. (ed.)

- товский нац. исслед. гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского, 2011. С. 3-8.
2. Артефакт. Гид по музеям России с дополненной реальностью. URL: <https://artefact.culture.ru/> (дата обращения: 02.09.2020).
 3. Беззубова О.В. Теория музейной коммуникации как модель современного образовательного процесса // Коммуникация и образование: Сб. статей / Под ред. С.И. Дудника. СПб.: Санкт-Петербургское филос. об-во, 2004. С.418-427.
 4. Белоусова Н. А., Кимеева Т. И. Формирование инновационных моделей музейной коммуникации в музеях высшей школы Западной Сибири // Известия Алтайского государственного университета. 2007. № 4-2 (56) . С. 19-22.
 5. Беляева М. А., Ладыгина Т. А.. Новые музейные коммуникации: цифровая перезагрузка [Электронный ресурс] // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2018. Т. 9. № 4. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/09KLSK418.pdf> (дата обращения: 12.08.2020)
 6. Гибсон Дж. Экологический подход к зрительно-му восприятию. М.: Прогресс, 1988.
 7. Гнездовский Г.М. Коммуникационный подход в музееведении: теоретический и прикладной аспекты: дис ... канд. ист. наук. М., 1994.
 8. Голова А.Г., Попова Е.И. Модернизация компетенций музейного дела в эпоху цифровых коммуникаций // Евразийское научное объединение. 2019. № (9-3). С.255-260.
 9. Гуриева С.Д., Харитоновна Т.Ю. Особенности музейной коммуникации: оправданность ожиданий и удовлетворение эстетической потребности (на примере посетителей музея) // Современные исследования социальных проблем. 2017. Т. 8. № 8. С.42-58.
 10. Ершова Д. Е. Новая музейная коммуникация в пространстве сетевой культуры // Общество: философия, история, культура. 2017. № 12. С. 181-184.
 11. Зиновьева Ю.В. Стратегии коммуникации музея: 20 лет постсоветской трансформации // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2013. № 3 (16). С.102-107.
 12. Иванова Р. А. Виртуальное музейное пространство как инструмент социальной коммуникации // Четвертая промышленная революция: реалии и современные вызовы. X юбилейные Санкт-Петербургские социологические чтения (Санкт-Петербург, 13-14 апреля 2018 г.): сб. материалов Междунар. науч. конф. СПб: Изд-во Политехн. ун-та, 2018. С. 437-440.
 13. Кастельс М. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург: У-Фактория, 2004.
 14. Комлев Ю. Э. Методология исследования управления музейными коммуникациями // Теория и практика общественного развития. 2011. № 5. С. 113-118.
 15. Комлев Ю.Э. Формирование стратегии управления музейными коммуникациями // Мир науки, культуры, образования. 2011. №5 (30). 373-377.
 16. Максимова Т.Е. Виртуальные музеи как социокультурный феномен. дисс. ... канд. культурологии М., 2012.
 17. Мастеница Е.Н. Музей в социокультурном пространстве мегаполиса: преодоление границ // Сохранение культуры в современном мире [Education in the Modern World] Saratov: Saratov State University. pp. 3–8.
 2. *Artefact Website*. [Online] Available from: <https://artefact.culture.ru/>. (Accessed: 02.09.2020).
 3. Bezzubova, O.V. (2004) *Teoriya muzeynoy kommunikatsii kak model' sovremennogo obrazovatel'nogo protsesssa* [The Theory of Museum Communication as a Model of the Modern Education Process]. In: Dudnik, S.I. (ed.) *Kommunikatsiya i obrazovanie* [Communication and Education]. Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskoe filios. obvo. pp. 418–427.
 4. Belousova, N.A. & Kimeeva, T.I. (2007) Formation of Innovative Models of Museum Communication in Museums of Higher Education Institutes in Western Siberia. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta – Izvestiya of Altai State University*. 4-2 (56). pp. 19–22. (In Russian).
 5. Belyaeva, M.A. & Ladygina, T.A. (2018) New Museum Communication: Digital Reboot. *Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kul'turologiya – World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*. 9 (4). [Online] Available from: <https://sfk-mn.ru/PDF/09KLSK418.pdf>. (Accessed: 12.08.2020). (In Russian).
 6. Gibson, J. (1988) *Ekologicheskii podkhod k zritel'nomu vospriyatuyu* [The Ecological Approach to Visual Perception]. Translated from English. Moscow: Progress.
 7. Gnezdovskiy, G.M. (1994) *Kommunikatsionnyy podkhod v muzeevedenii: teoreticheskiy i prikladnoy aspekty* [A Communication Approach in Museology: Theoretical and Applied Aspects]. Abstract of History Cand. Diss. Moscow.
 8. Golova, A.G. & Popova, E.I. (2019) *Modernizatsiya kompetentsiy muzeynogo dela v epokhu tsifrovyykh kommunikatsiy* [Modernization of the Competences of Museum Work in the Era of Digital Communications]. *Evraziyskoe nauchnoe ob'edinenie*. 9 (3). pp. 255–260.
 9. Gurieva, S.D. & Kharitonova, T.Yu. (2017) The Features of Museum Communication: The Justification of Expectations and the Satisfaction of Aesthetic Need (on the Example of the Museum Visitors). *Sovremennyye issledovaniya sotsial'nykh problem – Modern Studies of Social Issues*. 8 (8). pp. 42–58. (In Russian). DOI: 10.12731/2218-7405-2017-8-41-58
 10. Ershova, D.E. (2017) Modern Museum Communication in the Space of Network Culture. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura – Society: Philosophy, History, Culture*. 12. pp. 181–184. (In Russian). DOI: 10.24158/fik.2017.12.41
 11. Zinov'eva, Yu.V. (2013) Communication Strategies for Museum: Twenty Years of Postsovjet Development. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv – Bulletin of Saint Petersburg State University of Culture*. 3 (16). pp. 102–107. (In Russian).
 12. Ivanova, R.A. (2018) [Virtual Museum Space as a Tool of Social Communication]. *Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya: realii i sovremennyye vyzovy* [The Fourth Industrial Revolution: Realities and Modern Challenges]. Proceedings of the X Anniversary Saint Petersburg Sociological Readings. Saint Petersburg. 13–14 April 2018. Saint Petersburg: Polytechnic University. pp. 437–440. (In Russian).
 13. Castells, M. (2004) *Galaktika Internet: razmyshleniya ob Internete, biznese i obshchestve* [The Internet Galaxy: Reflections on the Internet, Business, and Society]. Translated from English. Yekaterinburg: U-Faktoriya.

ние, изучение и популяризация наследия: опыт участия и векторы развития: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (18 апреля 2019 г., Улан-Удэ). Улан-Удэ: Вост.-Сиб. Гос. ин-т культуры, 2019. Т. 1. С.68-72.

18. Морозов В.П. Невербальная коммуникация. Экспериментально-психологические исследования. М.: Ин-т психологии Рос. акад. наук, 2011.

19. Определенов В. В., Гук Д. Ю. Виртуальное пространство музея и его посетители // Информационное обслуживание в век электронных коммуникаций: XI Всерос. науч.-практ. конф. «Электронные ресурсы библиотек, музеев, архивов» (2-3 ноября 2016 года, Санкт-Петербург): сб. материалов. СПб.: Центр. городская публ. б-ка им. В. В. Маяковского, 2016. С.23-42.

20. Пиотровский призвал музеи противопоставить пандемии виртуальную доступность [Электронный ресурс] // Интерфакс. URL: <https://tourism.interfax.ru/ru/news/articles/67811/> (дата обращения 14.07.2020).

21. Ростецкая А.-М. С. Виртуальный музей в системе форм современной коммуникации // Элиты и лидеры: стратегии формирования в современном университете: Материалы междунар. Конгресса (Астрахань, 19-22 апреля 2017 г.) / Под ред. А.П. Лунева, П.Л. Карабущенко. Астрахань: Астраханский университет, 2017. С. 348-350.

22. Самарина Н. Г. Вербальные и невербальные аспекты музейной коммуникации // Обработка текста и когнитивные технологии // Труды VIII Международной конференции «Когнитивное моделирование в лингвистике» (Москва-Варна, 04-11 сентября 2005 г.). Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2006. Т. 1. С. 173-184.

23. Самарина Н. Г. Музейная коммуникация в контексте культурной памяти и культурного наследия // Вопросы музеологии. 2013. № 2 (8). С. 45-55.

24. Сапанжа О. С. Развитие представлений о музейной коммуникации // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 103. С. 245-252.

25. Смирнов А.В. Современный музей: коммуникация или коммеморация // Международный журнал исследований культуры. 2016. № 3 (24). С. 17-24.

26. Средняк К.В. Музейная коммуникация в зеркале современных образовательных программ // Вестник Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева. 2014. №3. С.10-15.

27. Технические рекомендации по созданию виртуальных музеев (версия 1.0). Москва: Министерство культуры Российской Федерации, 2014. С. 5. URL: http://vmusee.ru/wp-content/uploads/2017/04/Tekhnicheskie_rekommendatsii_po_sozdaniyu_virtualnogo_muzeiya.pdf (дата обращения: 12.08.2020)

28. Чугунова А.В. Социокультурный образ современного музея: модели архитектурного воплощения: автореф. дис... канд. культурологии. СПб., 2012.

29. Чугунова А.В. Музейная архитектура в контексте современной культуры // Вопросы музеологии. 2010. №1. С. 34-43.

30. Юренева Т.Ю. Музееведение. М.: Академический Проект, 2020.

31. Юрикова А.В. Музейная коммуникация в контексте интернет-пространства // Культурные ценности и традиции современного общества: Сб. материалов I Междунар. науч.-практ. конф. (Новосибирск, 16 ноя-

14. Komlev, Yu.E. (2011) Methodology of Researching of Management of Museum Communication. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya – Theory and Practice of Social Development*. 5. pp. 113–118. (In Russian).

15. Komlev, Yu.E. (2011) The Strategy Formation of Museum Communication Management. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya – World of Science, Culture and Education*. 5 (30). pp. 373–377. (In Russian).

16. Maksimova, T.E. (2012) *Virtual'nye muzei kak sotsiokul'turnyy fenomen* [Virtual Museums as a Socio-Cultural Phenomenon]. *Culturology* Cand. Diss. Moscow.

17. Mastenitsa, E.N. (2019) [Museums in the Socio-Cultural Space of a Metropolis: Overcoming Boundaries]. *Sokhranenie, izuchenie i populyarizatsiya naslediya: opyt uchastiya i vektory razvitiya* [Preservation, Study and Popularization of Heritage: Experience of Participation and Vectors of Development]. Proceedings of the All-Russian Conference. Ulan-Ude. 18 April 2019. Vol. 1. Ulan-Ude: East-Siberian State Institute of Culture. pp. 68–72. (In Russian).

18. Morozov, V.P. (2011) *Neverbal'naya kommunikatsiya. Eksperimental'no-psikhologicheskie issledovaniya* [Non-Verbal Communication. Experimental Psychological Studies]. Moscow: Institute of Psychology, RAS.

19. Opredelenov, V.V. & Guk, D.Yu. (2016) [The Virtual Space of a Museum and Its Visitors]. *Informatsionnoe obsluzhivanie v vek elektronnykh kommunikatsiy* [Information Service in the Age of Electronic Communications]. Proceedings of the XI All Russian Conference "Elektronnyye resursy bibliotek, muzeev, arkhivov" [Electronic Resources of Libraries, Museums, Archives]. Saint Petersburg. 2–3 November 2016. Saint Petersburg: Tsentr. gorodskaya publ. b-ka im. V. V. Mayakovskogo. pp. 23–42. (In Russian).

20. Interfax. (2020) *Piotrovskiy prizval muzei protivopostavit' pandemii virtual'nuyu dostupnost'* [Piotrovsky Called on Museums to Counter the Pandemic With Virtual Accessibility]. [Online] Available from: <https://tourism.interfax.ru/ru/news/articles/67811/>. (Accessed 14.07.2020).

21. Rostetskaya, A.-M.S. (2017) [Virtual Museum in the System of Modern Communication Forms]. *Elity i lidery: strategii formirovaniya v sovremennom universitete* [Elites and Leaders: Strategies of Formation in a Modern University]. Proceedings of the International Congress. Astrakhan. 19–22 April 2017. Astrakhan: Astrakhan University. pp. 348–350. (In Russian).

22. Samarina, N.G. (2006) [Verbal and Non-Verbal Aspects of Museum Communication]. *Obrabotka teksta i kognitivnye tekhnologii* [Text Processing and Cognitive Technologies]. Proceedings of the VIII International Conference "Kognitivnoye modelirovanie v lingvistike" [Cognitive Modeling in Linguistics]. Moscow–Varna. 04–11 September 2005. Vol. 1. Kazan: Kazan State University. pp. 173–184. (In Russian).

23. Samarina, N.G. (2013) *Muzeynaya kommunikatsiya v kontekste kul'turnoy pamyati i kul'turnogo naslediya* [Museum Communication in the Context of Cultural Memory and Cultural Heritage]. *Voprosy muzeologii – Problems of Museology*. 2 (8). pp. 45–55.

24. Sapanzha, O.S. (2009) Development of Ideas About Museum Communication. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I.*

- бря-15 декабря 2017 г.) Новосибирск: Центр развития научного сотрудничества, 2017. С. 41-49.
32. Яковець І.О. Комунікаційний простір сучасного музею як одна з основних категорій теорії музейної комунікації // Вісник Харківської державної академії дизайну і мистецтв. 2014. № 4-5 С. 129-133.
33. Bourdieu P. *Ökonomisches Kapital, kulturelles Kapital, soziales Kapital* // *Soziale Ungleichheiten (Soziale Welt. Sonderband 2)*. / Ed. by R. Kreckel. Göttingen: Verlag Otto Schwartz & Co., 1983. S. 183-198.
34. Croteau D., Hoynes W. *Media/Society: Industries, Images, and Audiences*. Thousand Oaks: Pine Forge Press, 2003.
35. Fürstner T. *Das virtuelle Metamuseum [Elektronische Ressource]* // Webpage Archive. URL: archive.today/H4jJw (Datum des Zugangs: 12.08.2020).
36. Gaia G. *Promoting a museum website on the net* // *Museums and the Web – 1999 (MW99)* (New Orleans, LA, USA, March 11-14, 1999). *Selected Papers*. URL: <https://www.museumsandtheweb.com/mw99/papers/gaia/gaia.html> (Date of access: 12.08.2020).
37. Ghouaiel N., Garbaya S., Cieutat J.-M., Jessel J.-P. *Mobile Augmented Reality in Museums: Towards Enhancing Visitor's Learning Experience* // *International Journal of Virtual Reality*. 2017. Vol. 17. №. 1. Pp. 21-31. <https://doi.org/10.20870/IJVR.2017.17.1.2885>
38. Hooper-Greenhill E. *A New Communication Model for Museum* // *Museum Languages: Objects and Texts* /Ed. by G. Kavanagh. Leicester Univ. Press, 1991. P.47-62.
39. Manovich L. *The Language of New Media*. Cambridge: MIT Press, 2001.
40. Villinger M. *Zur Virtualisierung von Museen – Angebots- und Organisationsformen: Diplomarbeit im Fach Informationswissenschaft [Elektronische Ressource]* // KOPS - The Institutional Repository of the University of Konstanz. URL: http://kops.uni-konstanz.de/bitstream/handle/123456789/6305/309_1.pdf (Datum des Zugangs: 12.08.2020).
- Gertsena – Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*. 103. pp. 245–252. (In Russian).
25. Smirnov, A.V. (2016) *Contemporary Museum: Communication or Commemoration*. *Mezhdunarodnyy zhurnal issledovaniy kul'tury – International Journal of Cultural Research*. 3 (24). pp. 17–24. (In Russian).
26. Srednyak, K.V. (2014) *Muzeynaya kommunikatsiya v zerkale sovremennykh obrazovatel'nykh programm [Museum Communication in the Mirror of Modern Educational Programs]*. *Vestnik Nizhegorodskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta im. R.E. Alekseeva*. 3. pp. 10–15.
27. Ministry of Culture of the Russian Federation. (2014) *Tekhnicheskie rekomendatsii po sozdaniyu virtual'nykh muzeev (versiya 1.0)* [Technical Guidelines for the Creation of Virtual Museums (Version 1.0)]. Moscow: Ministry of Culture of the Russian Federation. [Online] Available from: http://vmusee.ru/wp-content/uploads/2017/04/Tekhnicheskie_rekomendatsii_po_sozdaniyu_virtualnogo_muzeya.pdf. (Accessed: 12.08.2020)
28. Chugunova, A.V. (2012) *Sotsiokul'turnyy obraz sovremennogo muzeya: modeli arkhitekturnogo voploshcheniya* [The Sociocultural Image of a Modern Museum: Models of Architectural Embodiment]. Abstract of Culturology Cand. Diss. Saint Petersburg.
29. Chugunova, A.V. (2010) *Muzeynaya arkhitektura v kontekste sovremennoy kul'tury* [Museum Architecture in the Context of Contemporary Culture]. *Voprosy muzeologii – Problems of Museology*. 1. pp. 34–43.
30. Yureneva, T.Yu. (2020) *Muzevedenie* [Museology]. Moscow: Akademicheskiiy Proekt.
31. Yurikova, A.V. (2017) [Museum Communication in the Context of the Internet Space]. *Kul'turnye tsennosti i traditsii sovremennogo obshchestva* [Cultural Values and Traditions of Modern Society]. Proceedings of the I International Conference. Novosibirsk. 16 November – 15 December 2017. Novosibirsk: Tsentr razvitiya nauchnogo sotrudnichestva. pp. 41–49.
32. Yakovets', I.O. (2014) *Communication Space of Modern Museum as One of the Main Categories of Museum Communication Theory*. *Visnyk Harkivs'koi' derzhavnoi' akademii' dyzajnu i mystectv – Bulletin of the Kharkiv State Academy of Design and Arts*. 4–5. pp. 129–133. (In Ukrainian).
33. Bourdieu, P. (1983) *Ökonomisches Kapital, kulturelles Kapital, soziales Kapital* [Economic Capital, Cultural Capital, Social Capital]. In: Kreckel, R. (ed.) *Soziale Ungleichheiten (Soziale Welt. Sonderband 2)* [Social Inequality (Social World. Special Volume 2)]. Göttingen: Verlag Otto Schwartz & Co. pp. 183–198.
34. Croteau, D. & Hoynes, W. (2003) *Media/Society: Industries, Images, and Audiences*. Thousand Oaks: Pine Forge Press.
35. Fürstner, T. (2011) *Das virtuelle Metamuseum* [The Virtual Metamuseum]. [Online] Available from: <http://archive.md/H4jJw>. (Accessed: 12.08.2020).
36. Gaia, G. (1999) *Promoting a museum website on the net*. *Museums and the Web—1999 (MW99)*. *Selected Papers*. New Orleans, LA, USA. 11–14 March 1999. [Online] Available from: <https://www.museumsandtheweb.com/mw99/papers/gaia/gaia.html>. (Accessed: 12.08.2020).
37. Ghouaiel, N., Garbaya, S., Cieutat, J.-M. & Jessel, J.-P. (2017) *Mobile Augmented Reality in Museums: Towards Enhancing Visitor's Learning Experience*. *International*

Journal of Virtual Reality. 17 (1). pp. 21–31. DOI: 10.20870/IJVR.2017.17.1.2885

38. Hooper-Greenhill, E. (1991) A New Communication Model for Museum. In: Kavanagh, G. (ed.) *Museum Languages: Objects and Texts*. Leicester Univ. Press. pp. 47–62.

39. Manovich, L. (2001) *The Language of New Media*. Cambridge: MIT Press.

40. Villinger, M. (2011) *Zur Virtualisierung von Museen – Angebots- und Organisationsformen: Diplomarbeit im Fach Informationswissenschaft* [On the Virtualization of Museums: Forms of Offer and Organization. Diploma Thesis in Computer Science]. KOPS, the Institutional Repository of the University of Konstanz. [Online] Available from: http://kops.uni-konstanz.de/bitstream/handle/123456789/6305/309_1.pdf. (Accessed: 12.08.2020).

Полная библиографическая ссылка на статью:

Саркисова, Е. Г. Музейное пространство в реальном и виртуальном коммуникативных полях: грани восприятия / Е. Г. Саркисова // *Наследие веков*. – 2020. – № 3 – С. 141–153. DOI: 10.36343/SB.2020.23.3.011

Full bibliographic reference to the article:

Sarkisova, E.G. (2020) Museum Space in Real and Virtual Communicative Fields: Facets of Perception. *Nasledie vekov – Heritage of Centuries*. 3. pp. 141–153. (In Russian). DOI: 10.36343/SB.2020.23.3.011

НАСЛЕДИЕ ВЕКОВ

№ 3 (23)
2020

НАУЧНЫЙ ЭЛЕКТРОННЫЙ ЖУРНАЛ

ISSN 2412-9798

16+

ЮЖНОГО ФИЛИАЛА ИНСТИТУТА НАСЛЕДИЯ

Сетевое издание

Выходит четыре раза в год

Учредитель: АНО Центр духовного развития и патриотического воспитания
«Родные традиции»

Издатель: Южный филиал ФГБНИУ «Российский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева»

Главный редактор: Горлова И. И., e-mail: ii.gorlova@gmail.com

Адрес редакции: 350063, г. Краснодар, ул. Красная, д. 28, оф. 5

Телефон: +7 (861) 268-22-98

E-mail: heritage.krasnodar@gmail.com

Издание зарегистрировано в Роскомнадзоре.

Регистрационное удостоверение: Эл № ФС 77 - 76198 от 19 июля 2019 г.

Присланные в редакцию материалы публикаций рецензируются в соответствии с Порядком рецензирования рукописей и не возвращаются авторам.

Все права на любые материалы, опубликованные в настоящем издании, защищены в соответствии с российским и международным законодательством об авторском праве и смежных правах.

Использование материалов, размещенных в настоящем издании, допускается при условии обязательного указания точной гиперссылки на журнал «Наследие веков». Гиперссылка делается на оригинальный адрес публикации (URL). При воспроизведении материалов не допускается искажение смысла используемого текста.

Название журнала на русском языке: Наследие веков

Транслитерация названия журнала: Nasledie vekov

Название журнала на английском языке: Heritage of Centuries

При изготовлении обложки была использован фрагмент цифровой копии картины Ивана Ерастова "Где рабочий и колхозница". Ссылка: http://www.fegatch.com/uploads/artwork/image/292/main_Farmer.jpeg

Дизайн сайта <http://heritage-magazine.com>:

Т. В. Коваленко, А. В. Крюков

Верстка html-версии журнала:

А. В. Крюков

Дизайн pdf-версии журнала:

Т. В. Коваленко, А. В. Крюков

Компьютерная верстка pdf-версии журнала:

А. В. Крюков

Дизайн обложки: А. В. Крюков

Редактура текстов статей:

О. О. Карслидис

Редактура пристатейных списков литературы на русском языке:

О. О. Карслидис, А. В. Крюков

Редактура пристатейных списков литературы на английском языке: В. В. Кашпур

Редактура аннотаций на английском языке:

В. В. Кашпур

Издание индексируется:

- в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ), (договор 714-11/2015).

Страница издания: http://elibrary.ru/title_about.asp?id=56593

- в системе Google Scholar.

Ссылка: https://scholar.google.ru/scholar?start=10&q=heritage-magazine.com&hl=ru&as_sdt=0,5

Распоряжением Минобрнауки России от 12 февраля 2019 г. № 21-р электронный журнал «Наследие веков» включен в **Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.**

Номер сверстан: 30. 09. 2020

Размещен в сети Интернет: 30. 09. 2020

Гарнитура: Cambria

Формат: 210x297 (60x84/8)

Усл. печ. л.: 18,02

Уч.-изд. л.: 14,3

Размер файла: 16,668 Mb

© Наследие Веков

© АНО ЦДРПВ «Родные традиции»

© Южный филиал ФГБНИУ «Российский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева»